

К-14038

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СССР
ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

ISSN 0453-8048

**ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

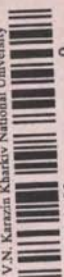
352'91

**КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ
ЛИНГВИСТИКИ И МЕТОДИКИ
ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ
ЯЗЫКОВ**

«ОСНОВА»

2 р.

V.N. Karazin Kharkiv National University

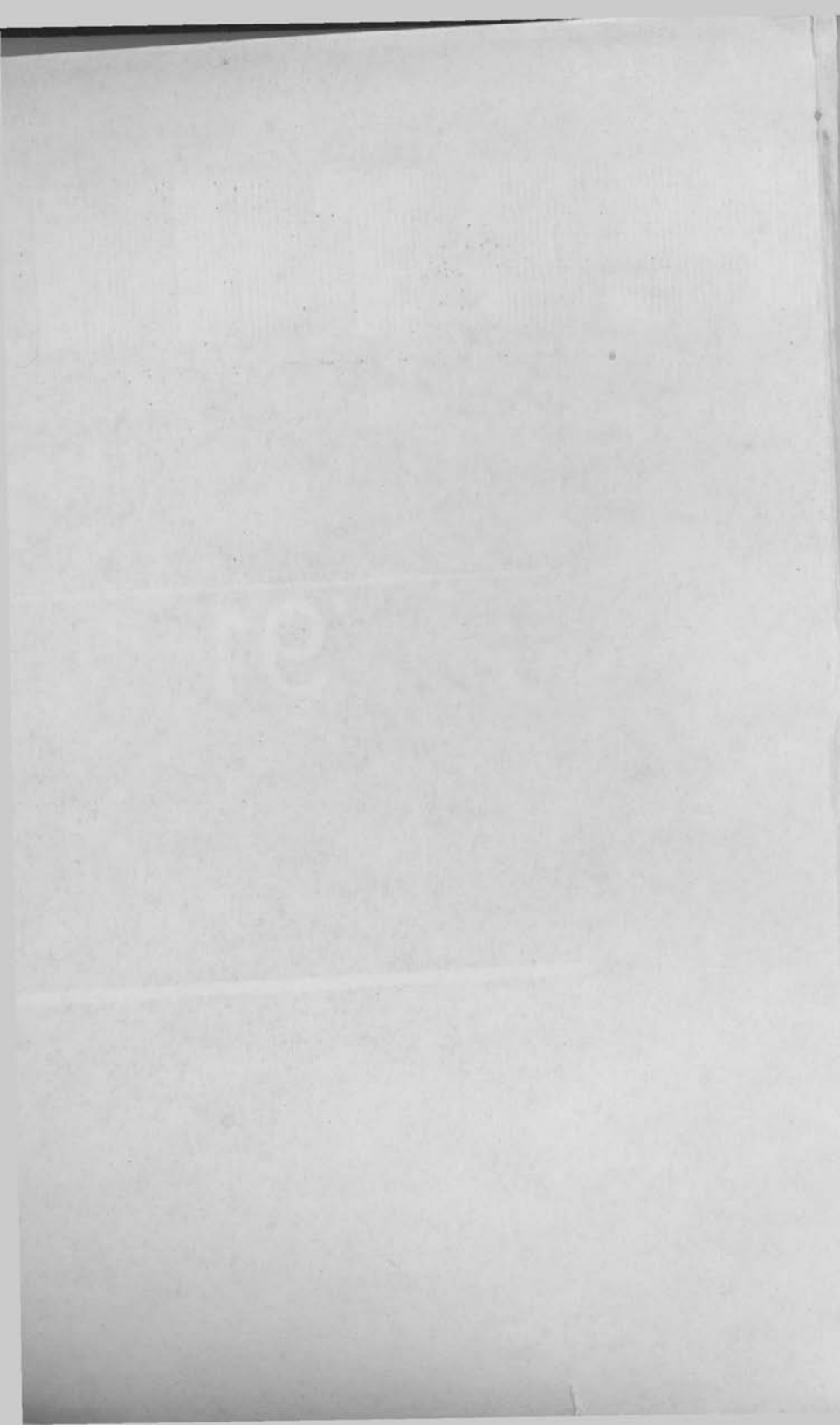

00296583

9

Харьк. ун-та. 1991. № 352. Коммуникат. аспекты лингвистики
и методики преподавания иностр. яз. 1—112.

« ОСНОВА »

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СССР
ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

ISSN 0453 8048

ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 352

**КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ
ЛИНГВИСТИКИ И МЕТОДИКИ
ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ
ЯЗЫКОВ**

Основан в 1966 г.

ХАРЬКОВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ОСНОВА» ПРИ ХАРЬКОВСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
1991

В статьях освещаются актуальные общетеоретические проблемы современной лингвистики, исследуются структурно-семантические и прагматические характеристики языковых единиц различных уровней, а также рассматриваются вопросы методики преподавания иностранных языков.

Для преподавателей, научных работников и специалистов.

Редакционная коллегия: *Е. И. Морозова* (отв. ред.), *Л. В. Конопельцева* (отв. секр.), *О. И. Давыдов*, *В. И. Каравашкин*, *С. Т. Навальная*, *Э. Г. Паповянец*, *В. А. Подмиогин*, *Л. Н. Черноватый*, *Ю. К. Чучко*

Адрес редакционной коллегии: 310077 Харьков, пл. Дзержинского, 4, университет, факультет иностранных языков, тел. 45-75-04

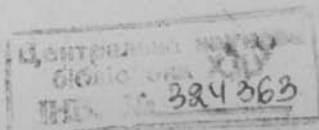
Редакция правовой, педагогической и филологической литературы
Зав. редакцией *Н. Н. Сорокун*

Издано по заказу Харьковского государственного университета

К-14038

В 4601000000-065
М226(04)-91 Заказное

© Харьковский государственный университет, 1991

КОММУНИКАТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Идея членения предложения на две части — исходный пункт и цель высказывания — была выдвинута французским лингвистом Г. Вейлем еще в середине прошлого века [1, с. 11]. Эта идея была развита В. Матезиусом [2], который и считается основоположником теории актуального членения.

Вплоть до настоящего времени тема — рематические отношения в подавляющем большинстве работ рассматривались на материале простых изолированных предложений. Даже применительно к сложному предложению проблема актуального членения остается пока малоизученной, хотя есть ряд работ, посвященных ее исследованию [3—6].

При решении вопроса о коммуникативной организации сложного предложения наибольшую трудность представляют собой сложноподчиненные предложения, поскольку сложносочиненные предложения, вероятно, можно рассматривать как соединение относительно самостоятельных коммуникативных структур со своим особым актуальным членением. Что касается сложноподчиненных предложений, то здесь возникает вопрос: можно ли при исследовании этого типа предложений использовать формальный аппарат, сформированный на материале простых предложений.

Известно, что в основе деления предложения на тему и рему лежит субъектно-предикатная структура. Субъект суждения — это то, относительно чего нечто утверждается или отрицается в данном предложении. Предикат суждения — это то, что утверждается или отрицается в пределах данного предложения. Очевидно, членение суждений и сложноподчиненного предложения не совпадает.

Однако, имея в виду единую сущность человеческого мышления, которое воплощается в языке, можно предположить, что тема — рематическая организация является универсальным способом развертывания речевой коммуникации на любом уровне вплоть до текста.

Считают, что актуальное членение, суть которого заключается в бинарном противопоставлении исходной точки (темы) и собственно коммуникации (ремы), является единым как для простого, так и для сложноподчиненного предложения [4; 6]. Однако это не исключает особенностей, присущих только сложноподчиненным предложениям.

Прежде всего, это многоярусность актуального членения сложноподчиненных предложений [3; 6]. Идея многоярусности заклю-

чается в том, что актуальное членение дублируется на нескольких ярусах, начиная с самого высшего, образуя как бы иерархию ярусов.

На первом, высшем ярусе отношения между темой и ремой существуют в рамках всего сложноподчиненного предложения как единой коммуникативной единицы. Актуальное членение этого яруса определяет «способ включения предложения в предметный контекст, на базе которого оно возникает» [2, с. 239]. Актуальное членение всех последующих ярусов определяет способ включения частей сложного предложения в контекст только данного сложноподчиненного предложения.

Ср.: He asked me many questions about myself and my plans...
I told him / I was a journalist.

(Этот и остальные примеры взяты из рассказа С. Моэма «The Dream». Наклонной чертой обозначена граница между компонентами на высшем уровне актуального членения).

На высшем уровне актуального членения данное сложноподчиненное предложение распадается на тему, выраженную главным предложением, и рему, выраженную постпозитивным придаточным предложением. На втором уровне на тему и рему распадаются и главное, и придаточное предложение. Тему образует местоимение «I», а рему — остальные части главного и придаточного предложения.

Поскольку нас интересует связь тема-рематической структуры предложения с текстом, то мы будем рассматривать актуальное членение сложноподчиненных предложений на верхнем ярусе.

Следует подчеркнуть, что бинарное деление сложноподчиненного предложения не предполагает обязательного совпадения границ членения на тему — рему с границами синтаксического членения на главное и придаточное предложения [5]. Функциональный анализ обстоятельственных сложноподчиненных предложений выявил два вида коммуникативных единиц: монофункциональные и полифункциональные [6].

Монофункциональные коммуникативные единицы характеризуются только одним типом актуального членения, которое продиктовано их структурно-семантическими особенностями. К их числу относят сложноподчиненные предложения следствия, степени сравнения, а также временные предложения, характеризующиеся взаимным подчинением.

Ср.: I denied her accusations as long/as it was possible to deny them....

He was a Russian, a tall fellow, but amazingly stout and he had so vast a paunch /that he was obliged to sit well away from the table.

Являясь исходным пунктом, препозитивные предложения образуют тему, а постпозитивные — рему высказывания.

К монофункциональным высказываниям относятся также «инверсивные» временные сложноподчиненные предложения и некоторые другие.

Ср.: She was not young / when I married her...

Полагают, что главное предложение в данном случае подчинено придаточному по содержанию, а придаточное главному — по форме, при этом главное образует тему высказывания, а придаточное — его рему.

Все монофункциональные высказывания характеризуются симметрией актуального и синтаксического членения.

В полифункциональных коммуникативных единицах заложена потенциальная возможность нескольких актуализаций. При этом в качестве темы и ремы могут выступать не только главное и придаточное предложения, но и их части. В этом случае часто наблюдается несовпадение границ актуального и синтаксического членения.

Ср.: She was jealous not only of the women I knew, but of my friends, my cat, and my books. On one occasion in my absence she / gave away a coat of mine merely because I liked none of my coats so well.

Данное сложноподчиненное предложение распадается на состав темы и два состава ремы, причем отдельное тема-рематическое членение наблюдается только в препозитивном главном предложении. Постпозитивное придаточное предложение не имеет темарематического отношения, так как выступает в качестве нерасчлененного обоснования действия, выраженного в главном предложении.

Полифункциональными высказываниями чаще всего становятся сложноподчиненные предложения с постпозитивными придаточными причины, условия, образа действия, уступки.

В сложноподчиненных предложениях с придаточными дополнительными, вероятно, в большинстве случаев границы актуального и синтаксического членения совпадают, при этом главные препозитивные предложения образуют тему, а придаточные постпозитивные — рему.

Ср.: I was awakened by a piercing scream from my wife.

Startled, I asked her / what was the matter. She told me / that she had a fearful nightmare; she had dreamt / that I was trying to kill her.

Существует точка зрения, согласно которой сложноподчиненные предложения с придаточными дополнительными могут иметь возможность нескольких актуализаций, в том числе с асимметрией актуального и синтаксического членения [5]. Это имеет место в том случае, если главное предложение содержит в своем составе 1) глаголы, характеризующие манеру речи, а также обстоятельственные обороты или обстоятельства образа действия, выполняющие катафорическую функцию; 2) логические и модальные частицы, корреляты, отрицания.

Полагаем, что в сложноподчиненных предложениях с придаточными дополнительными возможность нескольких актуализаций в большей мере зависит от семантической весомости глагола — сказуемого главного предложения.

Ср.: My wife was a very remarkable woman... For a good many years we lived together on perfectly friendly terms. She was, however, of a jealous temperament and unfortunately she loved me to distraction... I / do not pretend that I was faithful to her.

Что касается сложноподчиненных предложений с придаточными определительными, то придаточное предложение может входить в состав темы или в состав ремы в зависимости от того, в какой из них входит соотносительное слово.

Ср.: She thought I hated her, she thought I would gladly be rid of her; she knew of course that she was insufferable, and at some time or other the idea had evidently occurred to her that I was capable of murdering her. The thoughts of men are incalculable and ideas enter our minds that we should be ashamed to confess. Sometimes I had wished that she might run away with a lover, sometimes that a painless and sudden death might give me my freedom; but never, never / had the idea come to me that I might deliberately rid myself of an intolerable burden.

В первом случае определительное придаточное предложение входит в состав темы, так как соотносительное слово (the idea) является в данном предложении темой. Во втором случае определительное придаточное предложение выполняет рематическую функцию, поскольку его соотносительное слово (idea) является в данном предложении ремой.

Интересный случай актуализации представляет собой третье сложноподчиненное предложение, в котором носителем ремы является инвертированное наречие never, never, что обусловлено контекстом. Все остальные части сложного предложения вместе с придаточным определительным образуют многословную тему.

Общей особенностью всех полифункциональных коммуникативных единиц является их зависимость от контекста, который допускает возможность нескольких актуализаций.

Исследование актуального членения сложных предложений представляет собой переходный этап к рассмотрению тематической организации текста.

Традиционно тематическая организация текста ассоциируется с понятием «тематических прогрессий» (ТП), классификация которых была предложена Ф. Данешем. Выделяются три основных типа ТП:

- 1) простая линейная ТП с цепной контактной связью;
- 2) ТП с постоянной темой (параллельная связь);
- 3) ТП с производными темами (линейная связь).

Предварительный анализ цельного текста показал, что выделяемы группы, в которых связь между предложениями согласуется с указанными типами тематической прогрессии.

В художественных текстах картина осложняется их композиционно-стилевыми особенностями. Художественный текст, как правило, содержит смешанные формы речи. Композиционно художест-

венный текст может строиться по принципу матрешки: в повествование от лица автора помещается повествование от лица персонажа, что приводит к усложнению тема-рематической организации текста.

Полагаем, что исследование подобных текстов позволит обнаружить большее многообразие тематических связей и, возможно, выделить иные варианты тематической прогрессии.

Список литературы: 1. *Firbas J.* Some Aspects of the Czechoslovak Approach to Problems of Functional Sentence Perspective // *Papers on Functional Sentence Perspective*. Prague: Academic Publishing House, 1974. P. 11—37. 2. *Матезиус В. О.* О так называемом актуальном членении предложения // *Пражский лингвистический кружок*. М.: Прогресс, 1967. С. 239—245. 3. *Крылова О. А.* Понятие многоярусности актуального членения и некоторые синтаксические категории // *Филол. науки*. 1970. № 5. С. 86—91. 4. *Переписченко Г. П.* Структурно-коммуникативные типы многозвенных сложноподчиненных предложений в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973. 24 с. 5. *Чуракова Л. И.* Коммуникативное членение сложноподчиненных предложений как компонентов текста // *Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М. Тореца*, 1983. Вып. 209. С. 219—232. 6. *Кормановская Т. И.* О коммуникативной организации сложно-подчиненного предложения // *Вопр. языкознания*. 1987. № 3. С. 102—110.

Поступила в редколлегию 27.09.88

Г. В. ЕЙГЕР, канд. филол. наук

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАММАТИЧНОСТИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Были выдвинуты следующие гипотезы исследования.

1. Поскольку процесс решения ортологической задачи предполагает сравнение с эталоном, то по речевой продукции испытуемых можно будет судить о зоне поиска.

2. Ненормативность структуры может быть обоснована ссылкой на правило или аналогичный пример.

Общей тенденцией является сведение анализируемой структуры к вариантной или синонимичной, но по мнению испытуемых, более четкой конструкции, напр. *Im Juni waren es 5 Jahre her, dass wir bekannt sind—wir waren 5 Jahre bekannt... Es waren... es war 5 Jahre her — ja, es war 5 Jahre her.* Здесь задача облегчена благодаря инверсии структуры, вследствие чего важное для согласования *es* попало в более «сильную» позицию. Ориентировка на синонимичную структуру может привести и к ложному решению: *Im Juni waren es hundert Jahre her¹... hundert Jahre... Im Juni waren hundert Jahre vergangen... hundert Jahre waren vergangen... Im Juni waren es hundert Jahre... kein Fehler.*

¹ Очень часто повторяется не вся конструкция, а только ее часть, которая вызывает сомнение.

Приведем еще пример. Mein Mann und ich freuen sich, dass Sie kommen werden — ich freue mich... Mein Mann freut sich... Mein Mann freut sich und ich freue mich... freue zu umständlich... besser «wir freuen uns».

При преобразовании ненормативной структуры в нормативную выбирается та, которая требует меньше трансформаций. Durch das späte Frühjahr und des jetzigen Wetters haben wir eine ernste Lage bei der Einbringung der Ernte. Эта контаминированная структура исправлялась во всех семи случаях включением wegen, поскольку преобразование предложной группы с durch требует большого числа трансформаций. Аналогично: Ein Standpunkt vertritt man am besten mit Wissen исправлялось на Einen, так как пассивная трансформация требовала больше операций. При одинаковом числе трансформаций предпочитается трансформация в конце предложения: высказывание Da wir im Augenblick eine grosse Wandlung sich vollzieht было в восьми случаях из десяти преобразовано путем замены sich vollzieht глаголом durchmachen, а в двух случаях wir замещалось es. Если сомнительное место сразу не обнаруживалось (смутное чувство неуверенности в правильности структуры, по-видимому, имело место), то испытуемые пытались интерпретировать сомнительную часть структуры или всю структуру: Als erste Gäste besichtigte die Delegation die Ausstellung — die Delegation besichtigte also die Ausstellung... als erste... die Gäste besichtigten die Delegation... na, also... Als erster Gast besichtigte die Delegation... als erster Gast¹.

Большинство испытуемых руководствуется в своих оценках презумпцией правильности: если грамматическая структура может при одной семантической интерпретации рассматриваться как грамматически правильная, а при другой как грамматически неправильная, то предпочитается интерпретация, соответствующая нормативной структуре: высказывание Im Erdgeschoss befand sich eine Manufaktur, in der die Frauen der Familie Kleiderstoffe, Decken und Teppiche webten, um sie auf dem Markt zu verkaufen грамматически правильно, если die Frauen является семантическим субъектом при verkaufen и грамматически неправильным, если в инфинитивной группе подразумевается другой семантический субъект. Из 11 испытуемых 10 сочли предложение правильным, а один (оказавшийся филологом) указал на возможность другой интерпретации.

Если выбор грамматической структуры зависит от определенных лексических разрядов слов, то при определении правильности структуры сомнительное или более редко употребляющееся слово заменяется словом, входящим в ту же семантическую группу, связанную с ним контекстуально, напр. Drei Tage später schrieb die LPG Ihnen, mit der Kündigung zu warten, bis der Vorstand der Einstellung zugestimmt habe — Die LPG schrieb zu warten... ordnete an zu warten... bat... bat zu warten. Der Satz scheint rich-

¹ Примеры взяты из журнала «Sprachpflege» за 1957—1984 гг.

tig zu sein.— Оценка данной структуры как правильной связана, по-видимому, с тем, что просьба (bitten) может быть выражена и в письменной форме (schreiben). Schreiben рассматривалось в данном контексте как слово, совмещающее два вышеуказанных значения. Если найти заменяющее слово оказывается невозможным, то конструкция расценивается как ошибочная: Dem Kollegen... war zugesichert, bis zur Rückkehr eines Kollegen in einem bestimmten Stall zu arbeiten. Dem Kollegen... war zugesichert... war versprochen... zugesichert... zugesagt... nein, falsch... der Satz ist falsch. Аналогично: Sie tragen dazu bei, bereits im August 1952 die LPG... als eine der ersten in der Republik zu gründen «Sie tragen dazu bei... zu gründen... als eine der ersten... der ersten in der Republik zu gründen... ist nicht gut. Sie halfen... zu gründen. Kann sein... aber Sie halfen... als eine der ersten... zu gründen... das geht nicht. Der Satz ist nicht korrekt.

Иногда правильность / неправильность обосновывается ссылкой на правило: Um so mehr ist anzuerkennen, alle Früchte bestmöglich zu verwerten —...ist anzuerkennen... zu verwerten... aufzubewahren... Nach dieser Struktur — «sein und Infinitiv» ist der zweite Infinitiv unmöglich. В этом случае из семи испытуемых один сослался на правило, а остальные, оценивая данное предложение как ошибочное, не могли указать на ошибку. При отсутствии кодифицированного правила даже после обнаружения ошибки не всегда легко найти соответствующий правильный вариант. Приведем пример определения ошибки и поиска правильной структуры при решении ортологической задачи в триаде. Der Personalausweis ist ständig bei sich zu tragen. Испытуемые прочитывали предложение еще несколько раз, фактически выделяя Der Personalausweis и bei sich, однако сразу обнаружить неправильную корреляцию не смогли. Затем они интерпретировали предложение: Der Personalausweis ist sehr wichtig. Man muss ihn immer haben. Den Personalausweis darf man nicht zu Hause lassen и т. п. 9 из 12 испытуемых отметили далее, что здесь что-то не в порядке. Затем один испытуемый указал на ошибочную связь Der Personalausweis и bei sich. Большинство испытуемых хотело сохранить субъектно-объектную структуру предложения и принимало такие пробы: Der Personalausweis ist ständig zu haben... Wer muss ihn haben? Der Personalausweis ist in der Tasche... В этом случае, однако, испытуемые отмечали выпадение bei sich и введение новой информации. Делались попытки пассивной трансформации — Der Personalausweis muss ständig getragen werden — но отмечалось, что это предпочтение неудачно, поскольку смысл меняется из-за отсутствия bei sich. Признавалась неграмотной и попытка включить в такое предложение bei sich — Der Personalausweis muss ständig bei sich getragen werden. И только после этих попыток испытуемые (и то не все) приходили к необходимости лексических включений или конверсивного преобразования: Jeder (Mann) hat den Personalausweis ständig bei sich zu tragen. Alle haben den Personalausweis ständig bei sich zu tra-

gen. Интересно отметить, что предполагаемые Sprachpflege варианты с включением «Jeder Bürger» и заменой сказуемого синонимичной структуры с глаголом müssen вообще ни разу не были зафиксированы. По-видимому, преобладало стремление вносить лишь изменения, необходимые для максимального сохранения структуры. Это можно объяснить тем, что в процессе наблюдения за чужой речью читающий (если он уже обратил внимание на ошибку), стремится исправить ее наиболее простым экономичным способом. При анализе предложений достаточно большой протяженности сомнительные части структуры выделяются, компрессируются: Dieser Ausdruck ist zur Zeit noch in keinen allen zugänglichen Nachschlagewerken enthalten keinen Nachschlagewerken... keinen allen zugänglichen Nachschlagewerken... so... in keinem Nachschlagewerk... richtig — «in keinem allen zugänglichen Nachschlagewerk». Die Pluralform ist falsch.

В процессе компрессии происходит абстрагирование от несущественных для решения ортологической задачи элементов структуры предложения. Психологически это означает «очищение действия от «шумов» конкретного многообразия» [1, с. 59]. Выделение проверяемой структуры и ее компрессия должны облегчить сравнение с эталонной моделью. Это подтверждается в частности и тем, что ненормативные структуры в составе краткого высказывания обнаруживаются испытуемыми обычно сразу: Warm gekleidet, wird der Winter schön — «Der Satz ist falsch». На вопрос, в чем заключается ошибка, испытуемые указывали на неправильное соотношение партиципального оборота с подлежащим основной части высказывания.

Выше уже отмечалось, что при решении ряда ортологических задач испытуемые, еще не определив, в чем заключается ошибка и каковы ее причины, ощущали смутное чувство несоответствия. Это чувство необязательно сразу сменяется чувством обнаружения и понимания ошибки. Так при анализе структур с зевгмой (неправильным совмещением) чувство несоответствия может сменяться чувством «неполноты высказывания»: Über dem Ort erhebt sich eine Burg, die der Johaniterorden im 14. Jahrhundert erbaut hatte und (пропущено die) heute ein Touristenhotel beherbergt. Испытуемые несколько раз перечитывали предложения без замедления чтения и интонационного выделения участков фразы, которые свидетельствовали бы о том, что их внимание привлекла какая-нибудь часть высказывания. В отношении дальнейшего решения задачи испытуемых можно разбить на три группы. Первая группа (4 испытуемых) после повторного прочтения отмечала, что в фразе чего-то недостает: Im Prinzip ist's möglich... Doch hier fehlt was...». Определить ошибку им не удалось. Вторая группа (3 испытуемых) после такой констатации неполноты высказывания утверждала: ...der Johaniterorden hatte erbaut... und heute «...beherbergt... nein, die Burg beherbergt... also... erbaut hatte und sie... die ein Touristenhotel beherbergt... «die» muss eingefügt werden». Третья группа (3 испытуемых) также отме-

чала неполноту высказывания, при коррекции ошибки пошла по другому пути: вместо включения неправильно совмещенного *die* была предложена пассивная трансформация: «*Über dem Ort erhebt sich eine Burg, die von der Johaniterorden im 14. Jahrhundert erbaut wurde und heute ein Touristenhotel beherbergt*. В этом случае ложное соотнесение *der Johaniterorden* и *beherbergt* было устранено. Тем не менее испытуемые не могли объяснить, в чем заключается ошибка. Она оказалась недостаточно осознанной.

О регуляции действий на основе так называемых смутных ощущений говорил еще И. М. Сеченов в связи с анализом уровней и форм психического регулирования действий. Позднее, специально занимавшийся изучением интуитивных процессов С. Г. Геллерштейн писал: «...смутные ощущения могут определять весьма сложную ориентацию... При этом происходят сложные процессы перехода смутных неосознанных ощущений в более отчетливые...» [2, с. 305—306]. Обнаруженное в данном случае чувство неполноты структуры предложения имеет определенное сходство с другим психологическим феноменом — интуитивным чувством неполноты высказывания, которое исследовал Л. П. Добраев, изучавший вопросы понимания текста: «Чтение и осмысление у опытного читателя регулируется выработавшимся у него интуитивным чувством полноты высказывания или чувством цельности и полноты его субъективно-предикатной структуры. В случае, когда один из компонентов остается невыясненным, оно конкретизируется как чувство необходимости найти для текстового субъекта его предикат, а для текстового предиката — субъект» [3, с. 156].

При наблюдении за решением ортологических задач мы встретились с действием двух механизмов, связанных с мыслительной деятельностью — анаксиоматизацией (снятием определенных требований к способу действия) и гипераксиоматизацией (наложением дополнительных требований). Рассмотрим следующий пример, *Die Autos wurden vor die Garage gefahren, um sie zu waschen*. Конструкции такого типа находятся в так называемой «серой зоне», вмещающей в себя явление, находящиеся на периферии нормы [4, с. 15]. Это предложение было предъявлено 29-ти испытуемым с заданием определить его нормативность. 12 информантов оценили его как нормативное, 7 — считали предложение неправильным и предложили заменить инфинитивный оборот на придаточное цели с союзом *damit*. Два испытуемых предложили изменить порядок следования инфинитивного оборота и основной части предложения, а два других — ввести в инфинитивный оборот модальный глагол *können*; один испытуемый предложил заменить инфинитивный оборот предложной группой. Включение в предложение глагола *können* и изменение порядка следования частей предложения никак не влияют на грамматичность, поэтому можно считать, что предложенные трансформации являются следствием действия механизма гипераксиоматизации: испытуемые не могут обнаружить источник ошибки и вводят необоснованные ограничения на употребление данной модели. Деаксиоматизация возникает в тех случаях, когда

испытываемые не замечают нарушения нормы: Der nach Dresden fahrende Omnibus wackelt zu sehr, um lesen, zu können. В этом предложении не совпадают субъекты действия в основной части и в инфинитивной группе. Такое несовпадение допускается при наличии следующих условий: а) субъект в главной части предложения должен быть пассивным; б) не должно быть указано лицо, производящее действие; в) отсутствующий в инфинитивной группе субъект действия должен соответствовать местоимению тот; г) инфинитивная конструкция должна иметь значение цели¹. В этом предложении нарушено первое и четвертое условие. Поэтому оценка структуры как нормативной (2 испытуемых из 11-ти) возникла как результат действия механизма деаксиоматизации — указанные два условия были сняты. Решение ортологических задач показало, что испытуемые могут оценивать конструкции одного и того же типа по разному. Рассмотрим следующий случай. 19-ти испытуемым было предъявлено 5 предложений с заданием определить их нормативность. Три из них полностью соответствовали норме, а два следующих предложения не соответствовали принятым нормам: 1. In unserer Gesellschaft gibt es klare Merkmale, um einzuschätzen, was ein Arbeiter leistet. 2. Derartige Erfahrungen sind eine wichtige Voraussetzung, um tiefere Einsichten in das komplizierte Netz der objektiven Entwicklungsgesetze der sozialistischen Gesellschaft zu gewinnen.

В этих предложениях инфинитивный оборот um zu употреблен вместо определительной инфинитивной группы. 10 испытуемых оценили оба предложения как неправильные, 4 — как правильные, 1 испытуемый сказал, что не уверен в правильности, но категорически утверждать не может. 4 испытуемых одно из рассматриваемых предложений отнесли к нормативным, а другое к неправильным. При этом оценки указанных двух предложений не у всех испытуемых совпадали.

Таковы основные особенности принятия грамматического ортологического решения.

Список литературы: 1. Гальперин Н. Я. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий // Исследование мышления в советской психологии. М., 1966. С. 236—277. 2. Геллерштейн С. Г. Чувство времени и скорость двигательных реакций. М., 1958. 3. Доблаев Л. П. Об «интеллектуальном» чувстве необходимой полноты высказывания // Вopr. психологии. 1981. № 3. С. 89—100. 4. Ицкович В. А. Очерки синтаксической нормы. М., 1982. 5. Dollmann G. Möglichkeiten und Tendenzen des Gebrauchs von Infinitivkonstruktionen im heutigen Deutsch // Sprachpflege. 1981. H. 6. S. 85—88.

Поступила в редколлегию 01.10.88

¹ Эти правила установлены А. Дольман [5] на основе анализа большого корпуса текстов и экспериментальных данных.

РЕЧЕВЫЕ ШАГИ КАК СЛОЖНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ
РЕЧЕВОГО МАТЕРИАЛА

В письменной речи на многих языках наряду с речевыми образованиями, в основе которого находится предложение или его эквивалент, наблюдаются речевые образования, языковой составляющей которых является сочетание предложений, разделенное внешним знаком препинания (точкой, вопросительным или восклицательным знаком, многоточием) или внутренним знаком препинания (запятой, точкой с запятой, двоеточием, тире): Стой! Сюда пойдём (Л. Н. Толстой) — Стой, сюда пойдём; Господин Никитин! Так нельзя-с (В. М. Гаршин) — Господин Никитин, так нельзя-с; Don't worry. We can fix things too (S. Hill) — Don't worry, we can fix things too; I'm awfully sorry. I'm afraid I haven't got one (S. Maugham) — I'm awfully sorry, I'm afraid I haven't got one; Voyons, lis-moi toute le page... Ca me rappellera quand j'étais petit (F. Mauriac); Voyons, lis-toi le page, ca me rapellera quand j'étais petit; Heurtebise! M'expliquerez-vous ce prodige! (J. Cocteau) — Heurtebise, m'expliquerez-vous ce prodige!

Единственное существенное различие между парами приведенных образований на поверхностном уровне — это различие в пунктуации (внутренний или внешний знак препинания). Следует отметить, что действующие пунктуационные правила не объясняют и не регламентируют использование внешнего, например, знака препинания, а не внутреннего, для разделения компонентов таких образований [3, 62]. Подобное незначительное различие между двумя видами указанных речевых образований может привести к выводу о том, что они представляют собой определенные варианты одной и той же речевой единицы.

Действительно, со статической точки зрения такие образования как элементы речевого материала (текста), и продукты речевой деятельности можно трактовать как альтернативные варианты реализации текстовой бипредикативной структуры. В этом случае, однако, необходимо все же определить условия употребления разных знаков препинания. Одно из объяснений может быть дано в терминах расчленения речевых образований, разделенных внутренним знаком препинания, точкой или другим внешним знаком препинания в коммуникативно-прагматических целях (например, для выделения обоих компонентных речевых актов). Такое объяснение предполагает уже смену точки зрения со статической на динамическую и требует учета подготовительного и исполнительского аспектов таких образований.

При динамическом, процессуальном подходе выясняется, что два вида анализируемых речевых образований не могут трактоваться как варианты одного типа речевого образования, так как

по условиям формирования и характеру реализации (исполнения) они отличаются друг от друга существенным образом. Адекватным поэтому представляется отграничение сочетаний простых речевых актов (ПРА), разделенных внутренним знаком препинания, как сложных речевых актов (СРА) от сочетаний простых речевых актов, разделенных внешним знаком препинания, как речевых шагов, не представляющих собой сложную речевую единицу.

Сложным речевым актом является не-минимальная речевая единица, характеризующаяся сложной акторечевой интенцией и состоящая из ПРА-функций, объединенных определенной дискурсивной связью на перлокутивном этапе и отграниченных друг от друга внутренним знаком препинания. Под речевым шагом понимается сложный элемент речевого материала, представляющий собой сочетание простых РА как продуктов речевой деятельности, образованное присоединением последующего ПРА к продуцированному предыдущему ПРА посредством определенной дискурсивной связи и разделенные внешним знаком препинания. Таким образом, СРА и речевые шаги (РШ) являются принципиально различными сущностями: первые — это единицы речевой деятельности, вторые — элементы речевого материала.

СРА и РШ сходны как продукты, результаты речевой деятельности, они существенно различны в речедетельном плане. Сложные РА планируются, задумываются и осуществляются как цельные единицы речи, тогда как РШ образуются в результате последовательного развертывания речевого хода коммуниканта. Причиной сглаживания различий между ними выступает линейный характер речи. РШ представляет собой, по сути, классический образец арте(ф)акта и поэтому его можно назвать «сложным речевым артеактом». Данный факт показывает, что изучение только речевого материала, без учета того, что он представляет собой лишь часть (продукт) речевой деятельности, не позволяет адекватно описать речевую деятельность и страдает сильным редукционизмом, поскольку не позволяет достаточно четко и последовательно разграничить акты и артеакты [1, с. 45].

Объединение простых РА в СРА и РШ возможно в силу существования системных отношений включения и толерантности между ПРА на иллокутивном и перлокутивном уровнях. В РШ, как и в СРА, между компонентными ПРА могут устанавливаться дискурсивные отношения трех типов: субординации (перлокутивное и иллокутивное подчинение одного ПРА другому), координации (сходство типов) видов перлокуции и иллокуции компонентных ПРА и способствования (осуществление перлокуции одного компонента, обычно метаречевого акта, делает возможным осуществление другого, собственно речевого акта).

В соответствии с типом дискурсивного отношения между компонентами ПРА выделяется три типа РШ: комплексные, композитивные и составные. В комплексные РШ компоненты находятся в прагмасемантическом отношении субординации: Подождите

немного... Мне хочется сказать вам кое-что (В. М. Гаршин), Что мне русские сделают? Я старик (Л. Н. Толстой), А у меня радость. Поздравь (Е. Рожков), Come on girl. The rest of the troops are ready (S. Hill), Let's get out quick. It's no good wasting time (S. Maugham), She's a great big star. She doesn't need my help (S. Hill), Parle-moi de cette femme que tu aime. Tout ce qui te touche m'intéresse (A. Maurois), Mais bien sûr qu'elle est faite pour Bard. Elle n'est pas tellement plus jeune que lui après tout (F. Mauriac), Mais cela arrive. J'en suis un exemple (A. Maurois). В комплексных РШ один ПРА всегда представляет собой определенное конкретизированное эксплицирование акторечевой презумпции другого ПРА.

Для композитных РШ характерно дискурсивное семантико-прагматическое отношение координации между компонентами: Какие мы там мужики будем? Да там и жить нельзя, воля ваша (Л. Н. Толстой), Смирно... Ряды-вздой! Слушай, на кра-аул! (В. М. Гаршин), I've been ashamed. I've been so sorry (S. Maugham), A lot of the time I don't know what I want. But I do know that I'm sick of this struggle (S. Hill), J'ai longtemps souhaité mourir... Maintenant cela va mieux... (A. Maurois), Nous en habitons seuls toute une aile. Mais c'est moi, je le reconnais, qui crée ce desert (F. Mauriac). Композитные РШ обычно входят в состав больших речевых образований.

В состав РШ между компонентными ПРА наблюдаются только перлокутивные дискурсивные отношения, семантические и иллокутивные отношения отсутствуют, поскольку компоненты представляют собой метаречевой акт и собственно речевой акт: Иван! Самовар барину поставь (Л. Н. Толстой), Здравствуй... Вот видишь, каков я... (В. М. Гаршин), Линник! Ты чего? (А. Строковский), Tony, hi. Do you remember me? (S. Hill), How do you do, I knew your father (S. Maugham), Listen, I think I'd better call you back (S. Hill), Bonsoir, monsieur Monsieur!.. Je puis faire quelque chose pour vous? (A. Maurois), Orphée, mon poète... Regarde comme tu es nerveux depuis ton cheval (J. Cocteau). В составных РШ порядок компонентов строго фиксирован: метаречевой (способствующий) акт всегда предшествует речевому (способствующему) акту.

В зависимости от количества компонентных ПРА все РШ можно подразделить на минимальные (состоящие из двух компонентов) и неминимальные (включающие более двух компонентов ПРА): Жена должна верить мужу. А как же? В семейной жизни главное — доверие. Иначе семейная жизнь просто, невысказано (А. В. Вампилов), Николай, друг мой! Ты ли это? (В. М. Гаршин), Saul, for God's sake, don't go. There's no one out there. You'll never find your way back (M. Wilson), Go on Danny, on your bike. You only live down the road (S. Hill), Mes livres se vendent assez bien... J'écris quelques articles... Tout de même, la pauvre Françoise n'aurait guère les moyens de s'habiller dans les grandes maisons (A. Maurois), Tu poses pour l'affranchie... Mais depuis

ton mariage, tu es devenue d'amblée une femme de la famille... (F. Mauriac).

Неминимальные РШ строятся по модели минимальных РШ и поэтому в принципе сводимы к двухкомпонентным РШ, что указывает на важность изучения именно минимальных РШ. Следует, однако, иметь в виду, что в неминимальных РШ компоненты характеризуются не одним значением дискурсивной функции, как в минимальных РШ, а несколькими значениями. Основные модели РШ и СРА совпадают, о чем свидетельствует, в частности, сходство дискурсивных отношений между их компонентами, однако не все РШ могут быть поставлены в соответствие сложным РА. Так, обычно не используются РШ, соответствующие благодарным уведомлениям со значением «отказ» или «принятие предложения» респонсивной интеракциональной функции, и РШ, соответствующие СРА, где сочетаются метаречевое извинение с уведомлением, имеющим значение «возражение», «отказ» или «опровержение» респонсивной интеракциональной функции. С другой стороны, существуют ситуации общения, в которых используются только РШ, а не СРА. Наличие несоответствий между РШ и СРА служит еще одним подтверждением положения о различной природе данных речевых образований.

Принципиально неберным представляется введение понятия «расчленение сложного предложения» для объяснения комплексных и композитных РШ, как это делается рядом исследователей [2, 16]: Напутал, напутал я себе в жизни. Но теперь все конечно, ты прав (Л. Н. Толстой), Никакой беды у меня нет. И потом, чем ты мне поможешь, бабуль? (Е. Рожков), I'm not against success, if that's what you mean. And nor are any of the others in the band (S. Hill), Yes, I'm joking. But it's going to be difficult (S. Hill), Moi, avec ma classe, je n'ai plus beaucoup le temps de lire... Mais chaque jour tu me raconteras l'histoire (F. Mauriac), Je me suis adressé à l'amant d'Odette pour une démarche que seul pouvait faire un ami. Car je vous croyais mon ami (A. Maurois).

Естественно, если за конституирующий признак сложного образования принимать наличие союза (который фактически является только следствием дискурсивного акта объединения простых РА или локуций), то приходится трактовать такие образования как «расчлененные сложные предложения». Однако союзы могут быть семантическими (соединять части сложного предложения), прагматическими, семантико-прагматическими и прагматическими (соединять компоненты РШ и СРА). В приведенных РШ наблюдаются прагматические и семантико-прагматические союзы, маркирующие присоединение последующего компонента к предыдущему, и поэтому в данном случае нельзя говорить о «расчленении сложного предложения», так как здесь отсутствует соответствующая сложная акторечевая интенция. Более правильным следует определять это явление как присоединение, а не расчленение, поскольку такие образования не задумываются и не испол-

324363

няются как цельные. Анализ РШ показывает, что использование в них точки или другого внешнего знака препинания отражает несформированность сложной акторечевой интенции у коммуниканта: точка между двумя определенными ПРА ставится в том случае, когда они не объединены сложной акторечевой интенцией перед продуцированием первого ПРА (или во время его осуществления). Именно поэтому на протяжении предшествующих столетий в письменной речи на разных языках наблюдалось значительное варьирование в постановке точки.

Итак, исследование РШ позволяет подтвердить адекватность деятельностного подхода к речевым образованиям, в котором учитываются подготовительный и исполнительский аспекты образования речевых единиц наряду с результативным аспектом, показать адекватность учета психологических факторов при изучении речи и ее единиц, уточнить функции внешних знаков препинания по сравнению с внутренними знаками, выявить сходства и различия СРА и РШ и глубже уяснить сущность речевых единиц.

Список литературы: 1. Тарасов Е. Ф. Тенденции развития психолингвистики. М., 1987. 2. Шигаревская Н. А. Основы французской пунктуации. М., 1975. 3. Ширяев Е. Н. Соотношение знаков препинания в бессоюзном сложном предложении // Современная русская пунктуация. М., 1979. С. 60—73.

Поступила в редколлегию 24.09.88

В. KRYK

ON PRAGMATIC UNIVERSALS

Before one can address the problem of pragmatic universals and try to establish their identity, a clear delineation of the field of pragmatics is in order. Numerous semantic studies of the last two decades have delved into problems which, as it turned out, could not be solved within the framework of truth-conditional semantics. As a result, the questionable issues were, to quote a well-known expression, dropped into the pragmatic wastebasket, the field of pragmatics remaining still largely undefined. However, as follows from the most recent works on pragmatics [3; 9; 10; 15], the series «Pragmatics and Beyond», as well as «Journal of Pragmatics», the interest in the area has constantly been growing. Besides, although our idea of pragmatics has often been largely intuitive, the history of linguistic and philosophical writings reveals that the recognition of the field of pragmatics goes back to the 30-ies. Therefore, a linguist is not destined to work in a total vacuum, while establishing and defining some basic terms for his further investigations, some of which could gain the status of pragmatic universals.

1. *A Bit of History.* The modern usage of the term 'pragmatics' is attributed to Charles Morris. He outlined the general shape of the science of signs (semiotics), within which he distinguished three branches of inquiry [11]: a) syntactics (syntax) — the study of formal relations of signs to one another; b) semantics — the study of the relations of signs to the objects to which the signs are applicable; c) pragmatics — the study of the relations of signs to interpreters.

However, Morrisian understanding of the term has been extended in accordance with the behaviouristic theory of semiotics, so that the scope of pragmatics was much wider than the work that currently goes under the rubric of

linguistic pragmatics, since it included what is now known as psycho-, socio-, and neurolinguistics, etc.

Since Morris' introduction of the trichotomy, the term 'pragmatics' has come to be used in two distinct ways. On the one hand, the very broad use intended by Morris has been retained, and it is still characteristic of the studies developed in Europe. On the other hand, and especially in analytical philosophy, the term 'pragmatics' was subject to a successive narrowing of scope. As a result, a number of distinct approaches to the field in question have sprung from Morris' original division of semiotics: the study of a wide range of sociological and psychological phenomena involved in sign systems in general or in language in particular (the Continental use); the study of certain abstract concepts that make reference to agents (one of Carnap's senses); the study of indexicals (Montague's sense), or the recent usage within Anglo-American linguistics and philosophy (stressing the notions of language users and context in communicative situations).

2. *Defining Pragmatics.* It is apparent that the problem which arises at this point would be finding an appropriate definition of pragmatics. As has been shown by Levinson [10; 1, 2], the task is by no means easy since none of the available definitions is entirely satisfactory. Be that as it may, out of the array of possible definitions, most promising seem to be the ones equating pragmatics with «meaning minus semantics», or with a theory of language understanding that takes context into account. They are not, however, free from deficiencies. This is not surprising, since satisfactory definitions of academic fields are rarely available. Apparently, if one really wants to know what a particular field is concerned with, one must observe what practitioners do.

This is where the international forum of pragmatists held in Antwerp (1987) might be helpful by providing a variety of current opinions on the subject. At the outset of the Concluding Round Table of the International Pragmatics Conference, Dr. Jef Verzhueen Secretary General of IPrA, stated that pragmatics by its very nature is a highly diversified field. The search for some sort of underlying unity is the 'raison d'être' of IPrA, therefore it seems important to devote a concluding discussion to the issue of coherence in the field of pragmatics, with special reference to the question of reaching a common perspective for fruitful interdisciplinary cooperation.

In the course of the discussion, Prof. Charles Fillmore supported the proposal that there are many linguistic structures that appear to be dedicated to specific pragmatic purpose. Thus he uses pragmatics to refer to the relation between language and activities, or interaction, or recognition of context, etc.

According to Prof. Elinor Ochs, it is necessary to conduct cross-cultural pragmatics. However, she warned against pursuing such studies if they operate on the tacit assumption that there is a set of principles or processes that is static, a body of knowledge shared by members of a given speech community which children come to acquire. It is obvious that systems of language usage change, both ontogenetically and phylogenetically. Hence a child does not simply acquire a fixed set of knowledge, but rather there is a kind of potential as part of our human capacity for the negotiation and transaction of that knowledge.

Prof. John Gumperz suggested that out of three possible approaches to pragmatics advocated at the conference, i. e. language-centered approach, text-centered approach, and situation-focused approach, the latter is closest to pragmatics. If we look at language from a situational perspective, we can deal with a number of theoretical phenomena in terms of a set of observable phenomena, verifiable behaviorally. Thus a pragmatist should be concerned with how these phenomena first accomplish organizational tasks, and then enter into inferential processes. That would result in a fresh look at linguistic data, many of which have been considered in pragmatics.

In conclusion, Prof. John Marshall emphasized that the status of pragmatics is determined by the state of the art in other discipline. Hence, the pragmatic justification for even having the pragmatic label is that pragmatists draw upon psychology, sociology, cultural anthropology, and possibly other fields as well. If pragmatics allows for such a diversity, it is the best justification for its existence.

On the basis of the above discussion one may risk a statement that, due to the wide diversity of issues that pragmatics is/may be concerned with, it would be difficult to come up with a set of notions deserving the label of a pragmatic universal. Still, according to Levinson, many principles governing socially appropriate interaction and certain ritual constraints are of a universal or near-universal nature. Apart from these, deixis is another candidate for a pragmatic universal, as it has been known since Bar-Hillel that all natural languages have indexicals, however differently grammaticalized. The same can be said of some other issues tackled by pragmatics, and I will show in the due course to what extent my conjecture can be justified.

3. *The Analysis*. 3.1. Deixis. The first candidate for this position is deixis: «the most obvious way in which the relationship between language and context is reflected in the structure of languages themselves». In short, deixis concerns the ways in which languages grammaticalize features of the context of utterance or speech event, and thus also concerns the ways in which the interpretation of utterance depends on the analysis of the context, e. g. consider the infinite number of possible interpretations of:

(1) I will meet you here tomorrow which depend on the reference of the pronouns to the speaker and the addressee (person deixis), and on the reference of adverbs to various spatio-temporal locations (place and time deixis). Whether these three types of deixis are grammaticalized as pronouns and adverbs, or otherwise, it is obvious that, regardless of the language we use, any communicative situation involves these three components, i. e. the participants of the speech event and spatio-temporal variables. Finally, it is a fact about natural languages that they employ indexicals marking the distance from the zero-point of the utterance (which is determined by the spatio-temporal location of the speaker). Consequently, deixis can be considered one of pragmatic universals, a notion pertinent to the present analysis.

3.2. Implicature. Is another candidate for this position, the relevant theory being due to Grice [4]. The sources of this species of pragmatic inference lie outside the organization of language, in some principles for cooperative interaction, which have a pervasive effect on the structure of language. Thus the concept of implicature seems to offer some significant functional explanations of linguistic facts. Moreover, implicature provides some explicit account of how it is possible to mean more than what is actually said (literally expressed by the conventional sense of the linguistic expressions uttered), e. g.

(2) A.: Can you tell me the time?

B.: Well, the milkman has just come. Thirdly, the notion of implicature seems to affect substantial simplifications in both the structure and the content of semantic descriptions, e. g. the two meanings of *and* in:

(3) I like bananas *and* Mary hates them

(4) He jumped on his horse *and* rode into the sunset. Fourthly, implicature seems to account for the use of such particles as *well*, *anyway*, etc. (and, obviously, their equivalents in other languages). Finally, the principles that generate implicatures have a very general explanatory power: they can explain the use of quantifiers, scalar predicates, metaphors, tautologies, etc. In view of these characteristics it seems that the concept of implicature is a legitimate candidate for a pragmatic universal, enriching the theory of language communication and providing explanations of otherwise mysterious facts about language.

3.3. Presupposition. Another kind of pragmatic inference which has, however, long enjoyed the status of a semantic relation, is presupposition. Mentioning the abundance of discussions on this issue would be beyond the scope of this work. Suffice it to say that the technical sense of the term 'presupposition' is restricted to certain pragmatic inferences or assumptions that are built into linguistic expressions, and which can be isolated using specific tests, in particular the constancy under negation. A few examples are in order here (note the so-called presupposition triggers):

a) presupposition carried by lexical items (factive verbs):

(5) I regret that Mary flunked the exam → Mary flunked the exam

b) existential presupposition carried by definite NP's:

(6) The king of France is bald → The king of France exists

- c) presuppositions in temporal clauses:
 (7) Before Strawson was born, Frege noticed presupposition → Strawson was born
 d) presuppositions in cleft sentences:
 (8) It was Henry that kissed Rosie → Someone kissed Rosie
 e) comparisons and contrasts:
 (9) John called Mary a virgin and then SHE insulted HIM → For John to call Mary a virgin is an insult and many others, exhaustively summarized by Levinson [10, 181-4].

The main characteristics of presuppositions is their constancy under negation, in questions, and under the scope of modals. Thus, 5 would always presuppose that Mary flunked the exam, even if it takes the following forms:

(5a) I don't regret	} that Mary flunked the exam
Do you regret	
It is possible that I regret	

However, most of these properties of presupposition have been questioned [7; 16; 8; 10]. Numerous problems with presupposition make one conclude that it is by no means a purely semantic concept, but rather that it straddles the semantics/pragmatics border. The abundance of literature on presupposition in many languages has shown that it can enjoy the status of a pragmatic universal. Even more so, if we follow Karttunen and Peters' [5; 6] attempts to recast presuppositions in the form of implicatures, which have independently been demonstrated to be legitimate pragmatic universals.

3.4. Speech Acts. Of all the issues in the general theory of language usage speech-act theory has probably aroused the widest interest. Psychologists, literary critics, anthropologists, and philosophers have looked into speech-act theory for an illumination of their problems. Above all, linguists have seen speech acts as applicable in syntax, and language learning, and elsewhere. Meanwhile, in linguistic pragmatics speech acts remain, along with presupposition and implicature, one of the central phenomena that any general pragmatic theory must account for.

The theory of speech acts is attributed to Austin [1], the central insight being that we use language to do things and that describing is only one of them. Austin suggested that in uttering a sentence, the speaker is involved in three acts: the locutionary act (uttering a sentence with a meaning); the illocutionary act (the utterance being an act of praise, threat, complaint, etc.); and the perlocutionary act (the effect it has on the hearer). Sentences performing actions are labelled performatives, as opposed to constatives, expressing assertions or statements.

Utterances can either be explicitly performative:

(10) I promise that I'll be there and it was this type of utterance of which Austin said it made no sense to talk of their being either true or false because they are actions, and not descriptions, and are distinct from:

(11) He promised her that he would be there which are not actions but descriptions thereof. Austin suggested that, unlike constatives, performatives cannot be true or false, but they can go wrong, i. e. be infelicitous. Thus they could be characterized by the sets of conditions necessary for their appropriate use (felicity or appropriateness conditions).

Austin's division into performatives and constatives was later elaborated on by Searle [14], who distinguished five classes of speech acts: representatives, directives, commissives, expressives, declarations. However, numerous disputes on the explanatory adequacy of any such classification have cast the status of speech-act theory into doubt. It seems that the problems arising with this approach (of classificatory and methodological nature), prevent us from treating the notion of speech act as a pragmatic universal. Not only is the concept fuzzy and subject to controversial interpretations. Also, new theories in discourse analysis and theory of communication have arisen, which show how the functions that utterances perform are in larger part due to the place they occupy within specific conversational sequences. Thus speech-act theory is currently undermined from the outside by the growth of disciplines concerned with the empirical study

of natural language. Therefore, by no means can speech acts accompany deixis, presupposition, and implicature under the rubric of pragmatic universals.

It goes without saying that the present remarks have only briefly touched upon the vast area of pragmatic issues, the above suggestions concerning potential pragmatic universals constituting a possible starting point for some more detailed analyses. Should my presentation stimulate further discussions in the field, then it has served its purpose.

- REFERENCES: 1. *Austin J. L.* How to do things with words. Oxford, 1962. 2. *Cole P., Morgan J. L.* (eds.). Syntax and semantics// Speech acts. Vol. 3. N. Y., 1975. 3. *Gazdar G.* Pragmatics: implicature, presupposition and logical form. N. Y., 1979. 4. *Grice H. P.* Logic and conversation// *Cole P., Morgan J. L.* (eds.). Syntax and semantics// Speech Acts. Vol. 3. N. Y., 1975. P. 41—58. 5. *Karttunen L., Peters S.* Requiem for presupposition// Proceedings of the Third Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society. 1977. P. 360—371. 6. *Karttunen L., Peters S.* Conventional implicature// *Oh C-K., Dinneen D. A.* (eds.). Syntax and Semantics/Presupposition. Vol. 11. 1979. P. 1—56. 7. *Kempson R. M.* Presupposition and the delimitation of semantics. Cambridge, 1975. 8. *Kryk B.* Factive verbs in English and Polish. Unpublished Ph. D. dissertation. Adam Mickiewicz University, Poznan, Poland, 1979. 9. *Leech G. N.* Principles of pragmatics. London, 1983. 10. *Levinson S. C.* Pragmatics. Cambridge, 1983. 11. *Morris C. W.* Foundations of the theory of signs// *Neurath O., Carnap R. and Morris C.* (eds.). International encyclopedia of unified science. Chicago, 1938. P. 77—138. 12. *Neurath O., Carnap P., Morris C.* (eds.). International encyclopedia of unified science. Chicago, 1938. 13. *Oh C-K., Dinneen D. A.* (eds.). Syntax and semantics// Presupposition. Vol. 11. N. Y., 1979. 14. *Searle J. R.* Speech acts. Cambridge, 1969. 15. *Verschueren J., Bertuccielli-Papi M.* (eds.). The pragmatic perspective, Selected papers from the 1985 International Pragmatics Conference. Amsterdam, 1987. 16. *Wilson D.* Presuppositions and non-truth-conditional semantics. N. Y., 1975.

Поступила в редколлегию 08.10.88

Отмечая отсутствие единообразия в понимании термина «прагматика», автор принимает более расширенное его толкование, в соответствии с которым, помимо чистого языкового аспекта, в прагматические описания должны включаться также психо-, социо- и нейролингвистические компоненты.

А. А. ПРОКОПЧУК, канд. филол. наук

СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ И ЧЛЕНЕНИЕ ТЕКСТОВОГО СОДЕРЖАНИЯ

Формирование текста с более или менее сложным содержанием связано с последовательным расчленением его содержания на более мелкие непосредственно составляющие. Во многих случаях иерархическая содержательная структура текста не составляется как совершенно оригинальная, а берется как существующая в языковой компетенции, заимствуется автором из существующих текстов. Предпосылкой такого использования, заимствования может быть аналогичность мотивов, целей и условий речевых коммуникаций. Появляющиеся в результате этого тексты характеризуются общностью ряда признаков, параметров относительно уже существующих текстов соответствующего типа.

В целом же различным видам речевой деятельности вообще

присуща та или иная степень регламентированности, нормированности, а тексты как продукты этой деятельности отражают в своей семантико-информационной, линейной структуре воздействие соответствующих регулирующих факторов, норм. Высшая степень регламентированности характеризует речевую деятельность, результатом которой являются тексты, семантическая и формальная организация которых регулируется специфическим типом норм, текстовыми нормами. Это касается прежде всего видов речевой деятельности, дающих в результате тексты, в основе которых лежит образец-матрица (заявление, доверенность и др.), образец-модель (деловое письмо, некоторые регламентированные типы текста научного исследования), образец-схема (объяснительная записка, традиционное «деревенское письмо») [2, с. 75—79]. По определенному образцу-схеме могут создаваться и сказки. Исследование русских волшебных сказок В. Я. Проппом позволило ему сформулировать основной вывод, заключающийся в том, что все волшебные сказки однотипны по своему строению, и что повторность основных составных частей превосходит всякое ожидание [3, с. 26—27].

Каким образом манифестируется содержание, логически расчлененное благодаря использованию определенной текстовой структуры, заданной видом речевой деятельности, текстовой нормой? Какие функции выполняют те или иные синтаксические конструкции при вербализации текстового содержания?

В известной работе У. Чейфа «Память и вербализация прошлого опыта» вопрос о воплощении в тексте имеющегося опыта решается на основе психологического эксперимента. По данным эксперимента процесс вербализации включает расчленение на эпизоды, пропозиционализацию и категоризацию, связанную с процессом номинации. Все процессы характеризуются как интерпретирующие и творческие [4]. Здесь же представлено мнение о том, что ряд вопросов, касающихся производства текста, может решаться и на основе изучения самих текстов как продуктов соответствующих процессов. В качестве факторов, обеспечивающих определенную степень тождества, единообразия сравниваемых объектов избираются: однотипность разновидностей речевой деятельности и текстов (текстовых фрагментов) как их результатов; однотипность логического содержания, подлежащего воплощению с помощью языковых средств. Под логическим содержанием понимается инвариант, объединяющий совокупность семантически близких, иногда синонимичных, речевых образований.

Как исходное здесь используется положение о том, что одной из важнейших функций языкового знака наряду с обозначением и обобщением является функция членения [5, с. 103]. В связи с этим можно предположить, что от выбора тех или иных синтаксических структур при вербализации содержательных составляющих текста может зависеть формально-семантическое, языковое членение текста. При проверке данного предположения анализировались тексты и текстовые фрагменты, в которых вычленяются ло-

гически однотипные содержательные составляющие. Так, среди забавных историй из жизни известных людей (нем. Anekdoten) есть такие, в которых на первом этапе смыслового членения можно выделить в качестве составляющих характеризацию действующего лица и повествование о конкретном случае (событии), имеющем отношение к названным особенностям этого лица. Подобного рода содержание может получить расчлененное языковое выражение, в результате чего возникает микротекст с двухкомпонентной структурой:

Wedekind hatte oft Geldsorgen. Er war auch einigen Leuten Geld schuldig, konnte aber nicht immer seine Schulden bezahlen.

Eines Tages meldete sich ein Gläubiger, dem Wedekind eine bedeutende Summe schuldig war. Der Mann wollte sein Geld haben und rief immer wieder: «Sagen Sie mir endlich, wann Sie mir Ihre Schulden bezahlen!» Wedekind antwortete darauf: «Glauben Sie mir, mein Herr, Sie schlafen bestimmt ruhiger, wenn Sie nicht wissen, wann ich meine Schulden bezahle» [9, с. 36].

Расчлененность текста подчеркивается различием модусных характеристик каждой из двух его составляющих. Несмотря на то, что в авторской речи в обеих частях употребляется одна и та же временная форма (Präteritum), описываемое в первой части не имеет точных пространственно-временных координат, не соотносено с конкретной временной и пространственной точкой. Употреблением наречия oft подчеркивается повторяемость подобного состояния в различное время и в различных местах. Случай, о котором повествуется во второй части микротекста, характеризуется как имевший место в пространстве и времени, поддающихся точному определению, хотя они и не уточняются в данном тексте. Составляющие рассматриваемого текста различаются функционально. Первая составляющая предназначена для создания у воспринимающего необходимых фоновых знаний о личности, о которой идет речь в микротексте. Вторая составляющая содержит элементы, подготавливающие и создающие комический эффект. Она допускает членение на дальнейшие составляющие, выполняющие различные функции по созданию комического эффекта [10, с. 17—18; 6, с. 140]. В анализируемом тексте расчлененность на два функционально-тематические единства подчеркивается и графически: первая составляющая образует первый абзац текста. В других текстах подобной структуры графическое выделение первой составляющей может отсутствовать, что свидетельствует о факкультативности этого признака.

Иной способ языкового выражения аналогичного содержания представлен в текстах, в которых характеристика лица в форме придаточного предложения включена в событийную составляющую текста: Robert Schumann begleitete einmal seine Frau, die eine hervorragende Pianistin war, auf einer Konzertreise. Nach einem Hofkonzert lobte der Fürst die Künstlerin und wandte sich an ihren Mann mit einer Frage: «Sind Sie auch musikalisch, Herr Schumann?» [9, с. 59—60]. Хотя характеризующий компонент включен

в состав текста, этот компонент не становится непосредственным элементом текстовой структуры, не приводит к образованию функционально-тематического единства, взаимодействующего с такого же рода другим единством (другими единствами). Нерасчлененность структуры данного рода текстов создается и тем, что характеризующему содержанию придается форма придаточного предложения, благодаря чему это содержание представлено как заднеплановое, как сопутствующая информация. Оно не получает статуса самостоятельного высказывания, а является только компонентом сложного предложения-высказывания. Для текстов данного рода не типично, чтобы характеризующая часть включала событийную часть. Это объясняется тем, что событийная часть в таких текстах является коммуникативно доминирующей и представление событийного содержания как заднепланового, тем более исключение его из текста противоречило бы целям коммуникации. Исключение же характеризующей части текста вполне допустимо, о чем свидетельствуют тексты, имеющие начало типа: *Eines Tages kam ein Herr zu C. Röntgen zu Besuch...* [9, с. 102], тексты, состоящие только из событийной части. Характеризующее содержание переводится в таком случае в области пресуппозиций.

Большой диапазон выбора способов вербализации существует в случаях, когда необходимо выразить совокупность содержаний, которые обозначим как «обстоятельственное» и «событийное». Такая необходимость возникает прежде всего в речевой деятельности, результатом которой являются повествовательные текстовые фрагменты, повествовательные тексты. Обстоятельственное и событийное содержание может представляться в текстовом фрагменте расчлененно. Мотивами такого способа представления бывают необходимость более детального изображения окружающего мира, природы, стремление подчеркнуть мысль о том, что природа является также одним из действующих лиц повествования, показать контрастные состояния природы и человека:

Der Tag zieht herauf. Der Wind läßt nach. Sonnenlicht glitzert in Schneekristallen. Rein und harmlos blinken Dächer und Bäume.

Mampe-Bitter hat sechs tote Rinder verladen. Begräbnisstimmung [11, с. 404];

Der Morgen zieht herauf. Die Sonne scheint, als sollte es Frühling werden. Sogar die Seen sind wieder getaut. Ein Bagger raupt sich den Wiesen zu.

Eine junge Frau steigt die Anhöhe zur Geflügelfarm hinauf. Sie ist verhärtet... [11, с. 427].

Слитное представление соответствующих содержаний может осуществляться несколькими способами, а именно:

1. Это может быть сложносочиненное предложение, часть составляющих которого выражает обстоятельственное значение, а другая часть — событийное:

Es war vier Uhr, noch dunkel draußen, und wir fuhren in die Hauptstadt. Im Dorf stieg der Genossenschaftsimker zu uns... [12, с. 42]. Для сравнения можно указать на аналогичное слитное пред-

ставление разнородных содержаний (экзистенциального, характеризующего, событийного) в начальной части некоторых сказок: *Es war einmal ein armer Bauer, der hatte kein Land, nur ein kleines Häuschen und eine alleinige Tochter, da sprach die Tochter: «Wir sollten...»* [7, с. 248]; *Es war ein armer Mann, der hatte vier Söhne, wie die herangewachsen waren, sprach er zu ihnen: «Liebe Kinder,...»* [7, с. 126].

2. Обстоятельственное содержание грамматикализируется, становится обстоятельным значением, получая форму придаточного временного предложения: *Als die Tage kürzer wurden, sattelte ich jeden Nachmittag mein Pferd und ritt in die Wälder. Ich blieb lange unterwegs* [11, с. 9].

3. Обстоятельственное содержание представлено как переднеплановое, оно имеет форму главного предложения, а событийному содержанию, вернее, его части, придается форма придаточного предложения с союзом *als*: *Es war ein Tag, beinahe so schauerlich wie der, an dem Direktor Weinschenk in Haft genommen war, als Frau Permaneder ihren Schwiegersohn in einer geschlossenen Droschke vom Gefängnisse abholte. Sie brachte ihn in ihre Wohnung..* [13, с. 660].

То, что событийное содержание облекается в форму придаточного предложения и его значение получает статус заднепланового, является своего рода несогласованностью логического и языкового, грамматического. Подобное явление наблюдается, например, в случае, когда после существительного среднего рода *das Mädchen* мы можем употребить местоимение женского рода *sie*, *die*, относящееся к данному существительному, нарушая тем самым грамматическую норму, которая требует согласования в роде. Вопреки отодвинутости событийного содержания на задний план оно оказывается доминирующим в составе высказывания. Именно оно, а не обстоятельственное содержание, представленное как переднеплановое, получает дальнейшее развитие в последующих высказываниях сверхфразового единства. Это свидетельствует о том, что положение о дополнителности информации, вводимой придаточным предложением, ее «тупиковом» характере [1, с. 161] нуждается в уточнении и ограничении.

4. Первый и второй способы при слитном представлении и обстоятельного и событийного содержания могут совмещаться, и тогда предложения, построенные на основе обстоятельного содержания, характеризуются неодинаковым отношением к предложению, возникающем на основе части событийного содержания. Здесь различной оказывается степень тесноты связи, зависимости: *Und so verging der Sommer, und der Herbst kam, und als das Laub sich zu färben und an der Ahorn- und Platanenbäumen auch schon abzufallen begann, da hatte sich bei denen, die Tag um Tag unter diesen Bäumen hinschritten, manches geändert. Wohl hieß es auch jetzt noch...* [8, с. 290].

Рассмотренные способы языкового выражения логически однотипных содержаний показывает, что слитное представление данных

содержаний, выбор однокомпонентной текстовой формы связано с наличием относительно небольшого объема содержания, подлежащего языковому выражению, и с использованием структуры сложного, сложноподчиненного и сложносочиненного, предложения. Если содержательная составляющая включает большой объем информации, то это может предопределить ее выражение в виде последовательности предложений-высказываний, образующей сверхфразовое единство как функционально-тематическую единицу текстовой структуры. Синтаксическая структура предложения играет важную роль не только на этапе расчленения текстового содержания на сверхфразовые единства, но и при расчленении содержания сверхфразовых единств. В зависимости от типа синтаксической структуры, ее емкости содержание сверхфразового единства может выражаться высказываниями, базирующимися на одной-двух пропозициях, а может также передаваться крупными, полипропозиционными блоками. Тем самым преимущественное использование тех или иных синтаксических структур влияет на фактуру текста.

Список литературы: 1. Москальская О. И. Грамматика текста: Пособие по грамматике немецкого языка для институтов и факультетов иностранных языков. М., 1981. 2. Пеньковский А. Б., Шварцкопф Б. С. О трех типах текста-образца // Аспекты изучения текста. М., 1981. С. 75—80. 3. Пропн В. Я. Морфология сказки. М., 1969. 4. Чейф У. Л. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. 12: Прикладная лингвистика. С. 35—73. 5. Шаляпина З. М. Три функции языкового знака и проблемы их отражения в лингвистическом описании // Проблемы функциональной грамматики. М., 1985. С. 103—120. 6. Юганов В. И. Единицы коммуникативно-информационного членения текста // Содержательные аспекты предложения и текста. Калинин, 1983. С. 134—141. 7. Die Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm. Berlin, 1979. 8. Fontanes Werke in fünf Bänden. Berlin und Weimar, 1977. Bd. 2. 9. Grobe Leute in kleinen Anekdoten. Warszawa, 1974. 10. Pochepstov G. G. Language and Humour. Kiev, 1982. 11. Strittmatter T. Ole Bienkopp. Berlin und Weimar, 1969. 12. Strittmatter. E. Schulzenhofer Kramkalender. Berlin und Weimar, 1967. 13. Mann Th. Buddenbrooks: Verfall einer Familie. Berlin und Weimar, 1969.

Поступила в редколлегию 27. 09. 88

Е. В. ТАРАСОВА, канд. филол. наук

О СООТНОШЕНИИ ПОЛЕВОЙ МЕТОДИКИ И ПРАГМАТИКИ В ОПИСАНИИ ЯЗЫКА

В обширной литературе по проблемам поля в языкознании встречаются высказывания о том, что полевые концепции языка являются по сути своей чисто парадигматическими, при которых анализ якобы замкнут системой языковых средств как таковых, поэтому коммуникативно-функциональные характеристики исследуемых единиц остаются вне поля зрения исследователя [4]. Данная точка зрения является, на наш взгляд, спорной.

Действительно, до сравнительно недавнего времени вопросы теории поля в большей степени связывались с описанием языковых средств с точки зрения их способности к отражению внеязыковой действительности в человеческом сознании, с дискуссиями по языковой семантике, соотношению языка и мышления, контенсивной типологии, в которых проблемы речи, реальной коммуникации практически не фигурировали.

Но ведь концептуальная основа, на которой зиждется полевая грамматика — это основа функциональная, а не формальная, ибо значение слов находится в их употреблении (Б. Малиновский). Семантика любой языковой единицы полностью реализуется не в изоляции, не сама по себе, но зависит от говорящего, слушающего и контекста (ситуации), то есть проявляется только в речи. Речь же вариантна по своей природе, так как является такой манифестацией языка, которая имеет собственную структуру и функциональную специфику.

Тот факт, что язык как продукт человеческого сознания, предназначенный для целей коммуникации, по природе своей организован [3, с. 97], считается сегодня аксиомой. Однако характер этой организованности в особенности в том, что касается области функционирования языка, то есть речи остается еще во многом дискуссионным.

Отказ от формализма в лингвистических исследованиях последних лет (особенно в работах функционального направления) неизбежно повлек за собой размывание считавшихся незыблемыми со времен Соссюра границ между структурой языка и его функционированием (т. е. языком и речью). Появляются языковеды, которые, устав от непрекращающихся споров по поводу разграничения языка и речи, призывают «согласиться с тем, что язык по своему характеру до определенной степени двойственен и лингвист не может игнорировать этот факт» [6, с. 172].

Как следствие приближения языковой теории к языковой практике происходит определенное смещение проблематики системности с традиционного объекта языкознания (языковой структуры) на речевую коммуникацию. В самом деле, если системность — это объективное свойство материи, то она в силу этого объективно присуща всем проявлениям и формам существования языка, а стало быть, она объективно присуща и речи [8, с. 6]. Коммуникативная деятельность, как всякая другая деятельность, по своему внутреннему строению также организована как система. Высказывания, тексты — любые речевые произведения управляются правилами, подчиняются закономерностям, составляющим в совокупности особую деятельностьную систему. Речь, следовательно, не может не быть системной, так как системность является необходимым условием общения [7, с. 287]. Несмотря на всю внутреннюю противоречивость процесса речевой коммуникации, всякое речевое явление, даже будучи случайным, в то же время необходимо регулируется закономерностями речевой коммуникации. И случайные, и нормативные черты речи причинно обусловлены.

Изучение же речи как деятельностной системы невозможно без обращения к логико-лингвистическому моделированию, помогающему выявлению и объяснению действий внутренних объективных закономерностей во внешней «размытости» речи. «Мы не можем представить, выразить, смерить, изобразить движения, не прервав непрерывного, не упростив, угрубив, не разделив, не омертвив живого» [1, с. 233].

Разумеется, как во всякой модели, речевой материал в языковом поле структурирован и дифференцирован несколько «огрубленно». Однако поле — не идеальная абстрактная модель, а система, которая строится на эмпирической основе, на основе реального употребления слов, форм, структур. Структурируя поле, мы лишь обобщаем частные случаи речи, которые только и даны нам в опыте, непосредственном наблюдении, в том «хаосе» языковых и внеязыковых фактов, которые представляют собой речь.

Полевая грамматика речи является по своей природе и семантической, и функциональной. С одной стороны, грамматические категории объясняются в ней с точки зрения того, как в них реализуются понятийные категории. С другой стороны, полевая концепция языка — инструментальная концепция, это — разновидность теории языка как системы выбора [11], когда язык в целом или (чаще) его некоторая область представляется как ресурс для построения определенного значения посредством выбора, как сложный многорегистровый инструмент, на котором «играет» говорящий.

Как же обстоит дело с коммуникативно-функциональными характеристиками входящих в поле единиц? И как вообще соотносятся между собой методика полевого моделирования и лингвопрагматика?

Прагматика имеет дело с межличностными отношениями в языке. Это — изучение функционирования языковых единиц применительно к конкретному говорящему, конкретному событию, конкретной ситуации, конкретному контексту. «Его [говорящего субъекта] эмоции, всевозможные оценки, включаемые в содержание речи, ориентированной на определенного партнера, и придают языку ту окраску, которая в целом называется прагматикой» [5, с. 140]. Исследователя-прагматика интересует прежде всего употребление языка, обусловленное субъективным миром говорящего, — его интуицией, языковым чутьем, чувством юмора, отношением к собеседнику и т. д., поэтому прагматические описания в силу их характера не могут быть нормативными, отражающими закономерности. В крайнем случае они могут быть ограниченно нормативными, будучи основанными на субъективном мнении одного говорящего или узкого круга говорящих. В любом случае такой подход представляется нам несколько односторонним.

Конечно, иногда бывает очень интересно понять, почему и с какой целью данный коммуникант допускает отклонения в семантике или употреблении языковой единицы от нормативного употребления. Выявление импликаций, размышления о том, что говоря-

ший имел в виду или что хотел выразить тем или иным словом, структурой, фразой писатель или поэт, необходимы, например, при изучении художественного произведения. Подобные наблюдения могут представлять важность также и для психолога или психиатра. Однако любые индивидуальные значения и употребления не произвольны, не стихийно возникают в процессе говорения, а подчиняются определенным нормам и правилам, которые поддаются систематизации. Они являются лишь частью общей семантики и общей грамматической системы данного языка и невозможны без знания обобщенных нормативных употреблений (функций), на фоне которых индивидуальные случаи могли бы выделяться и анализироваться.

Мы убеждены, что если теория претендует на научность, она должна не просто рассматривать отдельные конкретные случаи, но стремиться к обобщениям. Полевая модель как целостная и достаточно стабильная в своем устройстве система с взаимосвязанными и взаимозависимыми частями, в свою очередь, имеющими собственное устройство и подчиняющимися законам существования этой целостности, представляет составляющие ее единицы как члены самой речью упорядоченных целостностей и тем самым отражает диалектическое единство индивидуального (единичного) и общего в самой речи.

Поле, по нашему мнению, моделирует то, что можно было бы назвать коллективной нормой, выявляемой на основе речевого поведения людей, нормой, отражающей мнение о правильности речевого употребления всех носителей языка. Конституирующие эту модель «стратегии» и «тактики» — это и индивидуальное, и национальное достояние. Возможно, что кто-то ведет себя в определенной речевой ситуации по-своему, «нестандартно», но такие употребления всегда находят себе место в общем поле, которое подпитывает многовековой опыт речи данного народа.

Полевая концепция, как нам кажется, потому так удачно реализует идею о возможности системного изучения речевого материала, что она четко формирует критерии анализа, делая его в значительной степени независимым от интуиции и субъективного мнения наблюдателя.

Полевая методика, как и прагматика, отражает узус, но в отличие от узуса, который открывается перед исследователем в конкретном индивидуальном употреблении, поля существуют как функционально-семантические абстракции в сознании носителей языка. Поэтому помимо простой регистрации и описания фактов полевой анализ предполагает также осмысление сущности каждой из входящих в поле единиц, ее смыслового и грамматического потенциала, необходимость обращаться к контексту (ситуации), чтобы более тонко разграничивать разные случаи ее употребления. Иными словами, в задачу исследования входит выявление более общих механизмов, определяющих функционирование компонентов, поиск закономерностей, управляющих их «работой» в речи. Как динамическое образование поле представляет собой такую сферу, через

которую входят в систему новые признаки, где происходит их конкуренция, варьирование единиц и т. п. Благодаря органически присущему ей синтезу системно-структурного и функционального подходов к эмпирическому материалу, полевая концепция языка более, чем какая-либо другая функциональная теория ориентирует на методологически обоснованное и назревшее изучение языка с позиций целостности и иерархичности, а также коммуникативной целесообразности [9, с. 169], обеспечивая в то же время широту и надежность исследовательской базы и гарантируя от произвольных выводов субъективных обобщений.

Таким образом, полевая грамматика рассматривается нами как конкретная программа исследования в области функционально ориентированной теории языка, включающей описание прагматических свойств единиц языка в качестве одной из важных составных частей. Важных, но не главенствующих, ибо коммуникативно-прагматические параметры выдвигаются на первый план главным образом тогда, когда ставится задача более пристального изучения отдельных узлов или участков поля, предполагающего, например, рассмотрение взаимодействия конкретных единиц, вопросов синонимии и вариативности и т. п. Учет прагматических факторов становится в таких случаях совершенно необходимым прежде всего для максимально точного определения смысла, который несут исследуемым единицы — компоненты поля в конкретных ситуациях речевого общения.

Основной же пафос полевой методики заключается в том, что она направлена на изучение в равной мере и языка, и речи, рассматривая их взаимосвязь. Язык и речь не могут существовать изолированно друг от друга. На то, как говорят (речь), влияют, естественно, норма и система языка. С другой стороны, то, как люди говорят, постепенно отражается в норме и в конечном счете в системе языка [6, с. 174]. Полевая грамматика позволяет более отчетливо показать взаимодействие между свойствами языковой структуры и особенностями языка и его единиц, используемых в процессе общения. Можно сказать, что полевая модель, направленная на изучение и дискурса, и семантики, системы языка и ее реализации в процессе коммуникации отражает язык как «типично человеческую смесь порядка и хаоса, каковой он в действительности и является» [10, с. 207].

Наконец, еще одно последнее замечание относительно использования понятия поля в контрастивно-типологических целях.

Полевое описание языка носит системно-интегральный характер [2, с. 6] и ставит задачу специальной разработки динамических аспектов языка, раскрытия функционального взаимодействия всех участков его системы, его категории и единиц разных уровней, их парадигматических и синтагматических значимостей — всего того, что участвует в выражении смысла высказывания. Кроме того, в каждом поле предлагается классификация речевых форм, единиц и выражений на основе черт национальной психологии народа — носителя языка, то есть полевая структура несет в себе приметы

места. В тождественных ситуациях в разных языках и разных странах (иногда и в различных ареалах одного языка в пределах одной страны) избираются различные стратегии и тактики речевого поведения, что находит отражение в составе и структуре соответствующих полей. Например, общечеловеческое понятие времени, временные ситуации предполагают национально-специфический выбор и комбинации форм темпоральности в речи членов различных этнокультурноязыковых общностей. Метод полевого структурирования позволяет эмпирическим путем выявить и обобщить эти тактики, сопоставив затем полученные данные по единообразным параметрам. Все это делает поле типологически симптоматической моделью.

Есть все основания говорить также и о приметах времени, проявляющихся при анализе исторической динамики языковых полей, представляющих собой сложные переплетения гетерохронных образований, системы, функционирующие не только синхронически, но и диахронически.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Лекции по истории философии»//Полн. собр. соч. Т. 29. С. 219—278. 2. Бондаренко А. В. К системным основаниям «Русской грамматики»//Вопр. языкознания. 1987. № 4. С. 4—12. 3. Гальперин И. Р. Языковое сознание и некоторые вопросы совершенствования языка и мышления//Вопр. философии. 1977. № 4. С. 96—100. 4. Дородних А.И. Про співвідношення понять поля і множинності в лінгвістичному аналізі//Іноземна філологія. 1987. № 89. С. 10—14. 5. Колишанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975. 6. Мустайоки А. О предмете и цели лингвистики//Язык: система и функционирование. М., 1988. С. 170—181. 7. Серебренникова Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983. 8. Сидоров Е. В. Проблемы речевой системы. М., 1987. 9. Тезисы международного съезда славистов. К., 1986. 10. Carter R. Linguistics and the Teacher. Z. 1982. 11. Halliday M. A. K. An Introduction to Functional Grammar. J., 1985.

Поступила в редакцию 13. 09. 88

Л. П. АЛЕКСЕЕНКО, И. Е. ФРОЛОВА

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НОМИНАТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ-ПЕРФОРМАТИВОВ

Понятие перформативного предложения традиционно связано с наличием в составе данного предложения перформативного глагола, имеющего форму 1-го лица настоящего времени, индикатива, актива. Однако анализ функционирования номинативных предложений показал, что и они, несмотря на отсутствие глагола, способны выступать в качестве перформативных предложений, в результате произнесения которых изменяются отношения между адресатом и адресантом.

Номинативные предложения-перформативы по способу образования делятся на две группы:

первая — импликация перформативного глагола: «My word! You hear some tales here!» (H. Lawrence);

вторая — номинализация перформативного глагола: «My apologies» (I. Asimov).

При этом, различия формальной организации связаны с отличиями прагматического характера. Так, предложения первой группы, образованные при помощи импликации перформативного глагола, выступают только в функции клятвы и в функции пожелания (Best wishes!), то есть их коммуникативная направленность ограничена. В то же время, предложения второй группы, образованные при помощи номинализации перформативного глагола, более разнообразны по своим коммуникативным функциям и включают:

1) поздравления: «Congratulations!» Aldridge slapped him on the back (A. Christie);

2) пожелания: «My best wishes!» (E. Waugh);

3) извинения: «A thousand apologies for intruding» (A. Christie);

4) благодарности: «Thanks for the dinner and the music» (P. Benchley);

5) обещания: «Next time I will. My promise» (I. Shaw).

Часть номинативных предложений-перформативов является речевыми формулами. Так, при выражении благодарности, например, глагольные предложения практически не употребляются, их почти полностью вытеснили номинативные предложения (а также неполные). Такие номинативные предложения-перформативы могут употребляться независимо от характера экстралингвистической ситуации и соотношения ролевых статусов говорящего и адресата.

Для другой части номинативных предложений-перформативов характерно функционирование в неофициальных ситуациях с приблизительно равными статусами участников коммуникации. Употребление номинативных предложений-перформативов не может быть связано с деятельностью официальных социальных институтов, с письменными и устными официальными контактами. При произнесении клятвы в зале суда, назначении ответственных лиц, произнесении приговора, совершении какого-либо ритуала, объявлении войны всегда используются двусоставные глагольные предложения-перформативы, которые полностью, четко и логично выражают коммуникативное намерение говорящего, и употребление номинативных предложений в таких случаях неуместно.

При неофициальных же контактах, наоборот, часто неуместно употребление двусоставного глагольного предложения. При поздравлениях, заверениях, извинениях, обещаниях глагольное предложение часто имеет слишком официальное звучание и тем самым не соответствует ситуации. Это может отрицательно повлиять на успешность данного речевого акта — адресат может решить, что говорящий неискренен и даже принять его слова как насмешку. Такой дополнительный перлокутивный эффект может появиться вследствие нарушения коммуникативного постулата «способа выражения» Г. П. Грайса.

Рассмотренные выше номинативные предложения-перформативы характеризуются тем, что коммуникативное намерение говорящего истинно, то есть он имеет в виду то, что говорит. Если же,

например, говорящий оценивает ситуацию отрицательно для адресата, что ясно из контекста (а произносит *Congratulations!*), то это номинативное предложение уже не является перформативным. В таких случаях происходит прагматическая транспозиция перформативных номинативных предложений в неперформативные.

Помимо номинативных предложений-перформативов, выполняющих речевые функции, широко используются также номинативные предложения-перформативы в метаречевых функциях. Так, в завершении диалогического общения часто употребляются формулы прощания, представляющие собой номинативные предложения-перформативы и выполняющие метакоммуникативную, а точнее, дискурсивную или речеоформительную функцию размыкания речевого контакта.

Рассмотрим как происходит формирование современных номинативных предложений-перформативов, представляющих собой формулы прощания. Оно осуществлялось теми же способами, что и образование номинативных предложений-перформативов, выполняющих речевые функции, однако здесь имеются и свои особенности:

первая группа — номинализация глагольных предложений в повелительном наклонении, как например, О. Е. «*FARE WEL*» («Иди по своей доброй воле»). Здесь глагол и наречие образовали одно существительное «*farewell*» со значением «прощание»;

вторая группа — номинализация, а затем частичная импликация, что имело место при образовании существительного «*Good-bye*» (от О. Е. «*God be wy ye*» — «Пусть с тобой будет бог») с последующей заменой «*God*» на «*good*» по аналогии с другими формулами прощания;

третья группа — импликация глагольной части предложения, например: «*Good evening*» («от М. Е. «*God give you gud even*»»), «*Good day*» (от М. Е. «*Have gud day*»), а также формул прощания «*Good morning*», «*Good afternoon*», «*Good night*». В этих случаях имеет смысл говорить о глубокой импликации, так как отсутствие глагола говорящим не ощущается и невыводимо из контекста высказывания.

Следует отметить, что на современном этапе развития английского языка с некоторыми формулами прощания происходит повторная импликация. Это, в свою очередь, приводит к образованию новых функциональных синонимов, например «*Morning*» от «*Good morning*», «*Night*» от «*Good night*», «*Bye*» от «*Good-bye*». Варианты, в отличие от исходных формул, появляются и активно функционируют в неофициальных сферах употребления (семейно-бытовое, дружеское общение):

Harry: See you at the match tomorrow. Sandra: Yes. Bye.

Harry: Bye (P. Terson).

Исходные формы прощания, за исключением «*farewell*», которая имеет устаревший характер и в речи употребляется крайне редко, являются либо универсальными формулами, либо применяются преимущественно в официальных сферах (производствен-

но-деловое общение, общение в сфере услуг). К универсальным формулам относятся «Good bye» и «Good night», которые приблизительно в одинаковой степени характерны как для официального, так и для неофициального общения: «Good night, Halt, and thank you» («Good night, Mr. President, and thank you for an excellent dinner» (J. Archer); «Come to bed, child», his mother said. «Good night, my beloved!» «Light of my eyes, good night» (W. S. Maugham). Первый случай — сфера официального, второй — неофициального общения.

Формулы прощания «Good evening», «Good day», «Good afternoon», «Good evening» в целом типичны для официального общения: Shop assistant: Very good, madam. They'll come to your place in half an hour. Good evening. Customer: Good evening (B. Seal).

Таким образом, номинативные предложения, выполняющие различные коммуникативные, а также метакоммуникативную функции, успешно конкурируют с глагольными предложениями перформативами в ряде речевых ситуаций, где употребление номинативных предложений перформативов прагматически обусловлено. В данных ситуациях номинативные предложения являются наилучшим средством выражения коммуникативной интенции говорящего. Исходя из этого, говорящий, при совершении аллокутивного акта, представляющего собой выбор оптимальных языковых средств для достижения поставленной цели, отдает предпочтение номинативным предложениям-перформативам.

Поступила в редколлегию 27. 09. 88

А. Л. БЕЛОГУБ, канд. филол. наук

РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ФАКТОРА В ПРОЦЕССЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ТЕРМИНОЛЕКСИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЙ ТЕХНИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ)

Научно-технический подъязык все шире привлекает к себе внимание советских и зарубежных лингвистов. В многочисленных публикациях находит свое выражение как вопрос о роли языка в науке и технике, так и влияние НТП на развитие и функционирование отраслевых подъязыков. Отраслевые терминосистемы в немецком языке уже неоднократно были предметом исследования советских лингвистов Е. А. Лобач, М. И. Сергеева, В. Н. Федорцева и др. [1—3]. Но несмотря на обилие фундаментальных исследований, в изучении процесса становления терминологии еще есть ряд неясных моментов, особенно в социологическом плане, поскольку до сих пор недостаточно изучены те социальные факторы, под влиянием которых происходит миграция терминологии из одного языка в другой, из одной терминосистемы в другую, которые так или иначе влияют на обогащение отраслевых терминосистем, на их развитие. Попытаемся раскрыть значение политического фактора, вернее государственной политики (внутренней и внешней) в процессе заимствования терминологии у языка-источника.

Чтобы выяснить влияние государственной политики на процесс миграции терминологии, установим, изменяется ли количество заимствованных терминов в немецкой технической терминологии на протяжении последних ста лет, начиная с 1870 г. Квантитативный анализ выборочной совокупности объемом $12 \cdot 10^5$ пе-

чатных знаков, состоящий из 120 выборок в каждом из шести временных интервалов (описание механизма проведения эксперимента см. 4, с. 69) позволяет установить, что за сто лет количество заимствованных терминов среди терминов-существительных увеличивается более чем на 9 %, а если за базу сравнения принять 1890 г., когда их число было минимальным, то рост составит уже 14 %. Однако обогащение немецкой технической терминологии заимствованными терминами не является непрерывным, монотонным, так как к концу XIX в. наблюдается уменьшение числа заимствованных терминов (1870 г.—27,1 %, 1890 г.—22,7 %).

Заметное сокращение числа заимствованных терминов в 1890 г. можно объяснить активной деятельностью пуристических организаций. Хотя пуристические тенденции были сильны в Германии в конце XIX в., также и сегодня их действие можно увидеть в немецком языке, ср. Fernsehen вместо Television. Если в результате пуристической деятельности количество иноязычных терминов сокращается, то в процессе происходящей в настоящее время интернационализации отраслевых подязыков их число сильно возрастает. Растет также общий фонд интернациональных элементов, увеличивается число терминов с интернациональными словообразовательными элементами. Например, растущую частоту употребления терминов с интернациональными словообразовательными элементами в немецких научно-технических текстах один из лингвистов ГДР [5, с. 66] устанавливает путем выборочного статистического анализа публикаций из журнала «Elektrotechnik». Процентное содержание таких терминов можно представить в форме таблицы.

Год издания	Процент	Из них для существительных, %
1948	20,2±1,5	65,2
1966	21,8±1,5	75,5
1973	26,8±2,0	81,1

По данным других исследований [6, с. 111], количество заимствованных терминов в словарном составе любого отраслевого подязыка составляет 15 %. Немецкая техническая терминология в настоящее время содержит (по данным наших выборок) среди терминов-существительных почти 1/3 иноязычных образований. Если учесть, что каждый подязык имеет более или менее структурированный словарный запас, который во много раз больше, чем общеразговорная лексика, т. е. речь идет о миллионах единиц, то легко себе представить, как велико в немецком языке количество заимствованных терминов. С увеличением межгосударственной кооперации и интеграции, вместе с международным сотрудничеством повышается потребность в обмене информацией, во взаимопонимании, это способствует тому, что в информационно-коммуникативном процессе все больше используются интернационализмы и вообще иноязычные термины. Появляется необходимость в интернациональной координации терминологий. Возникает и международная организация технической стандартизации (ISO) в Женеве, представленная 87 странами. Задача межгосударственной важности — международная стандартизация технической терминологии — опирается на проводимую во всем мире, в том числе в немецкоязычных странах, работу по стандартизации национальной технической терминологии. Необходимость этой работы вызвана тем, что многие изобретения или открытия почти одновременно получают несколько наименований, так как над созданием нового работают представители разных наций и государств, внося свой вклад в развитие материальной культуры и, в частности, терминологии. Для обозначения одного и того же понятия применяют порой разные наименования, понятийные объемы которых отличаются друг от друга; одинаковые термины употребляются по-разному, отсюда возникали и возникают трудности в технической коммуникации. Появляется необходимость вмешаться и выяснить соотношение между понятием и термином, прежде всего на уровне лексикографии, что без научных исследова-

ний сделать невозможно. Эта работа начинает проводиться еще в конце XIX в., когда создается международная электротехническая комиссия (1880 г.), особенно она активизируется в XX в. (разрабатываются государственные стандарты и списки терминов, рекомендуемых для деловой коммуникации и т. д.). Проект стандарта публикуется в печати (напр., в 1953 г.) и время от времени заново пересматривается (напр., в 1973 и 1974 гг.). Среди немецких ученых существует мнение, что, кроме технической терминологии, следовало бы упорядочить лингвистическую терминологию и терминологию социальных наук, которая, как известно, носит еще и идеологическую окраску. Семантика ее терминов заведомо искажается в политических целях, поэтому провести такое нормирование будет весьма сложно до тех пор, пока существуют страны с различным общественным строем и продолжается антагонистическая классовая борьба.

Влияние внешней политики государства на заимствование новых терминов у языка-источника рассмотрим также на фактическом материале, который можно условно отнести к периоду французской буржуазной революции 1789—1794 гг. В эти годы во Франции происходит ряд прогрессивных преобразований, которые форсируют научную работу в стране. Французские ученые разрабатывают вопросы большой теоретической важности, в том числе и в области деталей машин и машиностроения. Наука во Франции испытывает подъем.

В 60-е годы XVIII в. Англия вступает на путь развития крупной капиталистической промышленности. Фабричное машинное производство стимулирует в Англии изобретательскую деятельность; создается паровая машина Уатта, паровоз Стефенсона, суппорт Модоли и т. д. Но в центре английской внешней политики после революции 1789 г. становится борьба против революционной Франции. В этих условиях возникают тесные научные контакты между немецкими специалистами и французскими учеными, теоретические исследования в Германии проводятся под сильным влиянием французской научной мысли. Хотя немецкие механики строят новые машины по образцу английских, многие наименования они перенимают из французского языка. Таким путем проникают в немецкий язык многочисленные романские заимствования даже в том случае, если обозначаемые ими технические изобретения делаются в Англии или в Америке.

Небезынтересна история терминов фрезерного станка. Считается, что возникновение фрезерного станка относится к первой половине XIX в. Сначала американский механик Эли Уитни сконструировал в 1818 г. станок для производства оружейных деталей, не получивший, правда, распространения; затем американский инженер Браун создает станок, который может рассматриваться как родоначальник современного фрезерного станка. Приоритет Америки в создании этого вида станка является тем экстралингвистическим фактором, который способствует проникновению в немецкую периодику английского термина: *Milling*: «Die abgebildete Maschine ist eine Standart—Universal—Milling—Maschine, und ist zu erwähnen, daß die Fabrik 5 Nummern dieser Maschinen fertigt» [7, с. 204]. Под влиянием заимствованного из французского языка слова *Fräse* — фреза, с одной стороны, и под сильным влиянием французской традиции, с другой, английский термин *Milling* вытесняется из немецкой научно-технической литературы термином *Fräsmaschine*.

Влияние политического фактора здесь оказывается сильнее экономического (изобретательская деятельность, потребности машиностроения в усовершенствовании своей материальной базы и пр.)

Итак, мы видим, что в конце XVIII — первой половине XIX вв. в Германии французские наименования предпочитают английским, несмотря на то, что приоритет в создании новых реалий принадлежит Англии и Америке. И отношения между государствами, т. е. область внешней политики, играет значительную роль в процессе миграции терминологии из терминосистемы одного в терминосистему другого языка.

Список литературы: 1. Лобач Е. А. Терминология современной математики и пути ее интернационализации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. К., 1988. 2. Сергеева Л. И. Лексические инновации в немецкой терминологической лексике по космическим исследованиям: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. К., 1981. 3. Федорцева В. Н. Словообразовательные модели существительных с иноязычными компонентами в современном немецком языке (на материале медицинских

текстов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984. 4. Белогуб А. Л. К вопросу о роли экономического фактора в процессе миграции терминологии // Вест. Харьк. ун-та, 1980. № 196. Иностранные языки. Вып. 13. С. 69—72. 5. Herms Ingrid. Wortbildungselemente der internationalen Lexik in der russischen und deutschen Fachsprache der Elektrotechnik // Linguistische Studien. Sprache in Wissenschaft und Technik, hrsg. von L. Hoffmann. Leipzig, 1978. S. 66—72. 6. Halbauer S. Die strukturellen und lexikalischen Besonderheiten russischer naturwissenschaftlicher und technischer Fachsprachen // Fachsprachen. Sonderheft. 1. 1979. Wien. S. 110—111. 7. Der praktische Maschinen- Konstrukteur. 1877.

Поступила в редколлегию 01. 10. 88

Л. М. ГРИГОРЬЕВА

РАЗВЕРТЫВАНИЕ КАК ТИП СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ КОНТАКТНЫМИ ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ ТЕКСТА

В синтаксическом отношении текст представляет собой совокупность предложений, связанных по смыслу и с помощью лексико-грамматических средств [2, с. 4]. Если лексико-грамматические средства связи описаны достаточно подробно и продолжают интенсивно исследоваться, то семантико-синтаксические отношения между предложениями текста еще не были предметом специального исследования, особенно в плане их развертывания в тексте.

В текстах хроникальных заметок прессы ГДР, выбранных для исследования ввиду простоты и четкости логико-смысловых связей, что особенно важно на первом этапе исследования, обнаруживаются следующие типы семантико-синтаксических отношений: конкретизация (во втором предложении уточняется, раскрывается, развертывается какой-либо член предложения или все оно в целом); развертывание (сообщение, описанное в первом предложении, приводится с другими событиями); авторизация (в последующем предложении содержится указание на источник информации, изложенной в предыдущем предложении); оценка (моральная, прагматическая, а также различные виды логической оценки). Указанные отношения обнаруживаются как между отдельными предикациями, так и между предложениями, а также между сверхфразовыми единствами. В статье рассматривается один из пяти перечисленных типов — развертывание.

В зависимости от содержательного аспекта, то есть от способа реализации данного типа отношений в тексте можно выделить следующие виды развертывания:

1) дальнейшее развитие событий:

«Schwer verletzt wurde eine Frau aus Schöneberg, als sie beim Überqueren der Hohenstaufenstrasse von einem Lastwagen erfasst wurde. Der Lkw geriet *anschliessend* auf den Fussweg, wo er vier parkende Autos zusammenschob und schweren Sachschaden verursachte»¹. При этом обнаруживаются случаи, когда последовательность излагаемых событий представлена в обратном порядке:

«Ein auf Betreiben der neofaschistischen NPD gegen das Mitglied des Präsidiums der VVN/Bund der Antifaschisten, Roswitha Wolf, in Gang gekommenes Verfahren wegen angeblicher Beleidigung und Verleumdung wurde angesichts heftiger öffentlicher Empörung vom Landgericht Bochum jetzt eingestellt. In erster Instanz war Roswitha Wolf im September zu 250 DM Geldstrafe *verurteilt worden*».

¹Здесь и далее в качестве примеров использованы хроникальные заметки газет «Neues Deutschland», «Berliner Zeitung», «Zeitung zum Letzeburger Vollek» за 1981—1988 гг.

Перестановка во времени маркируется формой Plusquamperfekt. На возможность варьирования композиции в таких микротекстах указывает и О. М. Москальская [1, с. 65].

2) причинно-следственные отношения:

«Eine Chlorgaswolke über der Haseldorfer Marsch im südlichen Schleswig-Holstein beunruhigte am Sonntag die Bewohner dieses Landstrichs. Die Bevölkerung wurde in Rundfunkdurchsagen aufgefordert, die Fenster zu schliessen».

В этом примере следствие уже имеет место. Обнаруживаются однако случаи, когда следствие представляется необходимым или возможным:

«Mit der zeitweiligen Unterbrechung der Fährverbindung zwischen Grossbritannien und dem Kontinent begann die 47 000 Mitglieder zählende britische Gewerkschaft der Seeleute Streikaktionen zur Durchsetzung von Lohnforderungen angesichts der zweistelligen Inflationsrate. Der Schiffseignerverband hat als eine Konsequenz Entlassungen *angedroht*».

Если в первом предложении имеется несколько однородных сказуемых, то здесь различаются следующие случаи: а) второе предложение является следствием действия, выраженного только одним из сказуемых (обычно вторым):

«In der Nacht zum Freitag gegen 0.35 Uhr tankte der Fahrer eines grünen Renault 17 an einer Tankstelle für 1130 Franken Benzin und *machte sich* ohne zu zahlen *aus dem Staub*. Klage bei der Polizei».

б) второе предложение является следствием действий, выраженных двумя однородными сказуемыми первого предложения:

«Zwischen Bartringen und Luxemburg *rissen* in der vergangenen Nacht bisher unbekannte Vandalen mehrere Verkehrsschilder und Lampen *um und warfen* diese auf die Strasse. Dadurch kam ein Motorradfahrer zu Fall, der mit ernstlichen Verletzungen in die Klinik eingeliefert werden musste».

Следствие может быть выражено первым предложением, причина — во втором:

«Die Pinochet-Junta hat die Verbannung von 17 Mitgliedern der KP Chiles angeordnet. Den Patrioten wird zur Last gelegt, im nordchilenischen Antofagasta an der illegalen Arbeit der Partei beteiligt gewesen zu sein und «Propagandamaterial» verteilt zu haben».

3) отношение действия и результата:

«Gegen 1.40 Uhr in der Nacht zum Samstag brach in der Grand'rue ein Brand an einer Gasheizungsanlage in einer Garage aus. Der Brand konnte allerdings gelöscht werden, ohne dass die herbeieilenden Feuerwehren noch hätten eingzugreifen brauchen».

4) уступка:

Die Behörden EL Salvadors planen grossangelegte Zwangsumsiedlungen der Zivilbevölkerung, weil — wie Junta-Chef Duarte am Wochenende zugeben musste — die Bevölkerung die im Norden des Landes operierenden Patrioten unterstützt. Trotzdem gelang es den Junta-Truppen bisher nicht, die FMLN-Einheiten aus ihren Stellungen zu vertreiben».

5) цель:

«Die Regierung der Georgischen SSR hat den Bau einer 180 Kilometer langen Eisenbahnlinie zwischen Tbilissi und Ordshonikidse beschlossen. Die Linie soll durch den Grossen Kaukasus vorgetrieben werden und die Eisenbahnstrecke Tbilissi — Moskau um 1000 Kilometer verkürzen».

6) противопоставление:

«Eine Zivilregierung mit Ahmed Ould Bneijara als Premier wurde am Montag in Mauretanien gebildet. Der «Militärrat für nationale Rettung» behält sich jedoch die Kontrolle der Regierungsaktionen vor».

Отношения развертывания, изложенные во втором предложении, могут представлять собой два или несколько видов этого типа:

«In den Feulner Hecken, zwischen Feulen und Heiderscheid, verlor in der Nacht zum Sonntag, gegen 4.30 Uhr, ein Automobilist auf der glatten Fahrbahn die Kontrolle über sein Fahrzeug und raste gegen ein anderes Auto, das aus der entgegengesetzten Richtung kam. Eine Person wurde mit schweren Verletzungen in eine Klinik eingeliefert, wo sie jedoch am gestrigen Morgen gegen 8 Uhr verschied».

Из приведенных примеров видно также, что принцип максимальной информационной плотности хроникального текста воплощается в том, что в матричную информацию включается дополнительная информация в виде полупредикативных оборотов, распространенных определений, приложений, отдельных членов предложений и других языковых средств, в результате чего увеличивается семантическая емкость предложения или его дополнительная информативная ценность. Дополнительная (включенная) информация, находясь в составе матричного предложения, обогащает его информацией наиболее экономным образом, поскольку новые факты сообщаются не в виде отдельных предикаций (предложений), а включаются в предикативные единицы.

Список литературы: 1. Москальская О. И. Грамматика текста. М., 1981. 2. Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика: Сложное синтаксическое целое. М., 1973.

Поступила в редколлегию 10. 10. 88

Б. М. ГРИНЬ

АКТУАЛИЗАЦИЯ ВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ, РЕГУЛИРУЮЩИХ РЕЧЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ АДРЕСАТА (РВ)

Проблема изучения семантико-синтаксической структуры текста, то есть выявление закономерностей взаимодействия определенных лексико-синтаксических структур друг с другом, является одной из актуальных проблем лингвистики текста. Поскольку грамматическая организация текста зависит от его мыслительной организации, то любая последовательность высказываний — в том числе и такая, в которую входят РВ, — может быть рассмотрена с точки зрения отражения объективно существующих связей и отношений между событиями, описываемыми в пропозиции высказываний, образующих данную последовательность, то есть с точки зрения семантико-синтаксических/гиперсинтаксических отношений между лексико-синтаксическими структурами, репрезентирующими сложный денотат.

В нашей выборке самыми распространенными разрядами семантико-синтаксических отношений между лексико-синтаксическими структурами, по крайней мере одна из которых функционирует как РВ, оказались изъяснительные; собственно-соединительные: аддитивные и осложненные различными видами контаминаций; каузальные отношения. Некоторые лингвисты придерживаются узкого понимания каузальных отношений, причисляя к ним только причинно-следственные отношения [1, с. 4]. Другие трактуют категорию каузальности широко, включая в нее не только причинно-следственные, но и условные, уступительные отношения, а также отношения цели и следствия [2, с. 562]. В нашем исследовании мы разделяем точку зрения последних. Более того, применительно к РВ нам представляется целесообразным включить в объем понятия каузальности и некоторые другие семантико-синтаксические отношения, актуализируемые как в системе паратаксиста так и в системе гипотаксиста.

В некоторых случаях к разряду каузальных можно отнести также сопоставленные отношения, так как каузальные отношения предполагают «такую связь ситуаций, при которой одна служит достаточным основанием для реализации другой» [там же, с. 562], а в побудительных высказываниях с сопоставительной связью предпочтительностью одной ситуации оказывается достаточным основанием для нереализации, отмены другой. В пользу подобной трактовки свидетельствует и тот факт, что уступительные отношения, входящие в систему каузальных, связывают предложения, в которых «соотносятся две ситуации, из которых одна, представленная в придаточной части, не является достаточным основанием для того, чтобы отменить собой другую, представленную в главной части» [там же, с. 585]. Поскольку возникновение в будущем определенной ситуации может быть обусловлено не только ее предпочтительностью, но и фактом обязательной одновременности/разновременности ее с другой проективной ситуацией, то к каузальным отношениям можно отнести и временные отношения, выражающие временную соотнесенность будущих событий.

Актуализация временных отношений, как известно, может иметь место на различных уровнях. В случае с РВ это происходит чаще всего на уровне словосочетания (1) (подобные примеры в данной статье не рассматриваются) и уровне предложения (2). Случаи актуализации временных отношений каузального типа на уровнях СФЕ (3) и ДЕ (4) хотя и были нами отмечены, имеют низкую частотность. Напр.: Let's keep it till tomorrow (B. Travers). 2. You will talk to her, won't you, when she comes back? (W. Home). 3. Let these people sit down. Then we'll talk (A. Hailey). 4. «How should I do it?» «First tell me how to understand what you're talking about» (M. Frayn).

Временная каузальная связь на уровне предложения в нашей выборке всегда маркируется коннекторами и актуализируется чаще всего в рамках СПП (свыше 75 %). На долю же сложного предложения с бессоюзной связью и ССП приходится около 25 %.

Приблизительно в 86% случаев описываемые высказывания принадлежат к РВ, побуждающим к осуществлению речевого действия (РД).

Наиболее частотным коннектором, маркирующим временную связь в рамках СПП является недифференцированный коннектор *when* — свыше 67 %. Среди других коннекторов можно часто встретить также *as soon as*, *before*, *until/till*, *while*. Высказывания СПП с коннектором *until/till* обычно принадлежат к РВ, побуждающим адресата к неосуществлению РД, а глагол-сказуемое главного предложения стоит в отрицательной форме.

В сочетании с частицей *not* коннекторы *until/till* и *while* часто вводят придаточные предложения, функционирующие в синтаксической изоляции на уровне СФЕ (1) и ДЕ (2). В подобных случаях временная связь сильно контаминирована каузальной семантикой и всегда имеет ретроспективную направленность. Напр.: 1. Nothing else, please. Not while there's still one Jacobean banister left

intact (M. Frayn). 2. «If you will permit us to question him...» «Not until you answer me» (E. Mc. Bain).

Нами были выделены две наиболее характерные семантико-предикатные структуры СПП с придаточным времени, реализующих РВ. В одной из них глагол-сказуемое придаточного предложения по своей семантике принадлежит, как правило, к глаголам движения, а в самом РВ presupponируется отсутствие в момент реализации данного РВ пациенса каузируемого РД адресата. Для подобных РВ типична кореференция пациенса предиката главного предложения, обозначающего РД, и агенса предиката придаточного предложения.

В другой типовой семантико-предикатной структуре пациенс проективного РД адресата кореферентен говорящему, а обуславливающее действие, как правило, неречевое, ожидается говорящим. Побуждение адресата к РД выражается в главном предложении, описывающем обуславливаемую ситуацию, и может передаваться различными способами. Обычно это конструкция с императивом, хортативом, оптативными и модальными глаголами *want, will, would, can*.

Временная семантика отношений между частями сложного предложения, функционирующего в качестве РВ, формируется при помощи коннекторов-конкретизаторов *first, before that; simultaneously; afterwards; later, next, then*, употребляемых самостоятельно или совместно с сочинительными союзами, наиболее употребительными из которых являются *and* и *but*.

Наиболее типичной иллюкутивной силой РВ с временной связью является «распоряжение» и «просьба» инструктивного типа, что, на наш взгляд, связано с элементарной структурой описываемого события, состоящего из нескольких последовательных действий, в котором предшествование/одновременность/следование РД адресата по отношению к другим, как правило, предметным действиям определяется говорящим.

Таким образом, исследование временных отношений применительно к РВ показало, что временная связь между лексико-синтаксическими конструкциями (ЛСК), по крайней мере одна из которых функционирует как РВ, оформляет отношения антецедента и консеквента, что позволяет отнести временное отношение к разряду каузальных. Комплекс маркеров временной семантико-синтаксической связи следует разделять на ядерные и периферийные, причем те или иные коннекторы и конкретизаторы занимают ядерное/периферийное положение в зависимости от уровня актуализации временных отношений. Отношения между явлениями действительности, получающие отражение в категории семантико-синтаксических отношений между высказываниями, детерминируют более или менее стандартное развитие конституции, что проявляется в появлении типизированных ЛСК со стандартной семантико-предикатной структурой, стереотипных СФЕ и ДЕ, типовых речевых актов. Можно сказать, что между разрядом семантико-синтаксических отношений, видом ЛСК и типом иллю-

кутивной силы в известных пределах имеются стабильные корреляции.

Список литературы: 1. Диковская Л. А. Причинно-следственные отношения в сложном предложении и тексте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.
2. Русская грамматика. Синтаксис. М., 1982.

Поступила в редколлегию 04.10.88

П. Т. ГУСЕВА

О МОДАЛЬНОСТИ КОНСТРУКЦИИ С МЕЖСОБЫТИЙНЫМИ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫМИ ПРЕДИКАТАМИ-СВЯЗКАМИ

Проблемы модальности научной прозы в значительной мере нуждаются еще в разработке и исследовании, и, в частности, это касается причинно-следственных конструкций с межсобытийными предикатами-связками. Последние служат для передачи реально существующих и связанных между собой причинно-следственной связью фактов действительности, их взаимодействия и взаимозависимости, что и определяет характер модальности составляющих их предложений-высказываний как модальности индикативной. Однако значение каждого межсобытийного предиката-связки выражает разные оттенки ее, как то: заставление, побуждение, понуждение, препятствование, непротивление и т. д., то есть они содержат различные модальные семы.

По этому признаку предикаты-связки можно разделить на 2 группы: группу с семой позволения, допущения, то есть пермиссивности; и группу с семой более или менее активного вызывания, побуждения, понуждения, то есть фактивности. Но и в группах предикаты-связки по значению неоднородны: так, в 1-ой можно выделить подгруппу а) нейтральную в плане констатации факта реального следования одного события из другого: (sich) ergeben, erwachsen, (herbei) führen, hervorgehen, liegen an, resultieren, wurzeln и т. п.: (1) Schließlich ergab sich die Rechtmäßigkeit der DDR vor allem daraus, daß ihre Gründung ein Akt der Selbstbestimmung des deutschen Volkes war... [4, с. 163]; и б) подгруппу со значением реальной поддержки ходу действия: beitragen, ermöglichen, fördern, machen (möglich), verschaffen и т. п.: (2) Die Unterwerfung weniger entwickelter Gebiete förderte zugleich die Feudalisierung der Bauern im eigenen Land [5, с. 39]; а во 2-ой группе выделяем подгруппу а) нейтральную в плане констатации реального следования одного события из другого: auslösen, bewirken, bewegen, bringen, heraufbeschwören, hervorrufen, verursachen, nach sich ziehen и т. п.: (3) Die deutsche Offensive brachte die Sowjetrepublik in große Gefahr [там же, с. 273]; б) понуждения к действию (даже при сопротивлении): (auf) (er) zwingen, (er) (heraus) fordern, machen (notwendig) и т. п.: (4) Das Scheitern der Blitzkriegskonzeption erforderte aber nicht nur eine Umrüstung, sondern eine Umstellung der deutschen Wirtschaft überhaupt [там же, с. 256]; и в) недопущения какого-либо действия (даже при сопротивлении): (be) (ver) hindern, hemmen, scheitern и т. п.: (5) Die anti-sowjetische Haltung der Westmächte und ihre Befriedungspolitik hatten verhindert, daß das von der Sowjetunion erstrebte System der kollektiven Sicherheit in Europa zustande kam [4, с. 386].

Наличие модальной семы в значении предиката-связки определенным образом влияет и на выбор и модальную окраску компонентов, входящих в состав конституции с ним. Исследуя подобное явление, А. А. Прокопчук констатирует наличие различной «модальной валентности» [1, с. 273] глаголов относительно включаемых конструкций и различных потенций глаголов в обусловливании модальности включаемых конструкций.

Так, при межсобытийных предикатах-связках behindern и verhindern название события-следствия имеет положительные коннотации, а название события-причины — отрицательные. Пресуппозиция имени, называющего событие-причину,

содержит отрицательные условия, препятствующие выполнению события-следствия, хотя они не содержат сему «отрицательность». Однако событие-причина и событие-следствие могут, так сказать, поменяться ролями, если отрицательные условия будут включать название события-следствия. Например, (5), но (6) Sein mutiges Handeln verhinderte ein Unglück.

Разделяя межсобытийные предикаты-связки на группы по их денотативному значению, мы не можем не отметить наличие у всех этих глаголов определенных категориальных признаков (в первую очередь тех, которые объединяют их в группу межсобытийных причинно-следственных предикатов-связок), допускающих употребление при предикатах-связках разных групп тех же актантов, но с разными оттенками значения. Так, сравнивая значение одного и того же названия события-следствия (Erfolge) в следующих конструкциях, мы отмечаем эту разницу: эфемерность, заключающаяся в его значении в (7) и нечто достигнутое, реально существующее в (8); (7) In einem Aufsatz in der «Sächsischen Arbeiterzeitung» ...stellte sie (Rosa Luxemburg.—П. Г.) fest, daß Bernsteins Ablehnung einer revolutionären Kampfaktik auch Erfolge im Kampf um Reformen verhindere [5, с. 232]; (8) All diese Erfolge der antifaschistisch-demokratischen Umwälzung im Osten Deutschlands wurden durch das einheitliche Handeln der Arbeiterklasse ermöglicht... [4, с. 67].

Таким образом, мы видим, что потенции предикатов-связок отличны не только относительно их вхождения в разные группы ((7); (8)), но и в самих группах вычленяются предикаты-связки, при которых могут быть актанты как с различающимися (противоположными) семами в составе конкретной конструкции ((5); (3), (4)), так и с семами одного плана ((1); (2)).

Одним из основных способов выражения модального отношения являются модальные глаголы. В анализируемых конструкциях инициатором модальности выступают внешние условия, объективные причины, и модальное отношение, устанавливаемое говорящим (субъективная модальность), играет меньшую роль, чем объективная модальность.

Однако субъективная модальность имеет в них место, и именно употребление модальных глаголов наиболее убедительно демонстрирует наличие в научной прозе субъективной модальности, которая характеризует логические связи авторских суждений. Так, анализируя употребление глагола müssen в научной прозе, Л. В. Славгородская пишет о его значении в предложении: (9) ...das Schamlose, das Schmutzig-Dreiste, womit der Kram getrieben wurde, mußte zuletzt auffallen, zum Denken und Zweifeln führen, erbittern, zum Widerstand herausfordern [7, с. 133]: «...речь идет о факторах, которые влияли на настроение различных сословий в канун крестьянской войны в Германии. Влияние это было неизбежным в силу природы самих этих факторов — в этом смысле выраженная глаголом müssen необходимость является объективной. Однако... несет в себе — в силу самой семантики глагола — информацию не только о наличии влияния со стороны субъекта, но и о ее действительности по отношению к объекту. Вывод о реализации действия является, собственно говоря, предположением, которое автор может с уверенностью сделать, исходя из свойств субъекта. Иными словами, данным высказыванием свойственна и «субъективная модальность», выраженная все тем же глаголом müssen» [2, с. 202].

Анализируя употребление модальных глаголов в конструкциях названного типа, следует отметить, что в них не употребляется модальный глагол wollen, так как он всегда ориентирован на лицо. Конструкции же с межсобытийными причинно-следственными предикатами-связками имеют характеристику исходного события [-одуш]. (Это является и причиной невозможности выражения побудительности в таких конструкциях одним из основных средств создания побудительной модальности Imperativ'om. Во-вторых, это противоречило бы структуре таких конструкций, которая обязательно должна быть трехкомпонентной, ибо в противном случае предикат теряет свое значение как связка, и, во-вторых, как уже говорилось, компонентом конструкции не может быть название лица (на которое всегда ориентирован Imperativ), так как в противном случае предикат-связка теряет свое значение «межсобытийности»).

Говоря о модальности, мы не можем не отметить, вслед за К. В. Школиной [3, с. 11—12], преобладающее значение лица, хотя название его отсутствует в анализируемых конструкциях. Таковым лицом в них является автор, который

использованием той или иной модальности освещает ситуацию с совершенно определенной точки зрения. «В соответствии с модальной окраской высказывания изменяется его прагматическое воздействие, различная модальность влияет на мысли и действия участников коммуникации» [6, с. 86]. Рассматривая изложенные выше аспекты модальности, нельзя не отметить их роль в конструкции в коммуникативном плане.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что межсобытийные причинно-следственные предикаты-связки не воздействуют на получателя информации непосредственным образом; они оказывают влияние опосредованно, представляя объективную взаимосвязь между реально существующими фактами действительности. Более непосредственное воздействие оказывает на получателя информации употребление в предложении-высказывании того или иного модального глагола. Названными, конечно, не исчерпываются все особенности проявления модальности в анализируемых конструкциях.

Список литературы: 1. *Прокopcук А. А.* О семантике номинализированных конструкций // Материалы семинара по теоретическим проблемам синтаксиса. Пермь, 1975. С. 268—273. 2. *Славгородская Л. В.* О стилистической функции глагола müssen в языке научно-исторической прозы // Язык научной литературы. М., 1975. С. 199—206. 3. *Школина К. В.* Синонимия способов выражения модальности в современном немецком языке. Л., 1971. 4. *Doernberg St.* Kurze Geschichte der DDR. Berlin, 1968. 5. *Streisand J.* Deutsche Geschichte in einem Band. Berlin, 1974. 6. *Schendels E. I.* Pragmatik, Semantik und Konnotation in der Grammatik // DaF. 1985. Hf. 2. S. 84—88. 7. *Zimmermann W.* Der große deutsche Bauernkrieg. Berlin, 1953.

Поступила в редколлегию 25.10.88

О. И. ДЕНИСОВ

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ УПОТРЕБЛЕНИЯ ИМЕННЫХ ФРАЗ В РАЗЛИЧНЫХ ЖАНРАХ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В данной работе будут представлены результаты исследования, направленного на изучение особенностей употребления именных фраз (ИФ) с двумя и более атрибутами в текстах художественной прозы. Исследование проводилось на материале романов и рассказов современных англоязычных писателей С. Моэма, Г. Грина, И. Шоу и Ф. Скотта Фицджеральда. В ходе анализа было отмечено 126 структурных типов ИФ, на которые приходится 10086 случаев употребления. Все ИФ разбиваются на две группы: «слитные» и «неслитные» (то есть имеющие в своем составе союзы или знаки препинания). В свою очередь «неслитные» ИФ подразделяются на бессоюзные, союзные и смешанные. «Слитные» ИФ представлены 20 структурными типами (7882 случая употребления), «неслитные» ИФ — 106 структурных типов (2204 случая употребления) (см. таблицу). В таблице сведения о количестве структурных типов (верхняя цифра в каждой строке) и количестве их случаев употребления (нижняя цифра) приводятся в процентных показателях. Первые две графы позволяют сопоставить соотношение «слитных» и «неслитных» ИФ в разных жанровых текстах, а также текстах авторского описания и диалога. Последующие три колонки дают представление об употреблении только подтипов

Показатель		Слит- ные, %	Неслит- ные, %	Бессоюз- ные, %	Союз- ные, %	Смешан- ные, %
1. Романы		16,8	83,2	39,3	39,3	21,4
		75,3	24,7	63,6	34,2	2,2
2. Рассказы		18,8	81,2	39,8	40,3	19,9
		82,5	17,5	62,2	35,7	2,1
3. Авторское описание		15,9	84,1	37	41	22
		75,1	24,9	65,2	32,5	2,3
4. Диалог		30	70	46,4	46,4	7,2
		88,6	11,4	46,7	52,4	0,9
5. Авторское описание	Романы	15,9	84,1	37,9	39,3	22,8
		72,6	27,4	65,9	31,6	2,5
	Рассказы	18,5	81,5	40,7	42,5	16,8
		80,2	19,8	64,9	33,2	1,9
6. Диалог	Романы	34,3	65,7	56,5	43,5	—
		86,9	13,1	56,5	43,5	—
	Рассказы	33,3	66,7	37,5	50	12,5
		91,9	8,1	35	61,7	3,3

«неслитных» ИФ. Постараемся прокомментировать имеющиеся результаты. Остановимся вначале на рассмотрении строк 1 и 2, в которых отражено употребление ИФ в текстах разных жанров, и отметим, что если по количеству структурных типов «слитные» и «неслитные» ИФ в романах дают колебания в 2%, то по количеству случаев употребления таких ИФ процентные данные показывают различия уже в 7,2%. Другими словами, можно констатировать тенденцию к более широкому употреблению «неслитных» ИФ в текстах романов.

Если же рассмотреть соотношение бессоюзных, союзных и смешанных «неслитных» ИФ в первых двух строках таблицы, то следует отметить, что здесь наблюдается примерное равенство в показателях, а наибольшие колебания (структурные типы смешанных ИФ) равняются 1,5 %.

Перейдем теперь к текстам авторского описания и диалогической речи (строки 5 и 6). В произведениях более крупных форм, то есть романах, в тексте АО отмечается довольно ощутимое превышение показателей по «неслитным» ИФ (ср.: 27,4 % в романах против 19,8 % в рассказах по количеству случаев употребления). При этом по числу структурных типов «неслитных» ИФ романы на 2,6 % превосходят рассказы. В диалогических текстах при примерно равных показателях по количеству структурных типов «неслитных» ИФ романы на 5% превышают рассказы по употребляемости. Следует также обратить внимание на весьма низкий удельный вес «неслитных» ИФ по количеству случаев употребле-

гия в диалоге. Для романов и рассказов эти цифры всего 13,1 и 8,1 %, тогда как аналогичные показатели для текстов АО — 27,4 и 19,8 %.

Интересным представляется сопоставление данных по подтипам «неслитных» ИФ в строках 5 и 6. По количеству структурных типов в текстах АО на первом месте союзные ИФ — причем рассказы превосходят романы на 3,2 %, но по количеству случаев употребления они примерно в два раза уступают бессоюзным. В диалогической же речи отмечаются, пожалуй, самые значительные колебания. Во-первых, в анализируемых романах не было зафиксировано ни одного случая употребления смешанных ИФ. Во-вторых, как по количеству случаев употребления, так и по разнообразию структурных типов в романах и рассказах мы сталкиваемся с противоположными тенденциями. Если в романах бессоюзные ИФ наиболее распространены и превосходят союзные на 13 %, то в рассказах наблюдается обратная картина, а именно: союзные ИФ занимают первое место, и их показатели на 12,5 и 26,7 % выше показателей бессоюзных.

Следующим этапом исследования явился анализ ИФ по числу атрибутов. В этом аспекте также проявились общие закономерности и некоторые различия. К общим, прежде всего, следует отнести тенденцию к снижению частотности употребления ИФ по мере увеличения количества атрибутов в их составе. Так, на двухкомпонентные ИФ в романах приходится 83,7 %, а в рассказах — 84,8 % всех случаев употребления ИФ, на трехкомпонентные — 14 и 13,4 %, на четырехкомпонентные — 1,9 и 1,6 % и так далее. Попутно заметим, что поскольку на пяти-, шести- и семикомпонентные ИФ в романах и рассказах остается соответственно 0,4 и 0,2 % от всего числа зафиксированных ИФ, в данной работе они не рассматриваются. Второй общей чертой можно назвать более высокий удельный вес «неслитных» ИФ в текстах романов. Например, для двухкомпонентных ИФ на «неслитные» приходится в романах 19% против 14,2% в рассказах, для трехкомпонентных — 40,1 против 32,3%, для четырехкомпонентных — 62,5 и 63,9%. Эти цифры говорят и еще об одной общей черте, а именно: по мере увеличения числа атрибутов возрастает удельный вес «неслитных» ИФ. Четвертой сходной чертой является больший удельный вес двух-, трех- и четырехкомпонентных «неслитных» ИФ в текстах авторского описания.

Если обратиться к подгруппам «неслитных» ИФ, то внимание заслуживают такие различительные особенности. В текстах АО среди словосочетаний с двумя атрибутами как в романах, так и в рассказах наиболее часто встречаются бессоюзные ИФ — соответственно 70,3 и 66,3 %. В текстах диалогов на первом месте союзные ИФ — 53,4 и 59,4%. Аналогичное положение и среди трехкомпонентных бессоюзных и союзных ИФ — в текстах АО романов и рассказов преобладает первый, а в текстах диалогов — второй подтип «неслитных» ИФ. Среди четырехкомпонентных в обоих типах текстов наиболее представленными оказываются бессоюзные ИФ.

Однако здесь следует отметить, что в текстах АО романов смешанные ИФ впервые опередили союзные по числу случаев употребления.

Остановимся теперь на сопоставлении самых распространенных типов ИФ в текстах АО и ДР. К ним относятся 7 структурных типов «слитных» ИФ, 5 структурных типов бессоюзных и столько же союзных ИФ. Наиболее представленными во всех случаях оказываются «слитные» ИФ структурных типов AAN; A₂AN; AAAN (где A₂ — атрибут атрибута). Среди остальных четырех типов отмечается лишь одно различие. Так, в романах четырехкомпонентный AAAAN встречается чаще, чем трехкомпонентный AA₂AN, а в рассказах наоборот. Намного больше несовпадений имеется среди «неслитных» ИФ. Двумя самыми представленными типами в текстах романов и рассказов являются A, AN и A and AN. Только в ДР их заставила потесниться конструкция AA and AN. Какие-либо другие общие тенденции у остальных 8 структурных типов «неслитных» ИФ отметить трудно. Например, в романах они располагаются в таком порядке: A, A, AN; A, AAN; A or AN; AA, AN; AA and AN; A but AN; A and AAN; A, A₂ AN. В рассказах порядок следующий: A or AN; AA and AN; A, A, AN; AA, AN; A, AAN; A, and AAN; A, A₂ AN; A but AN. Как видим, только в случае AA, AN порядок этих структурных типов совпадает.

Такая же картина вырисовывается и при сопоставлении наиболее часто встречающихся структурных типов «неслитных» ИФ в авторском описании и диалоге. Те же двухкомпонентные ИФ занимают главенствующее положение (за исключением диалогической речи в рассказах, где на первом месте структурный тип AA and AN). Найти же общие закономерности в употреблении других структурных типов практически невозможно.

Следует отметить, что подобный подход позволяет расширить имеющиеся сведения об особенностях употребления ИФ в границах одного функционального стиля и выявить как нормативные тенденции, так и отличительные особенности в текстах авторского описания и диалогической речи разных жанров художественной литературы. А различия, как наглядно показывает проведенный анализ, лежат в области употребления «неслитных» ИФ.

Поступила в редколлегию 28. 10. 88

В. А. ДМИТРЕНКО

**КОММУНИКАТИВНАЯ РЕЛЕВАНТНОСТЬ
СЛОЖНОСОЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
И ПРИСОЕДИНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ
В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ**

Одной из сторон сложносочиненных предложений (ССП) и присоединительных конструкций с сочинительной связью (ПК) является коммуникативный аспект. Связь данных структур с пред- и посттекстом английской диалогической

речи может осуществляться при помощи повторной номинации, разновидностью которой является характеристика объекта ситуации. Характеризация в ССП и ПК, а также за их пределами имеет наиболее широкую представленность и тесно связана с их актуальным членением, коммуникативной структурой, которая, в свою очередь, не только структурирует исходное содержание, но это одновременно и «некоторое новое содержание, которое при этом возникает»¹. Таким образом, характеристика является важнейшим средством связи частей ССП и ПК, а также данных структур с более широким контекстом.

В рамках ССП и ПК и за их пределами характеристика выполняет анафорическую и катафорическую функции. Таким образом, характеристика присущ вектор направленности и, следовательно, функция характеристики состоит в том, чтобы «придавать векторность, ориентированность синтаксическим отношениям, связывающим две части одной сложной конструкции»².

В ССП и ПК и тем более в контексте отношения характеристики могут повторяться неоднократно, то есть объект, подвергшийся характеристике, может оставаться одним и тем же, а характеристика меняться, в то время как сведения об объекте будут все пополняться, связывая ССП и ПК с контекстом и образуя при этом цепочечную связь перспективного направления. ССП и ПК в этом случае могут выступать ведущими компонентами, являться опорным звеном в микроситуации.

По нашим данным, в ССП и ПК, а также за их пределами объект характеристики выражается именем собственным, именной группой, нарицательным существительным. Характеризация представлена, как правило, такими знаменательными частями речи, как прилагательное, числительное, существительное, глаголы действия. Вместе с тем, отношения характеристики в данных структурах и за их границами могут выражать различные типы отношений: родственные связи, дружеские/недружеские отношения, национальную принадлежность, возраст, профессию, внешность, положение в обществе, состояние дел, интересы, характер, физическое состояние, умственное развитие и др. Наиболее «плодородной» на характеристику объекта является вторая часть ССП или ПК, поскольку в ее основе отношений между частями лежит дополнительная информация о референте, основанная на его частном признаке, который в данной ситуации является релевантно значимым. Характеризация связывает ССП и ПК с пред- и посттекстом, а также может находиться в самих конструкциях и за их пределами.

Рассмотрим три основных случая взаимодействия характеристики и ее объекта как в рамках ССП или ПК, так и за их пределами.

I. Соотнесение характеристики с предтекстом. Условно обозначим предтекст как K_1 . В свою очередь, разложим ССП и ПК на части (I и II); объект характеристики обозначим буквой N, характеристику — буквой X. Посттекст представим как K_2 . Скобки между частями ССП и ПК указывают на целостность, внутреннее единство частей.

В данном варианте объект характеристики находится в предтексте, характеристика — в одной из частей ССП или ПК. Таким образом, данные отношения представим следующей схемой:

$$\begin{cases} K_1 \leftrightarrow (I+II) \\ N \leftarrow X_1 \quad X_2. \end{cases}$$

Стрелки в верхней позиции схемы показывают направление векторной связи от места характеристики к объекту ситуации; стрелки в нижней позиции схемы обозначают смысловую контекстную связь между высказываниями на основе характеристики, взаимное влияние компонентов друг на друга. Приведенная схема показывает, что объект находится в предтексте, а характеристика — в обеих частях ССП или ПК. Например:

- Do you know who I like best?
- Who?
- Christy.

¹ Селивестрова О. Н. Коммуникативная структура предложения и текст // Русский язык. Языковые значения в функциональном и эстетическом аспектах. Виноградовские чтения. 14—16. М., 1987. С. 79.

² Там же. С. 80.

— He's *so gentle*, isn't he? And *his humour* (H. Pinter).

Характеризация представлена обеими частями ПК, выражена прилагательным в первой части конструкции и существительным — во второй. В данном случае обе характеристики описывают характер Кристи и являются однородными. Связь между высказываниями в данном случае более тесная, поскольку она охватывает более чем два высказывания. Однако в ССП и ПК характеристика может быть и неоднородной, то есть включающей в свой состав разнокачественные отношения, например:

— I'll need help, sir.

— Well, you have Sergeant Driver. Do you want anyone else?

— Yes, *Price*, sir. He's the right man for this case.

— All right. He's *rather young* but I agree he's *a good man* (D. Byrne).

В данном ССП характеристика указывает на возраст и характер субъекта. II. Соотнесение характеристики, представленной посттекстом, со своим объектом, расположенным в частях ССП или ПК:

$$\begin{cases} (I+II) \leftarrow K_2 \\ N \leftrightarrow X. \end{cases}$$

Схема демонстрирует тесную смысловую зависимость K_2 от одной из частей ССП или ПК. Характеризация, расположенная в K_2 описывает объект, который находится в препозиции к K_2 , например:

— Clearly some one knows the place where the money was hidden.

— It may be Cross. He was with Felstead in the car.

— Or *Jack Felstead*. After all, he's *the dead man's brother* (D. Byrne).

В данном примере объект характеристики находится во второй части ПК, а характеристика — в K_2 , выражает родственные связи и является рематичной.

III. Отношения характеристики и объекта в рамках ССП и ПК. В этом случае возможны следующие отношения:

a) $\begin{cases} (I+II) \\ N \leftarrow X. \end{cases}$

в) $\begin{cases} (I+II) \\ N \leftarrow X, \end{cases}$

с) $\begin{cases} (I+II) \\ N \leftarrow X \leftrightarrow X, \end{cases}$

Верхние части схем во всех случаях одинаковы, варьирование наблюдается лишь в нижних частях. Объект располагается в первой части конструкции, то есть предшествует его описанию:

a) Only *George Fe Istead* knew where the money was — and *he's dead* (D. Byrne). Характеризация выражает физическое состояние объекта.

b) It happened before *Price joined the police* and he may not know all the facts (D. Byrne). Характеризация указывает на профессию объекта.

c) *The man* was also tall and thin and he was about the same age as you are (D. Byrne). Характеризация описывает внешность и возраст объекта.

Как показал материал исследования, взаимодействие объекта и его характеристики в ССП, ПК и за их пределами является сильным средством связи данных конструкций с предыдущим и последующим контекстом диалогической речи современного английского языка. Именно контекст задает ряд реализаций сцепления частей ССП и ПК, а также данных конструкций в рамках текста, что обусловлено, в первую очередь, коммуникативной интенцией адресанта.

Поступила в редколлегию 25.09.86

П. Н. ДОНЕЦ, канд. филол. наук

ТЕКСТОВАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ИМЕН РЕАЛИИ В ИНТЕРКОММУНИКАЦИИ

С поворотом современной лингвистики к изучению языка в действии заметно возрос интерес к отдельным типам коммуникации, выявляющимся в процессе социального взаимодействия

людей. Одним из наиболее актуальных типов при этом — учитывая постоянный рост международных контактов — является интеркоммуникация, «общение между носителями разных языков и разных культур» [6, с. 10]. Принимая в целом данное определение А. Д. Райхштейна, необходимо сделать одну важную оговорку, касающуюся объема этого понятия. Дело в том, что трактовка интеркоммуникации А. Д. Райхштейном позволяет отнести к этому типу коммуникации также и восприятие переводных произведений — несомненно, что и здесь имеет место «общение между носителями разных языков и разных культур». Перевод, однако, стирает многие специфические особенности интеркоммуникации. Как отмечает по этому поводу В. Н. Комиссаров, «рецепторы перевода используют тексты переводов во всех отношениях идентично с оригинальными текстами на ПЯ» [5, с. 31]. Принимая во внимание указанное обстоятельство, представляется целесообразным дополнить дефиницию А. Д. Райхштейна словами «...на языке, который для одного из коммуникантов является иностранным». Таким образом, изучение интеркоммуникации есть не просто изучение языка в действии (см. выше), а *иностранного* языка в действии.

Интеркоммуникация характеризуется рядом особенностей, отличающих ее от обычной моновязычной и монокультурной коммуникации, как лингвистического, так и экстралингвистического характера. Своеобразной точкой пересечения этих особенностей является категория имен реалий — объектов, характерных для жизни одного народа и чуждых другому [2, с. 55]. Отражая экстралингвистические различия между контактирующими культурами, эти имена в то же время обладают и особыми лингвистическими свойствами, выступающими на передний план в условиях интеркоммуникации.

К таким свойствам относится прежде всего способность создавать помехи в процессе коммуникации (как при восприятии сообщения, так и при переводе), которая может быть объяснена понятийной лакунарностью имен реалий с точки зрения инокультурного коммуниканта. Понятийная лакунарность в статике означает полное или частичное отсутствие некоторого понятия, коррелирующего с именем реалии, в тезаурусе этого коммуниканта, а в динамике — появление лакуны (пробела) в содержательно-смысловой структуре речевого произведения, с которым он контактирует. Возникновение подобных лакун обуславливает потери информации, которые тем существеннее, чем выше текстовая значимость соответствующего наименования реалии. Из сказанного вытекает необходимость особого внимания по отношению к именам реалий с высокой текстовой значимостью при переводе, интерпретации текста и т. д.

Текстовая значимость того или иного элемента произведения зависит от многих факторов и диктуется, в частности, соотношением с референтной ситуацией, коммуникативной интенцией автора, сюжетной ценностью, то есть факторами, сфера действия

которых ограничена рамками только данного конкретного текста (фрагмента текста), что создает известные затруднения для выработки процедуры анализа для всех или большинства текстов.

Тем не менее в современной лингвистике и стилистике текста уже выработан ряд критериев для определения текстовой значимости составляющих текста, обладающих достаточной объяснительной силой. Одним из таких критериев можно считать место в иерархии содержательно-смысловой структуры произведения, занимаемое единицей: известно, что содержательно-смысловая структура текста выстроена по иерархическому принципу, и чем выше место некоторого языкового элемента в этой иерархии, тем выше, соответственно, его текстовая значимость.

Высокое место в содержательно-смысловой структуре текста И. В. Арнольд обозначает термином «сильная позиция» [1]. «Сильной» позицией является прежде всего позиция в предтексте (заглавие, предисловие, пролог, эпиграф), а также в начале текста. Особая роль позиции этого рода состоит в том, что при восприятии предтекста и начала текста «происходит подстраивание реципиента к свойствам воздействующей системы (текста) и первичное сопоставление с имеющимся тезаурусом» [1, с. 28]. Учитывая понятийную лакуарность имен реалий, о которой говорилось ранее, можно предполагать, что при наличии их в предтексте такое подстраивание вряд ли состоится, а коммуникативный эффект, следовательно, окажется далеким от запрограммированного.

При более широкой трактовке понятия предтекста к нему можно отнести и имя автора, которое также часто обладает прогнозирующей, подстраивающей функцией. Правда, здесь нужно сделать оговорку о том, что данное допущение оправдано лишь в случае, если автор довольно широко известен в пределах своей культуры и менее — в других, то есть представляет собой своеобразную реалию, ассоциирующуюся с литературным жанром, в котором обычно выступает писатель, основной тематикой его творчества, его жизненным путем и т. д. Например, имя Г. Вальрафа, известного западногерманского публициста, на обложке книги дает читателю основания ожидать в произведении острую социальную критику существующих в ФРГ порядков, прогнозировать скандальные разоблачения, использование остроумных репортерских приемов в работе.

Последнее произведение Г. Вальрафа «Ganz unten» посвящено условиям жизни в ФРГ рабочих-иностранцев (гастарбайтеров). Основному тексту репортажа предпослано небольшое предисловие: *Wegen der zu erwartenden Prozesse wurden aus der Fülle des noch unveröffentlichten Materials bereits neue Kapitel vorbereitet, um das kontinuierliche Erscheinen dieses Buches zu gewährleisten.* Фраза об ожидаемых судебных процессах в связи с выпуском книги (которые позднее в действительности состоялись), усиливает ожидание читателя, частично сформированное именем автора.

Высокая текстовая значимость имен реалий в эпиграфе может быть проиллюстрирована эпиграфом к документальному очерку

Г. Продёля «Der Chefspsychologe»: «Der selige Hauptmann von Köpenick war ein armseliger Stümper, gemessen an dem Gaunertück dieses Angeklagten». Aus dem Plädoyer des Staatsanwaltes im Prozeß gegen 1958 abgeurteilten Chefspsychologen der Bundeswehr, Robert Schneider.

Приведенный эпиграф представляет собой развернутое сравнение, один из членов которого «Капитан из Кепеника» (В. Фойгт, мошенник, прославившийся в начале века дерзким ограблением кепеникской ратуши), другой — Р. Шнайдер, бывший главный психолог бундесвера, причем на фоне последнего «Капитан» — «жалкий халтурщик». Если второй член этого противопоставления получает исчерпывающее описание в последующем тексте, то кто такой «Капитан из Кепеника», так и остается для инокультурного реципиента неясным.

Роль названия произведения как средства выражения авторского замысла, его идеи неоднократно подчеркивались в литературоведении, лингвистике и стилистике текста [1, с. 25; 3, с. 133]. Имена реалий достаточно часто фигурируют в этой позиции, в том числе и в известных произведениях немецкой литературы: «Die Lehr — und Wanderjahre des Wilhelm Meisters» (J. W. Goethe), «Schimmelreiter» (Th. Storm), «Im Schlaraffenland» (H. Mann), «November 1918», «Berlin Alexanderplatz» (A. Döblin). Широко распространено применение в функции заголовка имен исторических лиц: «Götz von Berlichingen» (J. W. Goethe), «Wilhelm Tell» (F. Schiller), «Riemenschneider» (J. R. Becher).

Типичными являются также названия аллюзивного характера — отсылки к цитатам и другим устойчивым выражениям, намеки на те или иные исторические литературные факты, значительная часть которых также может быть причислена к реалиям. В некоторых случаях обозначенный при помощи аллюзии текст сам может рассматриваться как аллюзия к какому-либо другому первичному тексту [4, с. 149]. Примером такого текста способна послужить киноповесть У. Пленцдорфа «Die neuen Leiden des jungen W.». Структура и наполнение наименования позволяют без особого труда установить его происхождение от названия известного романа И. В. Гете «Die Leiden des jungen Werther», что заставляет предположить сюжетное сходство между этими двумя произведениями. Действительно, читатель, знакомый с содержанием романа «Страдания молодого Вертера», наталкивается на немало сюжетных параллелей к этому произведению уже на первых страницах повести У. Пленцдорфа. Так, герой повести Э. Вибо, как и Вертер, погибает, правда, в результате несчастного случая, а не самоубийства. Совпадает даже время гибели — канун рождества. Как и Вертер, Вибо любит принадлежащую другому женщину. Список совпадений, создающих обширный пласт дополнительной информации, можно было бы продолжить.

Имена реалий, а вернее, обозначенные при их помощи понятия, способны преломляться и в полноценные литературные образы, занимающие ключевое место в системе произведения, как, на-

пример, образ кайзера Барбароссы в поэме Г. Гейне «Deutschland, Ein Wintermärchen». Этот образ основывается на народной легенде, согласно которой Барбаросса не умер когда-то, а спит в пещере горы Кюфхейзер; когда-нибудь он пробудится от сна, чтобы объединить раздробленную Германию и принести ей счастье и мир. В контексте поэмы, однако, образ Барбароссы приобретает другое звучание и используется Гейне для сатиры на националистически и монархически настроенных деятелей того времени.

В заключение необходимо отметить, что проблема текстовой значимости реалий не исчерпывается рассмотренными в статье аспектами (имена реалий в «сильной позиции» и в роли ключевого литературного образа) и заслуживает дальнейшего изучения.

Список литературы: 1. Арнольд И. В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста//Иностр. яз. в шк. 1978. № 4. С. 23—31. 2. Влахос С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., 1986. 3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. 4. Давыдова О. А. Коммуникативный аспект использования аллюзий//Сб. науч. тр. Моск. гос. пед. ин-та иностр. яз. 1986. Вып. 272. С. 141—150. 5. Комиссаров А. Д. Национально-художественный аспект интеркоммуникации//Иностр. яз. в шк. 1986. № 5 С. 10—14.

Поступила в редколлегию 25. 10.88

Н. Г. ИЩЕНКО, канд. филол. наук

ОДНОКОРЕННЫЕ СИНОНИМЫ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

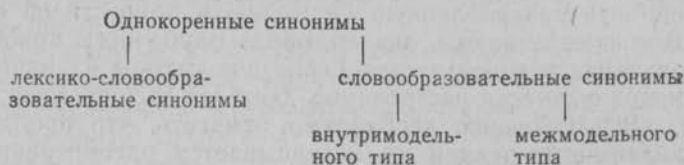
Под однокоренными синонимами в данной работе понимаются лексические единицы, обладающие общей корневой морфемой и разной морфологической структурой (корневые, аффиксальные, с нулевым аффиксом), семантически общие или близкие в одном или нескольких компонентах своего лексического значения, различающиеся семантическими, стилистическими оттенками и структурно-словообразовательными признаками.

Как видим, особенностью однокоренных синонимов, в отличие от разнокоренных, является их морфологическая структура, которая неразрывно связана с внутренней структурой данных лексических единиц, расширяет и обогащает ее. В связи с этим внутренняя структура однокоренных синонимов представляет собой совокупность не трех традиционных компонентов (денотативного, сигнификативного, реляционного) [2, с. 47], а четырех: денотативного, сигнификативного, реляционного и структурного (формального). В случае однокоренных синонимов любые изменения внутренней структуры определяются и обуславливаются словообразовательными факторами. На примере однокоренных синонимов наглядно проявляется взаимодействие лексических (генерализация и специализация лексического значения, переносы значения, развитие полисемии, распад дублетов в результате семантического и стилистического размежевания, появление стилистической окраски) и словообразовательных (синонимия аффиксов, синонимия производящих основ, синонимия категориального значения, синонимическая деривация) процессов. (В наши задачи не входило подробное описание лексических и словообразовательных процессов, способствующих установлению синонимических отношений.)

Следует заметить, что синонимические отношения между однокоренными единицами в одних случаях определяются в большей степени лексическими, в других — в большей степени словообразовательными факторами. В зависимости от степени участия лексических или словообразовательных процессов в установлении синонимических отношений между однокоренными существительными

мы выделяем две группы однокоренных синонимов: однокоренные лексико-словообразовательные и однокоренные словообразовательные синонимы. Последние в свою очередь, делятся на словообразовательные синонимы внутримодельного типа и словообразовательные синонимы «межмодельного типа» [3]

Данную классификацию можно изобразить схематически следующим образом:

Лексико-словообразовательные синонимы — это однокоренные параллели, характеризующиеся общим лексическим значением, общей корневой морфемой, отличающиеся друг от друга оформленностью в плане словообразования одного из слов, различающиеся в большей степени семантически, чем стилистически и употребляющиеся в разных функциональных стилях, например: der Eifer — die Eifrigkeit, der Ertrag — die Erträglichkeit — das Erträgnis, der Besitz — die Besizung.

Словообразовательные синонимы — это однокоренные параллели, оформленные по законам словообразования, характеризующиеся общим лексическим значением, общей корневой морфемой, общими категориальными и словообразовательными значениями, различающиеся в большей степени стилистически, чем семантически и употребляющиеся в одинаковых или разных функциональных стилях, например: die Beschwörung — die Beshwörung, die Bosheit — die Boshaftigkeit, die Dichte — die Dichtigkeit — die Dichtheit, die Dichtung — die Verdichtung.

Как явствует из вышесказанного, лексико-словообразовательные и словообразовательные синонимы — это два типа однокоренных синонимов, возникших в результате определенных языковых процессов, на соответствующем языковом уровне, сохранивших особенности этого уровня и получивших новые семантико-стилистические и словообразовательные характеристики за счет аффиксов. Несмотря на разную природу своего происхождения, лексико-словообразовательные синонимы обладают рядом общих признаков, а именно: 1) фонематической общностью, 2) общим лексическим значением, 3) наличием семантических оттенков, 4) одинаковой грамматической характеристикой (имя существительное), 5) общей корневой морфемой, 6) одним и тем же способом словопроизводства.

Однако за внешним сходством и общими для обоих типов характеристиками скрываются существенные различия, заключающиеся в самой сущности лексико-словообразовательных и словообразовательных синонимов и проявляющиеся как в их структуре, так и в семантике. Выделенная далее структурная и семантическая дифференциация лексико-словообразовательных и словообразовательных синонимов выявляет существенные различия между ними и обосновывает их квалификацию как лексико-словообразовательных и словообразовательных синонимов. Структурная дифференциация предполагает ряд дифференциальных признаков по форме, а семантическая дифференциация — дифференциальные признаки по содержанию.

Структурная и семантическая дифференциация однокоренных синонимов

Лексико-словообразовательные синонимы

Словообразовательные синонимы

Структурная дифференциация

1. Лексико-словообразовательные синонимы характеризуются оформленностью в плане словообразования одного из сопоставляемых слов (Ruf — Aufruf, Haft — Verhaftung).

1 Оба сопоставляемых словообразовательных синонима обязательно оформлены словообразовательными формантами:

а) системными синонимичными аффиксами (Unmut — Mißmut, Beg-

räbnis- Begrabung).

б) несистемными синонимичными суффиксами (Bitterkeit- Bitternis).

в) вариантными суффиксами (Blötheit-Blödigkeit).

г) одними и теми же суффиксами (Drohung-Bedrohung, Lebendigkeit-Lebhaftigkeit).

2. Словообразовательные синонимы могут быть образованы от одной (Bildlichkeit- Bildhaftigkeit) или разных частей речи (Schweigsamkeit-Verschwiegenheit).

3. Словообразовательные синонимы могут иметь и тождественные (Herb-e=Herb-heit), и нетождественные производящие основы (Sittenlos-igkeit=Unsittlich-keit).

2. В качестве производящих основ для лексико-словообразовательных синонимов служат преимущественно одинаковые части речи (Borg-Borgerei, Bund-Bündnis, Beruf-Berufung).

3. Подавляющее большинство лексико-словообразовательных синонимов имеет тождественные производящие основы (Tamel-Tamel-ei, Teil-An-teil).

Семантическая дифференциация

1. В лексико-словообразовательных синонимах обнаруживается умеренная лексического значения.

2. Лексико-словообразовательные синонимы многозначны.

3. Многозначность лексико-словообразовательных синонимов проявляется в широкой дистрибуции.

4. Свободная дистрибуция предполагает различную валентность, в условиях которой они почти не могут взаимозаменяться.

5. Лексико-словообразовательные синонимы обнаруживают существенные семантические и дистрибутивные различия и несущественные стилистические различия.

6. Лексико-словообразовательные синонимы характеризуются отсутствием общего категориального и словообразовательного значения, а если оно и присутствует у одного из сопоставляемых слов, то оно не играет существенной роли в определении синонимичности (Lager-Lagerung, Last-Lästigkeit).

1. В словообразовательных синонимах наблюдается максимальная близость лексического значения.

2. В своем большинстве словообразовательные синонимы однозначны в силу структурного ограничения.

3. Однозначность большинства словообразовательных синонимов проявляется в узусе.

4. Узус предполагает в большинстве случаев одинаковую валентность и возможность взаимозамены.

5. Словообразовательные синонимы характеризуются незначительными семантическими оттенками и существенными различиями стилистического и валентностного характера.

6. Общность категориального и словообразовательного значений является одним из определяющих факторов словообразовательной синонимии, например: Begegnung-Begegnis.

Таким образом, между лексико-словообразовательными и словообразовательными синонимами существуют серьезные различия. Оба исследуемых типа однокоренных синонимов образуют свои синонимические пары или синонимические ряды, где наблюдаются отношения, соответствующие их характеру. Например: лексико-словообразовательные синонимы Borg- Borgerei, Sturm- Bestürmung, Sicht-Aussicht различаются существенными семантическими оттенками, словообразовательные синонимические отношения внутримодельного типа (Deutung-Bedeutung, Aufklärung-Erklärung, Laßheit-Lässigkeit, Ansicht-Aussicht, Unbestand-Unbeständigkeit, Herbe-Herbheit, Irrtum-Irrung, Verständnis-Verständigung различаются, в основном, стилистические и словообразовательные отношения

межмодельного типа (Rederei-Gerede, Sudelei-Gesudel), различаются стилистически и функционально.

Встречаются синонимические ряды, где внутреннее соотношение синонимов является конкретным выражением семантических и словообразовательных закономерностей; тогда оба типа однокоренных синонимов могут пересекаться в одном синонимическом ряду. Так, ряд однокоренных синонимов Schade—Schaden—Schädigung—Beschädigung—Schadhaftigkeit имеет общее лексическое значение «повреждение», общее категориальное значение действия с переходом на результат действия. Эти синонимы различаются между собой семантическими оттенками, лексической и словообразовательной валентностью, дистрибутивными моделями, и характер синонимических отношений между ними разный. Сопоставляемые пары Schade—Schädigung, Schade—Beschädigung, Schade—Schadhaftigkeit — лексико-словообразовательные синонимы, а Schädigung—Beschädigung—Schadhaftigkeit — словообразовательные синонимы внутримодельного типа.

Также различный характер семантических связей в ряду однокоренных образований Bettel—Bettelei—Gebettel, функционирующих как синонимы в общем лексическом значении «попрошайничество», «нищенство» и различающихся стилистической окраской и функциональными особенностями. Однокоренные образования Bettel—Bettelei устанавливают между собой лексико-словообразовательные синонимические отношения, а Bettelei—Gebettel — словообразовательные синонимические отношения межмодельного типа.

Таким образом, однокоренные синонимы — это типизированные группы слов, возникшие на лексическом и словообразовательном уровнях с помощью словообразовательных средств или без них, на основе общих или частных закономерностей развития языковой системы современного немецкого языка. Они являются свидетельством огромного внутреннего резерва языковой системы для развития синонимии как языкового явления. Это обеспечивает непосредственный выход в практику преподавания немецкого языка с целью обогащения словарного запаса студентов.

Список литературы: 1. Брагина А. А. Синонимы в литературном языке. М., 1986. 2. Васильев Л. М. Проблема лексического значения и вопросы синонимии // Лексическая синонимия. М., 1967. С. 16—25. 3. Виноградова Р. И. Синонимия однокорневых префиксальных глаголов в современном немецком языке: Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1974. 4. Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969. 5. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. М., 1982.

Поступила в редколлегия 28.08.88

Л. А. КЕДОВА

ДИАЛЕКТАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОФОРМЛЕНИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В РАННЕСРЕДНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Исследование древнеанглийских текстов, сделанное автором, выявило интересные закономерности в способах оформления отрицательных предложений в различных диалектах древнеанглийского языка и позволило сделать вывод, что полинегативность, по-видимому, являлась нормой лишь для западно-саксонского диалекта, северные же диалекты использовали лишь мононегативные конструкции, что дает возможность по-другому взглянуть на историю развития способов оформления отрицательных предложений в истории английского языка.

Прежде чем перейти к главной теме работы, мы кратко изложим результаты предшествующих исследований, поскольку это существенно для последующих рассуждений.

Мысль о том, что древнеанглийский нельзя считать языком чисто полинегативным, высказывались еще в начале века (Knörk, Rauert, Gebauer et al) [1, 2, 3]. Вопросу моно/полинегативности посвящен фундаментальный труд Б. Дельбрюка «Germanische Syntax. Zu den negativen Sätzen», но являясь в первую очередь сравнительно-историческим (Б. Дельбрюк обращался к различным древним германским языкам и даже санскриту), он не дает статистически полной картины по древнеанглийскому языку.

Автором же была проделана выборка всех отрицательных предложений, соответствующих теме исследования (то есть предложений с отрицанием при сказуемом+неопределенное (отрицательное местоимение) наречие) из древнеанглийских поэтических произведений, начиная с середины VII и заканчивая VIII в. н. э., то есть из фактически всех дошедших до нас древнеанглийских поэтических памятников.

Всего имеется 151 предложение, из которых мононегативно 154, то есть ~ 95,7 % (напр., эксетерские загадки № 5.10. *Nx/fe lxcse-cynn on folcstede hindan meahle.*) Эта цифра свидетельствует о том, что для древнеанглийской поэзии мононегативные конструкции являлись нормой.

Для сравнения приведем соответствующие цифры, касающиеся прозы: у Эльфрика вообще нет ни одного мононегативного предложения; у Апполония только одно; у Альфреда полинегативных предложений в пять раз больше, чем мононегативных; в Книгах III, IV «Gregory's Dialogues» и Книгах IV, V «Boethius» менее 10 % и 4 % мононегативных предложений соответственно.

На основании этого, а также учитывая, что древнеанглийская поэзия и проза созданы на разных диалектах, а именно: поэзия — на северных (англских), а проза — на западно-саксонском, был сделан вывод, что полинегативность не являлась нормой для древнеанглийского языка, а лишь для одного из его диалектов — для западно-саксонского, что имеет параллели в других древних германских языках (такая же картина наблюдается в древнегерманском, где древнесаксонский мононегативен, а древневерхненемецкий — полинегативен).

Далее, исследование прозы епископа Вульфстана позволяет сказать, что мононегативные конструкции были нормой для говорящих на севере даже в конце X — начале XI в., откуда следует, что мононегативность сохранялась в северных (англских) диалектах на протяжении всего древнеанглийского периода. Если же учесть, что именно англские диалекты сыграли ведущую роль в процессе становления общенационального языка, то не приходится удивляться тому, как «полинегативный древнеанглийский» превратился в мононегативный современный английский язык.

Для подтверждения вышесказанного остановимся на раннесредневековой поэме «Cursus Mundi».

Поэма дошла до нас в четырех списках, наиболее ранним из которых является Cotton MS, сохранивший, кроме того, в наиболее чистом виде северный диалект, на котором поэма и была первоначально написана. Поэма создана во второй половине XIII в. (см.: Hupe, 1893; Murray, 1888 [4, 5]).

Естественно, «Cursor Mundi» не единственная средневековая поэма на северном диалекте, но она написана раньше, чем «The Death of Saint Andrew» (1300), «A Metrical Homily—The Signs of Doom» (1300), «The Songs of Lawtence Minot» (1333—1352), и поэтому оказывается ближе к древнеанглийскому периоду. Кроме того, как уже отмечалось, поэма сохранилась в четырех списках, диалектально отличных, что позволяет сравнить диалект Cotton MS с более южными диалектами Göttingen MS или Trinity MS.

Поэма очень велика по объему (23933) строки, а наличие 4 списков фактически дает 90000 строк, поэтому в работе мы вынуждены ограничиться лишь избранными примерами. Среди примеров, выбранных из первых 7 тысяч строк (163 предложения) полинегативны в Cotton MS только 5.

Напр., 5923 Ne was in hus na vessel

Fre pæt watur hild

o stan ne fre. и т. д.

Остальные имеют такой вид:

6053 Sua thik pat nan mozht oper se.

7172 For oper wepen had he nan. и т. д.

Нужно заметить, что имеется достаточное количество примеров, позволяющих не считать это случайностью, когда мононегативному предложению в Cotton MS соответствуют полинегативные в MMS Göttingen, Fairfax, Trinity.

Heaeatlocnradt bytqemtanp reef

Cotton

Göttingen

Trinity

4928

On oper helpe yeit
hope i nozht

5344

Far pai na wizht
drihtin dred

In oper helpe ne fraist
i nozht

For pai na thinz
zodde ne dredd

In opere helpe
ne fruste I nouzt

For pei nopinz
zod ne dred

Мононегативные предложения вообще явно преобладают во всех произведениях на северном диалекте. Сравним, например:

«*Treatises of Richard Roll of Hampole*» (1330—40, *Northern dialect*): a) The bee has thre kyndes. Ane es pat scho es never ydill, ..., b) ...and has thoghte of na lufe of pe worlde, c) Thou slaa na man, ...;

«*Songs of Lawrence Minot*» (1340, *Northern dialect*): a) pai fled and durst no dede abide, ..., b) ...pat in pat land pan had no pere..., c) with hert and hand es noght at hide For to help Scotland gan pai hye;

«*The Death of Saint Andrew*» (1300, *Northern Dialect*): a) And nothing suth pou tels me..., b) For foule dede may no man have..., c) Festes him with none payles... и т. д.;

но: «*Adam and Eve*» (1300, *South-East Midland*): a) For pai ne hadde ar pan never sen no biry no man..., b) And biddep pat ze ne dredd nouzt... c) ...For fir ne watur opon mold Never greven it ne schold;

«*Fobert of Gloucester's Chronicle*» (1340, *Southern Dialect*): a) pat no mon ne mizte come wipinne, b) As he of no mon ne tolde piiderward vaste ne drou, ..., c) ...pat he nadde none rizte perto...

«*The Ayeubite of Inwit*» (1340, *Kentish dialect*): a) per ne is non ypoocrysie..., b) Ne al oure lyf nes nazt bote a lynt prikke и т. д.

Безусловно, сравнение ранних средневековых текстов должно быть более полным, таким же полным, как для древнеанглийского, но здесь имеются трудности, носящие объективный характер, так как в период после смерти Вульфстана (1024 г.) и временем создания «Cursor Mundi» прошло более 200 лет, а произведения на северном диалекте, за исключением небольших по объему песенок, фактически отсутствуют (см.: Wilson, 1939 [6]).

Не располагая точными цифрами по древнеанглийскому периоду, вряд ли можно было бы однозначно интерпретировать раннесредневековые факты, но даже такое предварительное исследование сразу же выявило предполагаемую закономерность: в средние века северные диалекты продолжают употреблять преимущественно монологические предложения, не отступая в этом от древнеанглийского, а это означает, что традиция монологичности никогда не прерывалась на протяжении истории английского языка, что не происходил переход от полилогичности к монологичности, происходила лишь, так сказать, междиа-лектиальная борьба этих двух тенденций, а ее исход нам известен.

Список литературы: 1. *Gebauer J.* Über die Negation, insbesondere im Altböhmischen. Archiv für slavische Philologie 8. 1985. 2. *Knörk M.* Die Negation in der Altenglischen Dichtung. Kiel, 1907. 3. *Rauert M.* Die Negation in den Werken Alfreds. Kiel, 1910. 4. *Huys H.* On the Filiation and the Text of the MSS of the Middle English Poem Cursor Mundi. EETS. P. VII, v. 101, 1893. 5. *Murray. J. A.* The Dialect of the Southern Counties of Scotland. 1868. 6. *Wilson R. M.* Early Middle English Literature. L., 1939.

Поступила в редколлегию 28.10.88

Н. А. КОСТИНА

НЕКОТОРЫЕ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДИАЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНСТВ С ИНИЦИАЛЬНЫМ ПОБУДИТЕЛЬНЫМ ВЫСКАЗЫВАНИЕМ

Некоторая переориентация с изучения письменной речи на реальное общение, наблюдающаяся в современной лингвистике, повлекла за собой интерес к диалогическим единицам, среди которых наиболее изученными представляются диалогические единства, разветвляющиеся по принципу заполнения информативных пробелов [см.: 1, 2, 3]. Что касается диалектических единств с инициальным побудительным высказыванием, ориентированных на невербальную реакцию, то они не рассматривались в плане изучения условий достижения эффекта воздействия. Как правило, выявлялись лежащие на поверхности различия в оформлении побудительных инициальных высказываний.

Представляется интересным рассмотреть эти диалогические единства во взаимосвязи структурно-семантических и прагматических характеристик составляющих их реплик. Количество этих реплик может варьировать от одной, в ответ на которую следует невербальная реакция, до довольно длинных отрезков диалога, включающих десяток и более реплик до достижения перлокутивного эффекта. Не исключено, что подобная нестабильность этих диалогических единств явилась одной из причин их недостаточной изученности.

При всем многообразии можно выделить некоторые наиболее типичные примеры диалогических единств с инициальным побудительным высказыванием. Они могут принимать вид ДЕ-2, если ответом на побудительное высказывание является невербальная реакция, сопровождаемая репликой-согласием (или отказом) совершить желаемое действие:

- (1) Luke: You'll see about a taxi, then.
Fielding: Aye (D. Storey, p. 64);
- (2) Helen: Go and lay the table.
Jo: No (Sh. Delaney, p. 16).

Наличие в обмене этикетной формулы:

- (3) Louise: Oh, Walter, would you mind taking Clive's suitcase upstairs as you go?
Walter: Certainly, Mrs. Harrington.

Louise: Thank you so much (P. Shaffer, p. 64)

приводит к появлению ДЕ-3.

В случае нежелания (или отсутствия возможности) выполнить действие трудно прогнозировать количество реплик, так как может происходить последовательное «нанизывание» реплик-стимулов и реплик-реакций:

(4) Boy: You'd better drink this first.

Jo: I don't like it.

Boy: Get it down you.

Jo: But look, it's got skin on the top.

Boy: Don't whine. I'm not spending the evening with a running-nosed wreck. Finish your milk. (Sh. Delaney, p. 37).

В зависимости от ситуации общения, статусов коммуникантов и их социальных ролей отказ может быть немотивированным, см., например, (2) и мотивированным:

(5) Helen: Go and see if that kettle's boiling.

Jo: See yourself. I've got to find somewhere for my bulbs (Sh. Delaney, p. 12)

сопровождается советом:

(6) Pamela: Mother, will you test me on my history?

Louise: Ask Clive, will you dear? I'm busy now.

Walter's going to play for me (P. Shaffer, p. 58)

принимать форму ответного побудительного высказывания:

(7) Peter: ...Sit down and behave yourself, you little ship.

Jo: Hey! Don't start bossing me about. You are not my father. (Sh. Delaney, p. 30).

Предполагается, что в рассматриваемых диалогических единствах инициальное побудительное высказывание информативно полно (то есть соблюдается предложенный П. Грайсом «постулат количества» [4, с. 45]), по крайней мере с точки зрения адресанта, заинтересованного в правильной интерпретации побуждения адресатом и выполнении им желаемого действия. Однако информативная полнота высказывания — величина переменная, и в процессе общения может выясниться, что высказывание, информативно полное с точки зрения адресанта, не является таковым для адресата. Конечно, следует иметь в виду, что адресат может отреагировать на побудительное высказывание как информативно неполное и в случае нежелания выполнить действие, и при анализе не всегда удастся установить, действительно ли имеет место информативная неполнота, или она симулируется адресатом, ср.:

(8) Helen: Hey, you can throw that bloody thing out for a start.

Geof: What thing?

Helen: That thing there. You're not putting my grandchild in a thing like that... (Sh. Delaney, p. 83).

Представляется, что диалогические единства с информативно полными и информативно неполными инициальными высказываниями довольно резко различаются характером связи составляющих их реплик. Реплики последних, как правило, объединены тесной структурной связью, поскольку такие диалогические единства часто развертываются либо на базе экспликации обязательного (9) или факультативного окружения (10) элементов инициального высказывания:

(9) — David, I wish you'd talk to me.

— What about?

— About whatever it is that's troubling you. (Updike, p. 6).

(10) Jo: You've got a bit of string?

Boy: What for?

Jo: I'm going to tie it round my neck. Come on, turn your pockets out. (Sh. Delaney, p. 24)

либо за счет уточнения референции формально представленных в инициальном высказывании компонентов, см. (8).

Не исключена возможность развертывания рассматриваемых диалогических единств на базе запроса дополнительной информации без опоры на структурную и информативную неполноту инициального высказывания:

(11) Helen: Pass me a glass, Jo.

Jo: Where are they?

Helen: I don't know.

Jo: You packed them (Sh. Delaney, p. 7).

В подобных случаях тесной структурной связи между репликами не наблюдается.

Для диалогических единств с информативно полным инициальным высказыванием характерна прежде всего прагматическая связь между репликами в том смысле, что побуждение к действию, выраженное инициальным высказыванием, предполагает ответную реакцию (положительную или отрицательную) со стороны адресата, которая и реализуется в последующих репликах, и благодаря этому рамки таких единств легко выделяемы, несмотря на их многообразие и нестабильность.

В отличие от структурной, лексическая связь может наблюдаться между репликами диалогических единств обоих видов. Наиболее типичны такие виды лексической связи, как итеративная (4), (8), (11), анафорическая (10), (11), катафорическая (4).

Дальнейшее изучение диалогических единств с побудительным инициальным высказыванием в коммуникативном аспекте представляется целесообразным, так как дает материал для описания механизма языкового воздействия. В практическом плане полученный материал может быть использован для развития навыков общения на иностранном языке.

Список литературы: 1. Маркина Л. С. Конструктивный анализ четырехчленного диалогического единства (на материале совр. англ. яз.): Лекция. Л., 1973. 2. Николасева В. Д. Структурно-семантические и прагматические особенности трехчленных диалогических единств в английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. К., 1986. 3. Поляков С. М. Сложное диалогическое единство с односторонней организацией (на материале совр. англ. яз.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985. 4. Grice P. Logic and conversation // Syntax and semantics. N. Y., 1975. P. 41—58.

Поступила в редколлегию 24.09.88

В. П. КРИВЕНКО, канд. филол. наук

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВРЕМЕН В ПРЕЗЕНТНОМ И ПРЕТЕРИТАЛЬНОМ ВРЕМЕННОМ ПЛАНЕ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Давая характеристику темпоральной парадигме немецкого глагола, следует отметить, что и до настоящего времени среди германистов нет единого мнения о ее составе. По вопросу о принадлежности аналитических форм времени к системе времен немецкого глагола до сих пор не прекращаются споры. Причины этих разногласий, по-видимому, следует искать в историческом процессе развития немецкого языка. Уже в готском языке различались две формы времени — презенс и претерит. Эти формы времени выполняли функции всех логически мыслимых времен. В прагерманском языке существовало четыре формы времени — презенс, претерит, временная форма рассказа и перфект. Из всего этого богатства форм в древнегерманских языках остались только две — презенс и претерит [5, с. 292]. Многие германисты склоняются к тому мнению, что и в современном немецком языке из всего разнообразия форм времени сохранилось только две — презенс и претерит [7,

с. 227; 4, с. 29]. В процессе исторического развития языка в его темпоральной системе появились описательные глагольные формы. В связи с этим, вероятно, и возник вопрос о том, правомерно ли причисление этих описательных форм к системе грамматических времен. Многие видные лингвисты относили и относят аналитические глагольные формы к синтаксическим сочетаниям, трактуя, например, предложение типа «Ich habe gesehen» как «Ich besitze etwas als Gesehenes», а предложение «Ich war gekommen» как «Ich war einmal in einem beliebigen Zeitpunkt der Vergangenheit ein Gekommener, ein infolge Kommens Anwesender» [7, с. 228]. Цель подобных рассуждений не лишена логики, однако вряд ли можно применить подобный анализ к предложению «Ich habe gut geschlafen». Мы придерживаемся той точки зрения, что временная парадигма немецкого глагола включает как синтетические, так и аналитические формы времени, что каждой из них присуще как основное (парадигматическое), так и второстепенные (синтагматические) значения. Поэтому целью статьи является показать, как соотносятся синтетические и аналитические формы времени в сфере прошедшего и в сфере настоящего, а также выяснить, какой глагольной форме присуща роль связующего звена между презентным и претеритальным уровнем.

Традиционно к презентным временам относят презенс и футурум, а к претеритальным — претерит, перфект и плюсквамперфект. Если за точку отсчета взять момент речи, полностью находящийся в прошлом без всякой связи с настоящим (претеритальный уровень, претеритальный временной план), то на этом уровне, в свою очередь, с определенной долей упрощения можем выделить своего рода настоящее, прошедшее и будущее, то есть то, что было до момента речи, в момент речи и после него. Форма претерита обозначает действие, в основном совпадающее с моментом речи в прошлом, а плюсквамперфект обозначает действие, которое происходило до момента речи в прошлом, своеобразное «прошедшее в прошедшем». В современном немецком языке также постоянно ощущается необходимость выражения «будущего в прошедшем», для которого не существует специальной формы времени. Поэтому для его выражения используются конструкции «würde+Infinitiv», «wollte, sollte, mußte+Infinitiv» [6, с. 182—183], иногда употребляется футурум I, но чаще всего претерит. Перфект часто служит просто для обозначения прошедшего времени [1, с. 188] и является в этом случае синонимом претерита. При анализе художественной литературы на немецком языке видно, что претерит объединяет в себе значения всех форм прошедшего времени. Претерит очень часто заменяет плюсквамперфект, если из контекста достаточно ясным становится предшествование и смена действий в прошлом [3, с. 154] или если при помощи наречий времени или контекста можно судить о наличии временной дистанции между прошедшим действием и действием, предшествовавшим ему [2, с. 85] и т. д. Например:

Robert lag still auf dem Divan in der Bibliothek, dachte lange nach

über das Wort der Frau Krause; denn lange schon war er herangereift, dieses «Gerade jetzt» — seit Jahren eigentlich. Genau besehen, seit jenem Herbst vor drei Jahren, als Christine die Masern hatte und Gudrun kam (Inge von Wangenheim. Das Zimmer mit den offenen Augen).

В приведенном примере контекст однозначно указывает на временную дистанцию между несколькими прошедшими действиями, поэтому глаголы «haben» и «kommen» стоят в форме претерита. Что же касается функции претерита, то они весьма разнообразны. В сфере прошедшего они варьируются от моментального действия, совпадающего с моментом речи в прошлом, до итеративного и длительного действия в прошлом. Не акцентируя внимания на главных функциях претерита, проиллюстрируем лишь его употребление в значении «будущего в прошедшем», для чего также требуются определенные условия (в частности, довольно четкое указание на следование событий). Например:

Jetzt aber gehörte dies Geld Angelen; es *schlug* vielleicht sehr bald die Stunde, an der sie dessen bedurfte, was Anna weggeschenkt, kleine Fürstin (A. Zweig. Elfenbeinfächer).

Форма претерита глагола «schlagen» несомненно обозначает «будущее в прошедшем», на что однозначно указывает наречие времени «bald».

Таким образом, претерит как бы «перекрывает» собой все логически мыслимые формы времени на уровне прошедшего. Поэтому, вероятно, следует говорить о своего рода «подчиненности» аналитических форм перфекта и плюсквамперфекта синтетическому претериту, а не выводить аналитические формы времени из состава темпоральной парадигмы немецкого глагола. Собственно, претерит следует рассматривать как основную форму в сфере прошедшего, а аналитические формы как самостоятельные формы времени со своим парадигматическим значением, входящим в значение претерита и образующим с ним диалектическое единство.

Теперь возьмем за точку отсчета момент речи, находящийся в настоящем (презентный уровень, презентный временной план). Рассуждая по аналогичной (до некоторой степени упрощенной) схеме, мы можем рассматривать презенс как собственно настоящее, которое обозначает действие, в общем совпадающее с моментом речи в настоящем, перфект — как непосредственное предшествование настоящему, имеющее с ним контакт, своеобразное «прошедшее в настоящем», а формы футурума I и II — как будущее, обозначающее еще не начавшееся незавершенное и завершенное действие. При этом не учитывается модальное значение футурума I и II. Перфект очень легко втягивается в сферу настоящего и может быть описан презентной формой. Например:

«Es *hat geschneit!*» ruft ein Junge, der früh am Fenster den in der Nacht gefallenen Schnee erblickt (= Der Schnee *liegt* auf

der Erde). Ich *bin* eben aus der Stadt *gekommen* (= ich bin erst kurz wieder da) [2, с. 81].

В разговорной речи, вероятно, возможны высказывания типа «Ich komme gerade von der Straße» в смысле «Ich bin gerade von der Straße gekommen», если подразумевается действие, которое уже закончилось к моменту речи, но его результаты сказываются в настоящем.

Как и у претерита, у презенса также обширен диапазон действий, непосредственно соприкасающихся с моментом речи в настоящем, от точечного до длительного. Кроме того, не вызывает сомнений тот факт, что презенс часто употребляется вместо футурума I и II. Например:

Wenn du diese Bedingung *erfüllst* (für: erfüllt haben wirst), *stimmen* wir dir *zu* (werden wir dir zustimmen) [2, с. 80].

Таким образом, синтетический презенс «охватывает» аналитические перфект (в презентной его части), футурум I и футурум II. Причем презенс выполняет в сфере настоящего наиболее универсальную функцию, вбирая в себя функции аналитических форм презентного временного плана, однако не вытесняя их за рамки темпоральной парадигмы, а, наоборот, находясь с ними в диалектическом единстве, что приводит к частой взаимозаменяемости этих форм.

В заключение хотелось бы подчеркнуть особую роль перфекта в темпоральной парадигме немецкого глагола. Нам кажется, что его можно рассматривать как связующее звено между презентным и претеритальным временным планом, потому что он, с одной стороны, может полностью находиться в сфере прошедшего, являясь синонимом претерита, а с другой стороны, он вторгается в сферу настоящего, имея контакт с моментом речи в настоящем. В силу этого между презентным и претеритальным временным планом нет жесткой, строго очерченной границы, следствием чего является взаимопроникновение и универсальная (при определенных условиях) взаимозаменяемость большинства времен, образующих темпоральную парадигму немецкого глагола.

Список литературы: 1. Admoni W. Der deutsche Satzbau, 3. Aufl. Leningrad. 1972. 2. Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. 3. Aufl. Bd. 4. Mannheim (Wien) Zürich, 1973. 3. Glinz H. Die innere Form des Deutschen. Eine neue deutsche Grammatik, 4. Aufl. Bern-München, 1965. 4. Helbig G. Probleme der deutschen Grammatik für Ausländer. Leipzig, 1972. 5. Jacobsohn H. Aspektfragen // Indogermanische Forschungen, 1933. Bd. 51, Hf. 4. S. 292—318. 6. Petkov P. Futurische Verhältnisse im präteritalen Zeitplan // Deutsch als Fremdsprache, 1977. Hf. 4. S. 180—184. 7. Sütterlin L. Die deutsche Sprache der Gegenwart. Leipzig, 1923.

Поступила в редколлегию 24.09.88

М. Л. БОРКОВСКАЯ, В. В. ЛЕВИЦКИЙ
МЕЖУРОВНЕВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЯЗЫКЕ:
ЛЕКСИКА И СИНТАКСИС

В современной лингвистике не вызывает сомнения утверждение о том, что язык является некоторым системно-структурным образованием. Между тем, такого рода утверждения нуждаются в доказательстве того, что между единицами различных уровней языка существует глубокая и всеобъемлющая взаимосвязь и взаимозависимость. Разумеется, лингвистика накопила определенные факты, свидетельствующие о связи фонетики и семантики [2, 3, 4], морфологии и лексики [8], синтаксиса и лексики. Хорошо известны работы Ю. Д. Апресяна, в которых предпринимаются попытки установить изоморфные отношения между планом содержания и планом выражения, между синтаксическими конструкциями («дистрибутивными моделями») и лексико-семантическими вариантами слова [1].

Тем не менее, межуровневые отношения в языке — и прежде всего, между синтаксисом и лексикой — изучены еще далеко не полно. Рассмотрим взаимозависимость между типом придаточного предложения и его лексическим наполнением. Если в предложении выражаются локальные, темпоральные, каузальные и тому подобные отношения, то не окажется ли так, что определенным синтаксическим типам, задаваемым, например, союзом, соответствуют определенные семантические «наполнители»? Вскрыть и доказать подобного рода закономерности можно лишь на достаточно большом фактическом материале, подвергнутом обработке с помощью объективных и строгих процедур. В противном случае мы получим лишь ряд интересных, но разрозненных фактов, не способных ни доказать, ни опровергнуть выдвинутую гипотезу. Вот почему для выполнения поставленной задачи была избрана процедура, включающая статистический анализ.

Работа носит пилотажный характер, выполнена на сравнительно небольшом материале (тем не менее, достаточном для того, чтобы сделать предварительные выводы) и посвящена исследованию обстоятельственных предложений в немецком языке.

Материалом исследования послужила современная немецкая художественная проза общим объемом около 350 тыс. словоупотреблений. В результате проведенного анализа была получена картотека, в которой зафиксированы: а) тип придаточного предложения; б) глаголы, употребленные в роли сказуемого в обеих частях сложноподчиненного целого (в главном и в придаточном предложениях). К цельнооформленным глаголам типа *wollen* приравнивались сочетания типа *Absicht haben*). Полученный корпус глаголов был разбит на 20 семантических подклассов: 1) бытия, состояния, проявления качества (*sich fühlen, lieben, sich befinden, sein* и т. п.); 2) долженствования и возможности (*müssen, sollen, können* и т. п.); 3) желания, намерения (*wollen, Absicht haben*); 4) мнения, оценки (*beurteilen, schätzen*); 5) изменения состояния (*sterben*); 6) мыслительной деятельности (*verstehen, vergessen*); 7) созидания, труда (*arbeiten, tun, schaffen*); 8) речи; 9) чувственного восприятия; 10) движения; 11) фазовые; 12) просьбы и волеизъявления и др.

Всего было зафиксировано 591 употребление глаголов и их эквивалентов в придаточной части и 587 употреблений в главной части предложения.

Последующая обработка фактического материала позволила получить статистические данные о частоте встречаемости каждого семантического подкласса в каждом из типов предложений (отдельно для главных и придаточных). Полученные данные представлены (в извлечении) в табл. 1.

Дальнейший анализ должен быть построен таким образом, чтобы исследователь располагал статистически достоверными сведениями о сопряженности (связи) типа предложения и семантического подкласса глаголов. Такой анализ может быть выполнен с помощью статистического критерия хи-квадрат (χ^2) и коэффициента сопряженности. Для эффективного использования указанных статистических приемов необходимо представить полученные данные в виде четырехпольных (альтернативных) таблиц, составленных на основе многопольных (в дан-

ном случае — на основе табл. 1). Так, в табл. 2 представлены данные о частоте совместной встречаемости подкласса глаголов движения и придаточных предложений времени.

Таблица 1

Частота употребления семантических подклассов глаголов
в придаточных предложениях

Семантические подклассы Типы предложений	Бытия	Должен- ствования	Изменения состояния	Мыслитель- ной дея- тельности	Речи	Чувственно- го восприя- тия	Движения	Фазовые	Достижения цели	Передачи и получения	Прочие	Всего
времени	37	6	18	14	9	8	56	10	8	8	42	216
места	13	—	2	2	2	—	1	—	1	1	4	26
сравнения	26	7	9	6	3	5	7	1	—	4	25	93
условия	15	5	2	5	1	1	5	2	4	1	23	64
цели	5	3	4	1	1	1	3	1	—	2	1	22
следствия	15	7	2	7	3	5	3	1	—	—	7	50
причины	31	5	7	8	5	3	3	3	1	6	20	92
прочие	9	—	3	5	2	—	1	—	2	1	5	28
<i>Всего:</i>	151	33	47	48	26	23	79	18	16	23	127	591

Таблица 2

Распределение частот встречаемости глаголов
движения в придаточных времени

Семантические подклассы Типы предло- жений	Глаголы движения	Другие подклассы	Всего
Придаточные времени	56a	c160	216
Другие придаточные	23b	d352	375
<i>Всего:</i> $\chi^2=46,36;$	79 $df=1;$	512 $k=0,28$	591

Если бы между представленными в табл. 2 «признаками» (тип предложения и семантический подкласс) не существовало сопряженности, то частоты в ее полях a, b, c, d распределялись бы пропорционально. Так, например, при соотношении $352:160=2,2$ следовало бы ожидать приблизительно такого же соотношения частот в двух других полях — b и a . Иначе говоря, при соотношении 2:1 в поле a следовало ожидать величину 12—13, фактически же в этом поле зафиксирована величина 56. Уже эти несложные и весьма упрощенные расчеты показывают, что в поле a фактически наблюдаемая частота намного превышает теоретически ожидаемую. Если будет доказано, что такое превышение носит статистически значимый (существенный) характер, будет тем самым установлено наличие сопряженности между соответствующими признаками (семантическим подклассом и синтаксическим типом). Коэффициент сопряженности рассчитывается по формуле:

$$\Phi = \sqrt{\frac{ad-bc}{(a+b)(c+d)(a+c)(b+d)}}$$

где a , b , c , d — частоты в соответствующих полях альтернативных таблиц. Найденный по этой формуле коэффициент сопряженности равен +0,28 и обладает необходимой статистической значимостью (последняя определялась по величине суммы их квадратов¹⁾).

Проведенный с помощью коэффициента сопряженности и критерия χ^2 статистический анализ позволил вскрыть существенные взаимосвязи между признаками, отраженными в табл. 3 (анализ проводился отдельно для подклассов, зафиксированных в главных, и подклассов, зафиксированных в придаточных предложениях).

Таблица 3

Статистически значимые связи между семантическими и синтаксическими признаками

Тип предложения	Семантические подклассы	
	в главном	в придаточном
места	движения	бытия, состояния, проявления качества
времени	чувственного восприятия	движения; конкретных действий
сравнения	—	наличия чего-либо
следствия	бытия, состояния	долженствования, возможности; чувственного восприятия
причины	мнения, оценки	—
условия	передачи и получения	наличия

Полученные данные со всей очевидностью свидетельствуют о том, что определенным синтаксическим единицам, равным структурным частям сложно-подчиненного предложения (главному или придаточному), соответствуют определенные классы лексических наполнений. Очевидно, не случайна взаимосвязь глаголов движения с предложениями места и времени, хотя распределение этого подкласса в главной и придаточной частях неодинакова.

Обращает на себя внимание распределение семантических подклассов в придаточных условиях, где лексические наполнители главного и придаточного предложений связаны общей семой «обладание». Эти предварительные данные дают основание предполагать, что между лексикой и синтаксисом существуют закономерные связи, скрытые от поверхностного наблюдения и могущие быть обнаруженными лишь с помощью специальных статистических приемов. Дальнейшие разыскания в области межуровневых отношений следует направить на исследование других типов синтаксических конструкций (предложений) и лексических наполнений. Очевидно, определенным типам глаголов в том или ином предложении должны соответствовать определенные типы наречий и существительных.

Таким образом, требует выяснения система взаимосвязей всех лексических наполнителей главных и придаточных предложений. Такого рода исследования, проведенные в сопоставительном плане (на материале различных языков), помогут ответить на вопрос, какие типы взаимосвязей обусловлены внеязыковыми, а какие — внутриязыковыми факторами.

¹О технике статистических вычислений см: 5, 6, 7.

Список литературы: 1. Апресян Ю. Д. Дистрибутивный анализ значений и структурные семантические поля // Лексикографический сборник. 1962. Вып. 5. С. 52—72. 2. Журавлев А. П. Фонетическое значение. Л., 1974. 3. Зубкова Л. Г. Части речи в фонетическом и морфологическом освещении. М., 1984. 4. Левицкий В. В. Семантика и фонетика. Черновцы, 1973. 5. Рокицкий П. Ф. Биологическая статистика. Минск, 1964. 6. Тулдава Ю. А. О применении коэффициентов сопряженности в лингвистике // Прикладная лингвистика и автоматический анализ текста. Тарту, 1988. С. 82—83. 7. Урбах Б. Ю. Биометрические методы. М., 1964. 8. Харитонова И. Я. Вопросы взаимодействия лексики и грамматики. К., 1982.

Поступила в редколлегию 14.10.88

Т. Ф. ЛОКШИНА

УСЛОВИЯ АКТУАЛИЗАЦИИ УСИЛИТЕЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ ИНТЕНСИФИКАТОРАМИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ REALLY

Категории интенсивности и усиления функционируют во взаимосвязи и взаимозависимости и, хотя границы этих категорий поддаются строгому определению, планы их выражения во многом совпадают, а планы содержания категории имеют в своем составе значение выделенности определенного объекта в ряду других. Основания выделения, однако, различны. Если основанием интенсивности служит необходимость выражения градаций в степени проявления признака по шкале усиление/ослабление относительно нормы, что основанием усиления служит необходимость выделения наиболее важного, с точки зрения говорящего, участка в информационной структуре высказывания. Мотивировки важности могут быть различными и составляют прагматический аспект высказывания.

Категориальный смысл усиления — подчеркивание особой значимости выбранного говорящим участка в структуре высказывания, подчеркивание истинности высказывания — обнаруживается в определенной семантической группе интенсификаторов, названных Д. Болинджером «маркерами истинности» [4, с. 186]. Эта группа интенсификаторов выделилась, в основном, из группы модальных наречий и объединена семантическим инвариантом «указание на истинность предикации». Инвариантное значение реализуется в системе семантического варьирования, охватывающей следующие значения: частичная истинность (almost, fully, quite и др.), подтверждение истинности (certainly, definitely, surely и др.), предпочтение истинности (rather, more и др.) [3, с. 94].

Следует отметить, что границы класса интенсификаторов аморфны и выявленный список (65 единиц) корпуса интенсификаторов указанной группы не является закрытым. Анализ интенсификаторов исходит из того, что «основанием признания ряда конкретных единиц вариантами некоторой абстрактной единицы служит общность функций, для которой как таковой (но не для условий ее реализации) различия вариантов не существенны...» [2, с. 144] и проведен на примере четырех наиболее частотных представителей группы: really, indeed, actually, in fact.

Выделены следующие условия актуализации значения усиления интенсификаторами группы really: 1) маркировка интенсификатором предикативного участка в структуре высказывания самостоятельно; 2) взаимодействие интенсификатора с синтаксическими средствами выражения усиления; 3) наличие акцентного выделения (АВ) интенсификатора. Необходимым и достаточным является условие 1, условия 2, 3 — факультативны.

1. Словарные значения интенсификаторов группы really «то, что истинно; то, что объективно существует» способствуют закреплению за ними следующих функций:

1.1 Усиливать значение, выражаемое аффирмативной $do+V_{inf}$, служить дополнителем маркером фокуса высказывания, совпадающего с предикатом: He really did have to come to some positive decision... (V. Canning) She did in fact look the picture of terror (I. Murdoch);

1.2 Выражать значение, аналогичное тому, что выражает маркер *do* в аналогичных структурных позициях: Really I think she might have waited a bit... I do think she is inconsiderate (ibid.);

1.3. Выражать значение, аналогичное выражаемому маркером *do* в тех структурных позициях, которые не допускают его употребления или с теми видо-временными формами, которые не имеют варианта, оформленного структурным маркером усиления: What horror to be married an Englishman! I would not wish that to any woman — no indeed, I would not! (A. Christie) On top of everything, she was actually making money out of the mill (M. Mitchell).

Таким образом, анализируемые интенсификаторы актуализируют семантику усиления, когда маркируют предикативный участок высказывания и являются функционально-семантическими коррелятами специализированной конструкции усиления $do+V_{inf}$, вступая с ней в отношения а) субституции в сходных структурных позициях; б) взаимодействия при одновременном употреблении; в) дополнительной дистрибуции в тех структурных позициях, которые не допускают включения *do* в качестве усилителя предикативного участка.

Функция выделения данного знаменательного слова из ряда других, свойственная интенсификаторам как классу, в конкретных высказываниях реализуется не только в маркировке предиката, но и любого другого участка в структуре высказывания: субстантивного: They seem to me of great value, and indeed of great necessity (V. Woolf); квалификативного... if you are really set about this... I'll find someone some really good, discreet private agent to carry on for you (B. Рун); локативного: He was travelling in France indeed... (V. Woolf); темпорального: He is generally around... he's here at the moment, actually (A. Aychoburn).

Усиление предикативного/непредикативного участка в структуре высказывания — определяющее условие функционально-семантической дифференциации интенсификаторов. В случае маркировки предикативных участков высказывания они идентифицируются как средства выражения усиления содержания всей пропозиции в целом, и на передний план в них выступают элементы плана содержания категории усиления. В случае маркировки непредикативных (особенно квалификативных) участков высказывания план содержания интенсификатора может включать значение категории интенсификации.

Факультативными условиями идентификации интенсификаторов группы *really* в функции усиления являются 2 контекстуальные и 3 — просодические.

2. К контекстуальным условиям относим взаимодействие интенсификаторов с синтаксическими конструкциями, которые являются периферийными средствами выражения усиления и в ряде случаев способствуют однозначной интерпретации семантики «истинность/уверенность (подтверждение)», реализуемой интенсификаторами. Наблюдаются следующие типы взаимодействия интенсификаторов с конструкциями *смещения*: Punkie had insisted, being sure it was the best thing — and so indeed that proved to be (A. Christie); *заспеления*, в том числе расщепления (клефтинг): It was indeed Lady Charles who had first brought Julia and Charles together (S. Maugham); *вклинения*: She was capable of rudeness — in fact she had an insolent rudeness — but if she wished to charm you... (A. Christie); *обособления*: She insisted on all these horrid romances. I mean, really (A. Aychoburn) *парцелляции*: I'm awfully sorry. Really. (ibid.); с конструкциями *расширения*, а именно: повтором (лексическим и структурным): He thinks that counts. He really thinks that... (J. Heller); I feel the moment's come... It's actually arrived (D. Storey); параллелизмом: I could go round a ll the churches...; I could listen to Max talking...; I could learn the Greek alphabet... — in fact I could take far more interest in Max's work and his ideas... (A. Christie); с конструкциями *сокращения*, в том числе эллиптическими: I'll be glad when you've all gone home. I really will (Aychoburn); *усечения* (умолчания): You can't stop me talking. You indeed can't... (E. Peluso).

3. Связь актуализации значения «истинность/уверенность (подтверждение)»

с ударением выявляется в случаях реализации исследуемого значения в условиях парцелляции или полного эллипсиса, так как в таких конструкциях интенсификатор несомненно несет ударение, являясь единственным эксплицитно выраженным членом предложения: I don't want to see him again; Ever (L. Hellman). Ударной является предпозиция относительно предложения, если содержание объекта оценки известно из предшествующего контекста:

She was not in the least nervous. Indeed, she seemed self-assured. (S. Maugham). АВ может быть передано лексическими средствами: Indeed, it was true as they said, that a man wasn't born before he was married (D. Lawrence); графическими средствами: They were *really* fighting, they were *really* fierce with each other (ibid).

Проделанный анализ имеет непосредственное отношение к проблеме систематизации имеющихся в языке единиц и групп единиц, не укладывающихся в разработанные классификационные схемы. Предлагая характеризовать каждый класс слов и семантически и, морфологически, и синтаксически, ученые отмечают при этом, что с позиции уровня речи весомость различных критериев следует связывать с их способностью раскрывать содержательные возможности слов в процессе реального их функционирования. В английском языке поставленному требованию отвечает синтаксический критерий в самом широком его понимании (функция, окружения, сочетательные свойства единиц) [1, с. 8—9]. Применение этого критерия позволило выявить условия, при которых значение усиления передается интенсификаторами группы *really* однозначно, что в свою очередь способствует уточнению членоречного статуса интенсификаторов.

Список литературы: 1. Зернов Б. Е. Классификация слов по частям речи и связанные с ней проблемы // Спорные вопросы английской грамматики. Л., 1988. 2. Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М., 1988. 3. Bolinger D. Degree Words. The Hague — Paris, 1972. 4. Bolinger D. Meaning and Form. London, 1977.

Поступила в редколлегия 24.09.88

Т. Н. ЛЮБЧЕНКО

РЕЧЕВОЕ «ОСТРАНЕНИЕ» В НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Научная фантастика (НФ) не случайно считается одним из самых любопытных для филолога литературных жанров [2, с. 123]. В ней чрезвычайно изобильно актуализируется потенциальность языковых возможностей. Жанровая специфика НФ проявляется в намеренной и целенаправленной ее фантастичности, то есть в противоречии нашему опыту, намеренном изображении невозможного. Художественная действительность в НФ — это «странный», диковинный мир, в характеристики которого входят и непохожесть, и аналогичность. Читатель сопоставляет его с реальным миром как с установившейся нормативной системой. «Фантастический» мир предполагает новый комплекс норм. В теории литературы такой подход известен как «остранение» [5, с. 60]. Поэтому НФ часто определяют как «жанр, необходимым и достаточным условием существования которого является присутствие и взаимодействие остранения и познания, и чей основной формальный прием — создание вымышленной структуры, отличной от эмпирической окружающей среды автора» [там же, с. 62].

В силу жанровой специфики НФ текст ориентирует автора на поиск нового, экспрессивного слова и подчеркнутую индивидуализацию художественной речи. Здесь фантастична и речь персонажей, и речь авторская. Она рассчитана на подготовленное читательское жанровое ожидание. Поэтому в ней обязательно содержатся своеобразные фантастические метки — знаки, определяющие художественную речь как «странную», несопоставимую с языковой нормой. В текстовом контексте эти метки реализуются во взаимодействующих лингвистических субконтекстах (по терминологии Э. Энkvиста, Дж. Спенсера и У. Грегори [3, с. 30—31]): фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом, пунктуационно-членительном. Вслед за И. В. Арнольд [1, с. 92—95] мы рассматриваем каждый субконтекст как максимум связей и видим в нем резерв многозначности и подвижности семантического объема фантастической метки.

Рассмотрим функционирование подобных меток на примере романа Г. Гаррисона «К западу от Эдема» (1984) [4]. Здесь автор создает три тщательно организованных системы речевого «отстранения». Это ряд взаимосвязанных окказионализмов в речи авторской и высказывания на двух фантастических языках в речи персонажей. На языке Марбак общаются первобытные люди — наши предки. Язык Иилане — основа фантастической цивилизации доисторических чудовищ — динозавров. По замыслу автора, Иилане — это владеющие разумной речью динозавры, которые населяли Землю 55 миллионов лет назад. Их цивилизация достигла высокого уровня развития.

Вводя в текст высказывания на фантастических языках, автор переводит их на английский — но стилизованный, передающий лексические, фразеологические и синтаксические особенности речи фантастических персонажей. В структуру романа органично входит авторское послесловие, где помещены описания фантастических языков и их глоссарии. Марбак, язык наших предков, схож с некоторыми из вымерших индоевропейских языков:

«Isizzo fa klabra massik, den sa rinyur owot meth alpsi» [4, с. 1];
 «Spit in the teeth of winter, for he always dies in the spring».

Степень фантастического языка динозавров — Иилане — намного выше:

«Enge hantèhei, agatè embokèka iirubushei kaksheisè, heawahei; hèvai ihei, kaksheintè, enpeleinu asahen enge» [4, с. 555].

Перед нами, поясняет Г. Гаррисон, лишь приблизительная транскрипция звучания речи динозавров. Высказывание состоит из цепочки слов-предложений в сочетании с контрольными движениями конечностей и хвоста динозавра (автор обозначает их в скобках) и изменениями окраски его пятнистого туловища:

«C 1 engà; C 1 (Bask) Love; C 2 han. hatè. ihei; C 2 (Lie) Maleness. Friend. Senses of Touch (Smell) Feel; C 3 aga. ptè; C 3 (Push) Departure. Self; C 4 embo. kè.ka; C 4 (Fall) Pressure. Stickiness. Cessation; C 5 igi. rubu. shei; C 5 (Fall) Entry. Weightlessness. Cold; C 6 kakh. shei. sèsè; C 6 (Swim) Salt. Cold.

Motion; C 7 hè. vai. intè; C 7 (Cower) Numeral 1. Pain» [там же, с. 553].

Дважды переводя высказывание на английский, автор в первом случае стилизует синтаксис и пунктуацию перевода, чтобы воспроизвести «цепочечность», характерную для речи динозавров:

«The love of your father, to be expelled from it and go into the cold unloving sea, that is the first pain of life: the first joy of life (in this cold hunting ground) is to come upon your friends and feel their love close round you» [там же, с. 555].

Далее перевод уже соответствует традиционной языковой норме:

«To leave father's love and enter the embrace at the sea is the first pain of life — the first joy is the comrades who join you there» [там же, с. 554].

Рассмотрим основные особенности языка Йилане. В фонетическом контексте интерес вызывают нестандартные сочетания фонем и своеобразный ритм высказывания; в графическом — буквы с экзотическими для английского языка значками; в морфологическом — полное отсутствие изменений по морфологическим показателям. В лексическом контексте интересны окказионализмы — названия фантастических реалий; в синтаксическом — способ оформления высказывания как цепочки слов — движений — образов. Для композиционного контекста характерно то, что подобные высказывания — это чаще всего эпиграфы; их смысл раскрывается в соответствующих разделах романа.

В сюжетном контексте эти философские изречения отражают ценностный спектр образа мышления фантастических динозавров. Из примера выясняется, что 1) роль хранителя рода возложена на самца, который выращивает молодых особей и обучает их элементарным навыкам; 2) члены одного выводка учатся вместе охотиться, работать и общаться, что на всю жизнь связывает их узами товарищества. Из раздела, в котором раскрывается содержание эпиграфа, читатель узнает, что 3) основной ценностью в мире динозавров является их сообщество, а одинокая особь обречена на голодную смерть; 4) язык Йилане играет значительную роль в процессе организации динозавров в рамках сообщества; 5) он настолько усложнен по структуре, что не все особи в состоянии им овладеть; 6) не владеющие языком (их называют Йилеспи — «изъясняющиеся нечленораздельно») не могут принимать участие в совместном труде и потому изгоняются из сообщества.

Следовательно, в сюжетном контексте речевое «остранение» — не просто прием для усиления степени фантастичности текста, а один из центральных сюжетных ходов. Конфликт в романе развивается, когда один из захваченных в плен первобытных людей оказывается в состоянии не только овладеть языком Йилане, но и использовать его особенности в своих целях. Дело в том, что динозавры не могут скрывать свои мысли, так как любое движение выдает их. А человек может, так как его мышление и речь не связаны с контрольными движениями. Одна из предводительниц ди-

нозавров использует способность человека лгать для захвата власти. Характерно, что автор вводит в текст окказионализм «ustuzou» — «человек» без традиционного комментария, перевода его в глоссарии, помещенном в конце книги:

«It was simply an impossible idea. But it had happened. The ustuzou had said a fact that was not a fact. There was no word or expression for this in Yilanè so she must make one up. It was a lie. The ustuzou had lied. No Yilanè could lie. There was only immobility or lack of expression to conceal one's thoughts... The act of speaking was one with the act of thinking. But not with the ustuzou» [4, с. 146—147].

В заключение подчеркнем, что каждая фантастическая метка в НФ тексте оказывается включенной в систему лингвостилистических контекстов. Элементы более низких уровней заполняют контексты более высокие — композиционный, сюжетный и жанровый. Таким образом, речевое «остранение» при систематизированной его реализации становится значимым в аспекте жанровой специфики НФ текста.

Список литературы: 1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. Стилистика декодирования. Л., 1973. 2. Ковалик Ю. Н. «Фантастическая реальность»: опыт лингвистического подхода // Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф.-семинара, посв. творчеству И. А. Ефремова и проблемам научной фантастики. Николаев, 1988. С. 121—123. 3. Enkvist N. E. Spencer J., Gregory W. Linguistics and Style. Panther Books, 1964. 4. Harrison H. West of Eden. Panther Books, 1985. 5. Suvin D. On the Poetics of the Science Fiction Genre // Science Fiction I/H. Lampo, H. Mulich et al. Brussels and Den Haag. 1977. P. 50—65.

Поступила в редколлегию 30.09.88.

А. П. МАРТЫНЮК, канд. филол. наук

ПОЛ ГОВОРЯЩЕГО В СИСТЕМЕ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ

В контексте ускоренного развития коммуникативного направления советской лингвистики, ориентирующегося на изучение речевого поведения индивидов с учетом всей совокупности факторов, влияющих на выбор языковых средств в данной ситуации общения, представляется актуальная проблема преломления в языке противопоставления мужчина—женщина. До недавнего времени эта проблема практически оставалась за пределами внимания советских языковедов. Зарубежные лингвисты, занимающиеся этим вопросом, считают, что наиболее ярко особенности речи мужчин и женщин проявляются на лексическом уровне и связывают их, в частности, с явлением «интенсификации». Речь идет о наличии в речи женщины тенденции к употреблению некоторых языковых единиц скорее для передачи эмоционального состояния, чем какого-то конкретного смысла. В качестве примеров приводятся наречия-интенсификаторы *so, such, awfully, terribly*, повторы наречий типа *very very*, усиливающие значение определяемого слова, семантически бедные прилагательные типа *gorgeous, splendid, divine*, а также гиперболические высказывания типа *I'd just die! He'll never forgive me!*

Упоминание о высокой степени эмоциональности женской речи находим еще в трудах языковедов XVIII—XIX вв., но научную постановку проблемы принято связывать с именем О. Есперсена [3], указывавшего на стремление

женщин к гиперболизации, проявляющееся в употреблении некоторых прилагательных, а также наречий-интенсификаторов «без учета их конкретного значения». Обобщения О. Есперсена носят довольно декларативный характер, не будучи подкрепленными достаточными количественными данными и отличаются некритическим подходом к стереотипным представлениям о различиях в речи мужчин и женщин, за что неоднократно подвергались справедливой критике со стороны феминистов. Как ни странно, те же упреки можно адресовать и Р. Лакоффу, работы которого для многих положили начало развитию интереса феминистов к изучению особенностей речи двух полов. Р. Лакофф также концентрируется на интенсификаторе *so*, который О. Есперсен называл «чисто женским наречием» [3, с. 250] и выделяет «пустые» прилагательные *divine, charming, cute* как типичную черту женской речи [6, с. 225].

Всякое обобщение страдает односторонностью в большей или меньшей степени. Так и в данном случае авторы абстрагировались от целого ряда фактов: во-первых, мужская и женская речь — явления далеко не однородные и дифференцированы по целому ряду признаков: социально-ситуативному, территориальному, возрастному, образовательному, профессиональному, индивидуально-психологическому; во-вторых, форма может варьировать функции в языковом контексте в зависимости от интенции говорящего, и, думается, далеко не всегда появление в речи наречий типа *such* и *so* следует рассматривать как бесконтрольное проявление эмоций: они могут служить определенным коммуникативным целям; в-третьих, методологически неверна постановка проблемы, при которой мужская речь берется в качестве некоего принятого образца, а особенности женской речи оцениваются как отклонение от него; в-четвертых, основой для теоретических обобщений могут послужить только экспериментальные данные, полученные на основе правильной методики, предусматривающей учет количества информантов обоих полов, количество произведенных ими высказываний за анализируемый отрезок времени и т. д.

В данной статье рассматриваются возможные факторы, влияющие на проявление специфических особенностей речи мужчин и женщин на примере семантически пустых наречий-интенсификаторов типа *so, such, extremely, terribly, awfully* в английском и *страшно, ужасно, чрезвычайно, так как* в русском, противопоставляемых наречиям с более конкретным смыслом типа *very, rather, quite, fairly, highly* — *очень, довольно, вполне*. Для удобства изложения обозначим первую группу наречий Adv1, а вторую — Adv2. Материалом для выборки послужили сборники текстов записей английской и русской разговорной речи: «Listen to this» (1971), «Varieties of spoken English» (1969) и «Русская разговорная речь» (1978).

Нетрудно предположить, что варьирование рассматриваемых явлений в речи находится в некоторой зависимости от степени официальности ситуации общения. Пробный анализ 200 высказываний 8 англоязычных мужчин и 210 высказываний 6 англоязычных женщин в официальной обстановке не дал ни одного Adv1.

В неофициальной ситуации общения корпусом для анализа английской разговорной речи явились 808 высказываний 45 мужчин и 619 высказываний 26 женщин. Здесь Adv1 по отношению к Adv2 составили 26,4% в речи мужчин и 30,3% в речи женщин. Как видим, разница не столь существенна, а высказывания типа:

G. T.: It was terribly disillusioning!
(Varieties of spoken English, p. 92);

R. M.: How extremely brave he is!
(Varieties of spoken English,; p. 83)

G. T.: And they're such horrible beasts!
(Varieties of spoken English,; p. 73);

Vicar: They were so expertly made!
(Listen to this, p. 113),

принадлежащие мужчинам, очень напоминают образцы «типично женской речи» О. Есперсена.

Изучалось варьирование наречий-интенсификаторов в однополых и разнополых группах англоязычных собеседников. Согласно полученным результатам, доля Adv1 по отношению к Adv2 в мужских группах 21,8 %, а в женских — 25 %. В разнополых группах Adv1 составили 28,3% в речи мужчин и 31,3% в речи

женщин. Следовательно, речь обоих полов более эмоциональна в разнополых группах.

На материале русского языка получены более контрастные результаты. Проанализировано 600 высказываний 15 мужчин и 1409 высказываний 22 женщин в неофициальной ситуации общения. Доля Adv1 по отношению к Adv2 в речи мужчин 24,5%, а в речи женщин 35,7%. В однополых группах Adv1 составили 25% в речи мужчин и 34,6% в речи женщин. И, наконец, в разнополых группах Adv1 составили 24,4% в речи мужчин и 38,1% в речи женщин.

Найти однозначное объяснение полученным результатом довольно трудно. Едва ли можно согласиться с О. Есперсеном, объясняющим особенности женской речи тем, что «женщины начинают говорить, не обдумав, что они собираются сказать» [3, с. 250]. Столь же проблематична достоверность психологической гипотезы Р. Лакофф, связывающей особенности речи женщины с осознанием ими подчиненного положения в обществе [5]. Очевидно, следует признать наличие в речи женщин некоторой тенденции к употреблению семантически пустых слов, которая, впрочем, не носит абсолютного характера и не является прямым отражением половой принадлежности, так как накладывается на целый ряд социо-ситуативных и индивидуально-психологических факторов. Результаты специальных психологических исследований дают некоторое обоснование этой тенденции. Найдено, что если мужчины воспринимают речь, как правило, левым полушарием мозга, то у женщин речевые функции размещены в обоих полушариях, то есть мозг у них менее ассиметричен. В то же время, исследования, проведенные во многих лабораториях мира, показали, что логический смысл речи человек воспринимает левым полушарием головного мозга а эмоциональный — правым, хотя разумеется, нельзя не учитывать, что возможны и отклонения от описанной схемы.

Более существенные различия в речи мужчин и женщин, зарегистрированные на материале русского языка, можно предположительно связывать с этническими и социокультурными параметрами. Доказано, что коммуникативная стратегия в большой степени определяется этническими стереотипами. К таким выводам пришла, в частности, Д. Таннен [7], изучавшая специфику интерпретации минимальных ответных реакций мужчинами и женщинами разных национальностей. Однако, для более обоснованных заключений в данном случае нужны специальные исследования, объектом которых явились бы рассматриваемые языковые явления.

Некоторые различия в частности Adv1 в однополых и разнополых группах, проявляющиеся более ярко на британском материале, вряд ли следует относить лишь за счет такого параметра, как пол говорящего. Думается, что Adv1 во многом задаются уже темой разговора. Так, их скорее можно ожидать там, где собеседники делятся впечатлениями о путешествии, посещении театра, музея, выставки и т. п. (именно таковым оказался подбор тем в разнополых группах в нашей выборке), чем в деловом разговоре двух секретарш или медсестер, или студентов-заочников, договаривающихся о встрече. Не меньшее значение имеют и индивидуально-психологические черты говорящего. Так, в нашей выборке 5 из 9 случаев повтора наречия *very very* зарегистрированы в речи одного и того же информанта.

Нельзя не учитывать и того факта, что появление Adv1 может определяться коммуникативной интенцией говорящего. По нашим наблюдениям особенно часто Adv1 встречаются в ситуациях, где одному из участников разговора (обычно интервьюеру) необходимо установить контакт с собеседником, вызвать его на открытость и т. п. Возможно, что Adv1 здесь выполняют функцию «эмоционального заражения собеседника», ср.:

Interviewer: You must get to know people awfully well in some areas?

Postman: Oh, yes, very much so. Er... too well sometimes

(Listen to this, p. 103).

Таким образом, очевидно, что некорректной следует признать саму постановку вопроса: представители какого пола чаще используют в своей речи то или иное языковое явление. Разные исследователи, изучающие речь индивидов разных этнических и социальных групп в разных ситуациях общения, могут дать противоположные ответы на этот вопрос. Хорошей иллюстрацией этому может явиться известный разноречивый относительно разделительных воп-

росов [1, 2, 4]. Неизмеримо более важным является изучение механизма взаимодействия различных параметров в процессе общения, среди которых такой параметр, как пол говорящего представляет особый интерес, так как в отличие от индивидов, различающихся по социальным и этническим характеристикам, индивиды, различающиеся по полу, повсеместно находятся в условиях постоянного непосредственного общения.

Список литературы: 1. Baumann M. Two features of «women's speech» // *Sociology of the languages of American women*. San Antonio, 1976. P. 33—40. 2. Fishman P. M. Conversational insecurity // *Language: Social psychological perspectives*. N. Y., 1980. P. 127—132. 3. Jespersen O. *The Woman // Language: Its nature, development and origins*. London, 1922. P. 237—254. 4. Johnson J. L. Questions and role responsibility in four professional meetings. *Anthropological Linguistics*, 1980. P. 66—76. 5. Lakoff R. Language and women's place. *Language in society*, 1973. V. 2. Y. 45—80. 6. Lakoff R. *Women's Language. Language and style*, 1977. V. 10. P. 222—248. 7. Tannen D. Ethnic style in male-female conversation // *Language and social identity*. London, 1982. P. 217—231.

Поступила в редколлегию 24.09.88

Н. И. МАСЛОВА

ВАРИИРОВАНИЕ ЛИЧНЫХ И НЕЛИЧНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ГРАММЕМ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ ИНДИИ, ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США (40—80-е гг. XX ст.)

Своеобразие транснациональных языков (английского, французского, испанского, арабского) в современных условиях бытования посвящен в последнее время целый ряд социолингвистических и собственно лингвистических работ [10, 12].

Проанализируем в динамике указанного периода особенности варьирования личных и неличных глагольных форм в англоязычной прессе и художественной прозе Индии, Великобритании и США.

Мы решили начать изучение этого сложного вопроса с анализа языка прессы, в силу его сжатости, динамичности, жанровой определенности составляющих. Специфика исследования, связанная с анализом бытования полинационального языка, делает необходимым привлечение трех уровней контекста (по терминологии Г. В. Колшанского) [4, с. 76].

Для того, чтобы иметь основания говорить, что выявленные в процессе исследования закономерности отличают язык англоязычной прессы Индии от соответствующих британского/американского стандартов и являются своеобразными маркерами индоанглийского, необходимо было также провести сопоставление языка прессы с языком художественной прозы. Изучение количественного и качественного аспектов варьирования глагольных граммем проводилось на основе ряда новых параметров, введенных и описанных в предыдущей работе автора [7].

1. **Количественный аспект варьирования.** В англоязычной прессе хиндиязычного ареала IE(H) заметна тенденция к формированию собственной формы, однако, этот процесс имеет разную интенсивность: исследуемые жанры можно, с учетом наметившейся тенденции, распределить в следующем порядке: *информационные материалы* (соотношение расхождений и схождений с нормой составило в трех интервалах 17:4, письма, 11:10, очерки — 12:9). В целом, сумма схождений и расхождений с нормой BE по трем жанрам в трех временных интервалах составила 40:23. Сопоставление варьирования личных глагольных граммем в прессе в IE(H) и AE дает другую картину: при общей их тенден-

ции к отрыву и стремлению сформировать собственную норму, преобладание расхождений над схождениями незначительно — 34:29.

Анализ динамики варьирования неличных глагольных граммем в прессе IE(H) позволяет сделать заключение о тенденции к формированию собственной нормы (отличной от BE) лишь в информационных материалах, где соотношение расхождений и схождений составило 9:3, тогда как в письмах и очерках оно равно 3:9, что не позволяет говорить о тенденции к формированию собственной нормы в этих жанрах.

В англоязычной прессе дравидоязычного ареала IE(D) характер и динамика варьирования иные: а именно, в информационных материалах тенденция к формированию собственной нормы чрезвычайно слаба, соотношение расхождений и схождений с нормой BE — 11:10. В двух других жанрах подобная тенденция не зарегистрирована вообще, а наблюдается стремление к норме BE(AE). Так, в очерках соотношение расхождений и схождений с BE составило 7:14, а с AE — 10:11; в письмах в редакцию это соотношение составляет соответственно с BE 9:12, а с AE — 8:13. Общая сумма IE(D) и BE 27:36, а IE(H) и AE 33:30. Изучение динамики варьирования неличных форм в прессе IE(D) позволяет констатировать, что и здесь тенденция к формированию собственной нормы отличается нечеткостью, размытостью, соотношение расхождений и схождений с нормой BE составило в информационных материалах 7:5, в письмах — 5:7; в очерках — 4:8. В отличие от прессы IE(H) и IE(D) в функциональном стиле художественной прозы не зафиксирована тенденция к формированию собственной нормы ни в IE(H), ни в IE(D), о чем свидетельствует соотношение расхождений и схождений (совокупно в трех интервалах): IE(H) и BE 6:15 и IE(H) и AE — 8:13, тогда как в художественной прозе дравидоязычного ареала IE(D) картина следующая: IE и BE — 8:13, а IE и AE — 10:11. Суммарное соотношение расхождений и схождений в IE(H) по четырем вербидам (инфинитив, герундий, причастие I и причастие II) составило в сравнении с BE — 6:6, с AE — 9:3. В дравидоязычном ареале — соответственно — 5:7 (в сравнении с нормой BE) и 4:8 (относительно AE).

II. Качественный аспект варьирования. В результате проведенного исследования можно заключить, что центральные качественные отличия сводятся к взаимодействию вида, таксиса и времени. Причем, основная масса отклонений от британской нормы в художественной прозе IE(H) и IE(D) представлены лишь отдельными вкраплениями. Так, в англоязычной прозе Индии нередки случаи, когда Past Perfect употребляется в качестве повествовательного времени, придавая повествованию «медитативно-сентиментальный характер», причем Past Perfect употребляется многократно в рамках СФЕ для описания событий в прошлом, что нетипично для нормы BE:

«But within him there was the surging of a peculiar «ghaon maoon», a kind of disturbance spreading like knife—edges from the bits of the dream he had just before he came to work. He had awakened in a sweat and since then the perspiration had been cascading down his body in streams both thronging the «hoom of airlessness» and the pressure of the nightmare... Stark silence had brooded over the cremation ground, and his mother, had dead mother, had stood burning... And then, suddenly, he had seen himself—was it on the platform of the railway station? (M. R. Anand «The Big Heart», p. 20). Past Perfect в прозе иногда употребляется без импlications предшествования. «All Saroj's wrath had concentrated on his brother, Bhuvan. He had realized for the first time that he had something called «the future» and that despite his standing first in the examinations, he said, future had grown somewhat dark due to his brother's activities» (Manoj Das. «The Vengeance and Others Stories», p. 2). Past perfect может употребляться с точной датой в прошлом, там, где в BE и AE обычно употребляется Past S: «The Ministry of External Affairs, housed in one of New Delhi's pink sandstone administration buildings, had come into existence in 1947» (N. Sahgal. «This Time of Morning», p. 6).

Поскольку время в художественном произведении отсчитывается не от момента речи, а от так называемого «фабульного времени» (термин О. И. Москальской), Past Perfect, изображая цепь последовательных действий в прошлом, может означать полную разобщенность с моментом речи и одновременно выступать в качестве «временного шифтера». «The controversial Sinha had spent two

years in Delhi as Minister without portfolio. He had recently been appointed adviser on foreign affairs....» (N. Sahgal, Ibid, p. 8—9).

Определенным своеобразием отличается и употребление Present Perfect в прозе и очерках. Так, Е. В. Макарова заключает, что «перфект настоящего времени в повествовательной функции никогда не употребляется» [6, с. 14]. В прозе IE(H) встречаем Pr. Perfect в подобной функции: A few stolid men, blank in appearance have ventured openmouthed to the «cifies of gold» and have come bask tight-lipped with a new suffering to avenge in Billimaran. A very small number, the sons of the rich, have gone out, however, and become Babus and Sahibs but they have never returned to the old lane» (M. P. Anand, Ibid, p. 17—18).

Обращает на себя внимание тот факт, что тенденции к замещению перфекта настоящего времени формами претерита в AE, сформировавшаяся, по мнению исследователей, в художественной прозе [3, 109—110], наблюдается и в индо-английском: здесь, как в IE(H), так и в IE(D) в прессе и в прозе одна из форм перфекта (настоящего или прошедшего времени) совместно с претеритом, конкурирует с другой формой перфекта.

Представляется, что качественные особенности индоанглийского могут быть обусловлены строевыми различиями контактирующих языков («межъязыковая интерференция»: хинди—английский—тамилский), и спецификой бытования английского языка в Индии, временем трансплантации («внутриязыкового интерференция»). Особое значение при этом приобретает характеристика состояния глагольной системы английского языка периода трансплантации (XVII—XVIII вв.). По мнению ученых, в указанный период «нередко можно встретить использование Past Indefinite в значениях, свойственных сейчас Present Perfect, а также недискриминированное употребление перфекта прошедшего и настоящего времени для обозначения действий, происходивших в прошлом» [8, с. 68—69].

Упоминание о том, что этот процесс все еще не закончен в современном английском языке Великобритании и США находим в работах А. И. Дородных, Е. В. Тарасовой и др. [3, с. 109—110; 11]. Анализ фактического материала, проведенный нами, свидетельствует о варьировании претерита и двух форм перфекта в англоязычной прессе и прозе Индии, а это, в свою очередь, доказывает, что процесс «внутриязыковой интерференции» в IE не завершен. Полагаем, что конкуренцию Past S. $\leftrightarrow$ Pr. Perfect, о которой говорят индийские ученые, и которая отмечена на материале прозы и прессы автором статьи, не следует всецело относить за счет влияния автохтонных языков; по нашему мнению, оно не носит абсолютного характера, ибо, например, в специальных исследованиях по языку хинди находим утверждение о том, что «замещение претерита перфектом настоящего времени, характерное для современного немецкого, южно-немецких диалектов, старофранцузского не имеет места в современном хинди, оно также не появляется в языках региона» [15, с. 179]. По иному, вероятно, обстоит дело с замещением в корреляции Past S. $\leftrightarrow$ Past Perfect, где решающая роль, возможно, принадлежит влиянию автохтонных языков. З. Лейнхарт утверждает, что в современном хинди «претерит и плюсквамперфект приобретают описательный характер», тогда как английский исследователь Макгрегор доказывает: «перфектные формы прошедшего времени в хинди обозначают законченные действия, вне связи с настоящим, они могут соответствовать как формам претерита, так и плюсквамперфекта в английском языке» [14, с. 25].

Для характеристики качественных особенностей индоанглийского существенно сопоставить основные темпоральные-аспектуальные характеристики глагола в индоанглийском и автохтонных языках. Ю. Даль в своей работе, рассматривая универсальные категории, свойственные глаголу различных языковых семей, установил, что в английском, хинди, тамильском есть следующий общий набор глагольных категорий: *время* (настоящее: общее и длительное, прошедшее, предпрошедшее, будущее, настоящее перфектное [13, с. 145, 164, 168]). Кроме этих категорий, есть те, которые встречаются только в хинди — противопоставление перфективный: имперфективный глагол по линии вида [там же, с. 169] или в тамильском, так называемый «перфектный комплетив» (по терминологии С. Г. Рудина) [9, с. 67]. Ю. Даль в этом случае употребляет термин «conclusive» [13, с. 95]. Оба исследователя считают, что эта форма имеет

значение «перфекта» настоящего времени с оттенком подчеркнутой полноты, завершенности действия» [9, с. 67].

Советские и индийские ученые отмечают еще ряд близких черт в глагольной системе хинди и тамильского, что, по нашему мнению, может объяснить однотипность качественных отклонений в прессе и прозе обоих ареалов. К числу наиболее важных отнесем: а) отсутствие однозначного соответствия формального и функционального аспектов в традиционных глагольных категориях [1, 5]; б) наличие в хинди/тамильском противопоставления «простой: сложный/интенсивный глагол» [9, с. 64]; в) синкретизм залога [1, 5]; г) своеобразие трактовки понятия «временное расстояние» [13, с. 147, 169]; д) своеобразие причастных имен [1, 5].

Иную картину наблюдаем в современном английском языке: английский глагол имеет «размытые» видовые характеристики и нейтрален к способам глагольного действия. Лингвисты сходятся во мнении, что «форма плюсквамперфекта аспектологически нейтральна, как и форма претерита» [2, с. 27].

На основании анализа количественных и качественных аспектов варьирования личных и неличных глагольных граммем в англоязычной прессе и прозе Индии, Великобритании и США можно сделать следующие выводы: 1) в прессе и художественной прозе Индии наметились противоположные тенденции, так, если в прессе, особенно в жанре информационных материалов наметилась в IE(H) и слабее в IE(D) тенденция к формированию собственно нормы, отличной от BE; то в художественной прозе обоих ареалов зарегистрировано следование норме BE; 2) влияние автохтонных языков на формирование облика индоанглийской не носит абсолютного характера: немаловажной является и специфика английской глагольной системы периода трансплантации — качественное своеобразие индоанглийского — результат действия механизма «межъязыковой и внутриязыковой интерференции».

Список литературы: 1. Андронов М. С. Очерки морфологии глагола в современном тамильском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1960. 2. Виктор-Орлов И. В. К вопросу об аспектуальном значении плюсквамперфекта в современном английском языке // Сб. Проблемы аспектологии. Калинин, 1976. Вып. 2. С. 26—33. 3. Дородных А. И. Варьирование глагольных форм в современном английском языке. Х., 1988. 4. Колянский Г. В. Контекстная семантика. М., 1980. С. 76. 5. Липеровский В. Г. Глагол в языке хинди: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1985. 6. Макарова С. В. Функциональные особенности прошедшей перфектной формы в современном английском языке (Форма НАД У—ЕН): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1977. 7. Маслова Н. И. Квантитативные характеристики варьирования личных и неличных глагольных (граммем) по материалам индийской и британской прессы 40—80-х гг. XX ст. Функционально-семантические аспекты корреляционных единиц языка. Рук. депонирована в ИНИОН АН СССР № 1127. С. 91—98. 8. Расторгуева Т. Н. О некоторых исторических изменениях в структуре поля (на материале поля времени в английском языке) // Сб. научн. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. М., 1978. Вып. 125. С. 65—73. 9. Рудин С. Г. Специализированные глагольные сочетания тамильского языка // Вопр. языкознания. 1975. № 4. С. 64—77. 10. Семенец О. Е. Социальный контекст и языковое развитие... (территориальная и социальная дифференциация английского языка в развивающихся странах). К., 1985. 11. Тарасова Е. В. О вариативности форм лингвистического времени // Вестн. Харьк. ун-та. 1988. № 322. С. 94—98. 12. Чередищенко А. И. Язык и общество в развивающихся странах Африки // Пробл. функционирования западноевроп. яз. К., 1983. С. 157—166. 13. Dahl Ö. Tense and Aspect Systems. Basil Blackwell, 1985. 14. Mc. Gregor R. S. Outline of Hindi Grammar with exercises Oxford University Press, 1972. 15. Lienhart S. Tempusgebrauch und Aktionsartenbildung in der Modernen Hindi. Almqist Wikell. Stockholm, 1961.

Поступила в редколлегию 10. 10. 88

**КОРРЕЛЯТИВНЫЕ ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ
И ГЛАГОЛЫ В РЕЧЕВЫХ АКТАХ**

Теории лингвистического действия посвящено значительное количество работ, характеризующихся отсутствием единства взглядов по ряду вопросов, к которым относится, в частности, классификация речевых актов (иллокутивных сил, перформативов). Представляется достаточным обратиться к фундаментальным работам в этой области [1, 5, 4, 8, 10], чтобы увидеть, насколько различны подходы авторов к данной проблеме. Все эти работы, в особенности Остина и Серля, представляют собой попытку классифицировать речевые акты, которые могут быть совершены в естественных языках как таковых, а не в каком-то конкретном языке, то есть их целью является универсальная классификация речевых актов. Однако, четвертьвековые усилия лингвистов в этом направлении не увенчались пока успехом, что косвенно подтверждает точку зрения ряда авторов [7, 6, 11], которые считают, что в области речевых актов нельзя говорить об абсолютной универсальности, базирующейся на особенностях человеческого мышления, поскольку социально-культурное своеобразие обществ, в которых функционируют языки, вносит свои коррективы.

Весьма перспективным в плане таксономического подхода к речевым актам представляются попытки решения данной задачи путем исследования лексем, посредством которых совершаются и описываются соответствующие речевые акты в конкретных языках, поскольку в таких единицах уже отражено и определенным образом закреплено онтологическое и концептуальное структурирование языкового поведения индивида. Г. Лессинг отмечал, что неправомерно давать какому либо действию название, отличное от того, которое оно носило в свое время у своего народа, хотя и возможно, что действия сами по себе всегда одинаковы, как ни отличаются времена и общества, в которых они имели место [11, с. 16].

На этом принципе, в частности, основывается ряд более поздних исследований в области теории речевых актов [2, 9, 11]. Весьма существенные различия в количестве речевых актов — от 3 у Ван дер Аувера до 600 у Баллмера — могут быть объяснены различием подходов к данной проблеме. Если ученые берлинской группы исходят из принципа абсолютной дискретности научной классификации, то есть неприемлемости пересечений между категориями, то в задачу Ван де Аувера входит не столько классификация речевых актов, сколько определение основных функций ряда грамматических форм таким образом, чтобы из них могли быть выведены остальные.

Ученые берлинской группы создали детальную классификацию речевых актов на материале немецкого языка [2], а затем сделали попытку перевести ее на английский язык [3]. Есть основание

полагать, что «переводная» классификация такого рода, несмотря на свою детальность, не является совершенной, поскольку, во-первых, не все единицы английского языка, в особенности, не имеющие немецких эквивалентов, нашли свое отражение в предлагаемой таксономии; во-вторых, из поля зрения авторов, по-видимому, ускользнули единицы, принимающие участие в так называемых этикетных речевых актах, в особенности с неглагольным ядром (в задачу авторов, по их словам, входило, в первую очередь, описание глаголов; прилагательные, существительные и наречия вовлекались в орбиту исследования эпизодически).

В частности, к единицам, участвующим в речевых актах извинения, авторы относят лишь *apologize*, в то время, как основное по частотности для английского языка средство *sorry* квалифицируется ими как «выражения статального эмоционального состояния субъекта».

Представляется целесообразным, однако, дифференцировать «центростремительное» сожаление говорящего субъекта, то есть направленное на самого себя и свои поступки (а), и «центробежное» — сочувствие (в):

- (a) I was so sorry to lose him (E. Waugh); I got so low, I was so sorry for myself (S. Maugham);
- (b) I am sorry, too, that Mr Prendergast should have that unfortunate disagreement with Mrs Beste-Chetwynde's coloured friend (E. Waugh).

О сожалении, равно как и о сочувствии кого-либо, можно рассказать при помощи того же выражения *to be sorry*:

- (a) «Was he sorry to go?» «He was delighted» (G. Greene);
Indeed, he had a gift for silence, she decided, and was sorry for her earlier harsh thoughts about him (Ch. Hunt);
- (b) «Poor Mary! He was very sorry for her (A. Huxley).

Однако, более эффективным средством экспликации данных прагматических оттенков значения являются коррелятивные глаголы и существительные:

- (a) Similarly we are seldom sorry for those who need and crave our pity (F. S. Fitzgerald); «It was good bourbon», she commented for something to say, and immediately regretted it. It gave him an opening (G. Greene);
- (b) «Ah», the voice regretted, «that cannot be» (A. Christie).

Сочувствие, в отличие от сожаления, имеет широкий диапазон интенсивности, варьирование в пределах которого выражается модификаторами, инверсией, графическими средствами и т. п. Сравним в этом плане эмотивно насыщенные предложения группы (а) и формально-сухие группы (в):

- (a) My dear chap, I am sorry (E. Waugh); ...and very sorry. I am to hear about it (Ibid);
- (b) Three weeks later he had his stroke. I'm sorry. You see, I can't help you (A. Christie).

Этикетный речевой акт извинения не предполагает наличия

искреннего чувства сожаления, сочувствия (a), хотя и не исключает его (b):

(a) I'm sorry to have kept you waiting, sir (W. S. Maugham);

(b) «Oh dear! I'm sorry!» — but the race had begun (E. Waugh).

Глагольным коррелятом, эксплицирующим прагматическую направленность to be sorry в рассматриваемом случае, является apologize: «I am sorry,» the Superior apologized, dropping yet more ash on to an open page of the Atlas of Leprosy (G. Greene).

О наличии взаимосвязи, взаимоперехода между этикетным и неэтикетным употреблением to be sorry свидетельствует следующий пример, где собеседники по-разному интерпретируют тип одного и того же речевого акта (произносящий — как извинение, воспринимающий — как сожаление):

«You have hi-jacked me. Why?»

«Because, like once before, I have need of you», She added, «And others have need of you».

«Indeed».

«And that does not please you».

«It would please me better to be asked.»

«If I had asked, would you have come?».

«Perhaps yes, perhaps no».

«I am sorry».

«I wonder». (A. Christie).

Отсутствие искреннего сочувствия особенно очевидно, когда to be sorry предвещает отказ, несогласие, неприятную новость: Sorry, Bessy, nothing for you just at present (E. Waugh); Miss Fagan says she's very sorry, but she's burnt the hurdles and the jumping posts for firewood (Ibid.).

Приведенное описание особенностей функционирования имени прилагательного sorry и его глагольных коррелятов в речевых актах различных типов показывает, что между последними нет абсолютно жесткой языковой границы; они представляют собой крайние участки своего рода шкалы, располагающиеся по которой компоненты варьируют по признакам фактивности, искренности, эмоциональной насыщенности. В снятии прагматической неоднородности рассмотренного прилагательного немаловажную роль играют корреляты другой частеречной принадлежности, в частности, глаголы: I'm so desperately sorry for the wrong I did you. I so bitterly regret it (W. S. Maugham).

Частные наблюдения такого рода подтверждают общий вывод, что такое сложное явление как речевой акт может быть адекватно интерпретировано лишь тогда, когда исследование строится на теоретической основе общих, абстрактных понятий и дополнено попыткой проникнуть в понятийный мир участников действия, мотивы их поведения.

Список литературы: 1. Austin J. How to do things with words. London, 1962.
2. Berliner Gruppe (Thomas Ballmer, Waltraud Brennenstuhl, Konrad Ehlich, Jochen Rehbein). Sprachliches Handeln (Listen, Kategorien, Modelle). Ms, 1986.

3. Ballmer I., Brennenstuhl W. Speech Act classification: A study in the lexical analysis of English speech activity verbs. Berlin; Springer, 1981. 4. Frazer B. An analysis of vernacular performative verbs//R. W. Shuy and S.-J. N. Bailey (eds). Towards tomorrow's linguistics. Washington, 1974. P. 139—158. 5. McCawley J. Remarks on the lexicography of performative verbs//A. Rogers, B. Wall and J. P. Murphy (eds). Proceedings of the Texas Conference on Performatives, Presuppositions and Implicatures. Arlington, Virginia, 1977. P. 13—25. 6. Pratt M. L. The ideology of speech act theory. Centrum, 1980. 7. Rosaldo M. Z. The things we do with words: Ilongot speech acts and speech act theory in philosophy//Language in society. 1982. № 1, vol. 2. P. 203—237. 8. Searle J. R. A classification of illocutionary acts//Language in society. 1976. № 5, vol. 1. P. 137—151. 9. Van der Auwera J. On the meaning of basic speech acts//Journal of pragmatics, 1980. № 4, vol. 3. P. 253—264. 10. Vendler Z. Res cogitans: an essay in rational psychology. Ithaca; New York, 1972. 11. Verschueren J. What people say they do with words. Norwood; New Jersey, 1985.

Поступила в редколлегию 01.10.88

Э. Г. ПАПОВЯНЦ, канд. филол. наук

РОЛЬ МОДИФИКАТОРОВ В СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКОМ СДВИГЕ МОДЕЛЕЙ ПРЕДЛОЖЕНИЙ КАЧЕСТВЕННОЙ ХАРАКТЕРИЗАЦИИ

В изучении синтаксической семантики, особенно семантических типов предиката, анализ смысловой подвижности базисных моделей предложения и взаимодействие формальной и семантической структур предложения привлекает к себе заслуженное внимание.

Рассмотрим семантико-грамматический сдвиг субстантивных моделей предложений качественной характеристики (ПКХ) с модифицированным ядерным компонентом. Модификация ядерного компонента субстантивных моделей осуществляется за счет реализации валентностных свойств существительного, что существенно обогащает предложение семантически и стилистически и в значительной степени определяет семантическую подвижность той или иной модели ПКХ.

Исследование языкового материала свидетельствует о том, что модификации ядерного компонента, обозначающего качественный признак, могут полностью изменять категориальную отнесенность предложения. Семантико-грамматический сдвиг моделей может быть вызван целым рядом причин. К ним относятся:

1. Характер лексического значения детерминирующих элементов или особенности сочетания смыслов именного компонента и его модификаторов. Сравним следующие предложения: 1. (a) Eighty years of age, with his fine, white hair, his dome-like forehead... and an immense white mouthache... he seemed *master of perennial youth* (Galsworthy); (b) He was *master of the party*, his father was no good (Lawrence); (c) But he was *a master of skittles and dominoes* (ibid).

В предложении (а) сочетание предикативного существительного *master* с атрибутивной группой, содержащей абстрактное имя качества *youth*, образует качественно-характеризующий комплекс, обуславливающий принадлежность предложения к ПКХ. В предложении (b) предложно-именной комплекс «*master of the party*» указывает на положение, в котором оказывается лицо в силу тех или иных обстоятельств. Таким образом, данное предложение относится к предложениям классифицирующего типа, выражающего принадлежность субъекта к определенной категории лиц в результате тех или иных обстоятельств. Предложение (c) соотносится с глагольным предложением «*He played skittles and dominoes masterfully*», коммуникативным заданием которого является сообщение о высокой качественной оценке выполняемого действия.

Сравним также: 2. (a) *I expect he'll be a blasted little hero in his office (Maugham)*; (b) *He is a war hero and he's never been mixed in the rackets (Puzo)*.

В предложении (а) употребление эмоционально-оценочного прилагательного *blasted* способствует метафорическому переосмыслению значения определяемого существительного *hero*, что позволяет ему выполнять качественно-характеризующую функцию. В предложении (b) употребление в функции определения имени пропозитивной семантики *war* указывает на классифицирующую функцию существительного *hero*. В целом данное предложение относится к предложениям классифицирующего типа, выражающим принадлежность субъекта к определенной категории лиц.

2. Семантический сдвиг моделей может быть результатом переосмысления значения предиката при метафорическом переносе, возникающем при модификации именного компонента. Сравним: а) *Accustomed to the care of their mistress when they were slaves, they did not know how to nurse themselves or their sick (Mitchell)*; б) *The greatest liberators are usually slaves of an idea. The freest people are slaves of convention and public opinion, and more still, slaves to industrial machine (Lawrence)*.

Предложение (b) следует отнести к ПКХ. Наличие модифицирующих элементов у предикативного существительного *slave* вызывает образование у него переносного номинативного значения, что перестраивает семантическую структуру предложения.

Сравним также: а) *Kittie's father was a K. C. (King's Counsel) and there was no reason why he should not be made a judge one of these days (Maugham)*; б) *Polly, of course, flirted with the young men, but Mrs. Moona, who was a shrewd judge, knew that the young men were only passing the time away: none of them meant business (Joyce)*.

Предложение (а) — *he should not be made a judge* — относится к предложениям классифицирующего типа, поскольку оно указывает на профессиональную принадлежность субъекта. Предложение (b) — *who was a shrewd judge* — следует отнести к ПКХ. Появление в предикативной группе оценочного прилагательного

shrewd, а также общий контекст способствует образованию переносного значения у предикативного существительного judge, что перестраивает семантическую структуру предложения.

3. Употребление определенного/неопределенного, нулевого артиклей в качестве детерминирующих элементов к предикативу может обуславливать семантическую подвижность моделей. Сравним: (a) He watched her continually, with a kind of fascination: the same spell that the absurd little figures of the doll Madonna had cast over him as a boy. She was the mystery, and he the adorer, under the semi-ecstatic spell of the mystery (Lawrence); (b) George, especially the elder of the two, and once a very bright promising boy, was both a disappointment and a mystery (Priestly).

Предложение (a) — she was the mystery... he — the adorer — следует идентифицировать как предложение тождества, допускающее перестановку компонентов: the mystery was she, the adorer was he. Предложение (b) является ПКХ, на что указывает употребление неопределенного артикля перед абстрактным именем существительным с ослабленным значением субстанции.

Однако не всегда причины семантической подвижности моделей столь очевидны. В ряде случаев предложения единой структурной организации и одинакового лексического наполнения противопоставляются как предложения различных семантических типов. She's a good little actress, Len's counsel had thought, watching her performance... (Drabble) — характеристика лица по роду деятельности; He says he can get you to do anything he wants. He says you just eat out of his hand. It was lucky for Julia that she was a good actress. For a second her heart stood still (Maugham) — характеристика субъекта как носителя определенных качеств, свойств.

Следовательно, решающую роль в данном случае играет не лексическая семантика и не грамматика, а «...непосредственно самый характер конкретного информативного задания, индивидуально предопределенный коммуникативный смысл, конкретная ситуация речи»¹.

Поступила в редколлегию 01.10.88

¹ Шведова Н. Ю. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения // Славянское языкознание. VII Междунар. съезд славистов. Варшава, август 1973. Докл. сов. делегации. М., 1973. С. 480.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ВАРИАНТНОСТИ В ГЛАГОЛЬНОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

В современной лингвистике на протяжении последних двух десятилетий отмечается устойчивый интерес ученых-исследователей к проблеме вариативности в языке в самом широком смысле этого слова. Свидетельством этому является факт проведения АН СССР в последнее время двух всесоюзных конференций «Вариантность как свойство языковой системы» и «Проблемы вариативности в германских языках», посвященные уже не столько изучению каких-либо отдельных, изолированных аспектов данной проблемы, сколько, скорее, определенной систематизации имеющегося опыта.

В настоящее время теория вариативности из разрозненных частных исследований благодаря интенсивным качественным изменениям всё более приобретает вид целостного учения об одном из самых важных аспектов развития и функционирования языка. Достаточно глубоко, в частности, в работах В. Н. Ярцевой, М. М. Гухман, Н. Н. Семенюк, изучен вопрос о роли варьирования в процессе становления национальных литературных языков и норм. Однако проблема изучения грамматического варьирования в глагольной системе современного немецкого языка еще не была объектом отдельного научного исследования. На этом фоне тем более примечательны работы, появившиеся в данной связи на материале современного английского языка, в которых особое внимание уделяется совокупности внутри- и внеязыковых факторов, благодаря которым происходит продуктивный процесс образования морфологических вариантов в языке и речи [2].

Одной из наиболее спорных проблем по сей день остается различное понимание вариативности, выражающееся в чрезвычайно пестром терминологическом многообразии (вариантность/вариативность/варьирование/вариабельность), что свидетельствует, вероятно, не столько об отсутствии единого подхода к изучению сущности рассматриваемого явления, сколько о чрезвычайной сложности, многообразии и противоречивости последнего, что и выражается в невозможности подбора единообразных дефиниций. Достаточно приемлемым в стремлении выразить основное в понятии представляется определение варьирования как такого видоизменения единицы во время ее реализации, которое не затрагивает ее тождества самой по себе, видоизменение частных при сохранении главного (общего инвариантного), а варианта языковой единицы как ее разновидности, которая не связана с изменением сущности характеристик единицы. Варьирование, таким образом, определяется как процесс и/или результат появления у исходной единицы модифицирующих ее в том или ином отношении вариантов [6, с. 45]. Кратко это можно сформулировать и так: вариативность = сущность, содержание явления; варьирование = процесс; вариантность = способность к варьированию.

Другая проблема состоит в трактовке понятия вариантности в узком и широком смысле. Так, не вызывает особых разногласий приращение к вариантам варьируемых взаимозаменяемых элементов, не обнаруживающих заметных различий в плане диахронии, нормы, стиля, прагматики (фонетические, морфологические, словообразовательные; синтаксические варианты, узальные/неузальные варианты, случайные/массовые, т. е. социолектоузуальные «ошибки»). Пока не ясно, включать ли в круг вопросов, описываемых теорией вариантности проблему национально-государственных вариантов языка (например, немецкого языка в Швейцарии, Австрии), диалекта и наддиалектного языка, вариантности социолектов, возрастной речевой вариантности, вариантности типа мужской/женской речи и т. п.

Актуальным в этой связи является также извечный вопрос о соотношении варианта и нормы, так как «только там, где есть или складывается правило, обязательный эталон, можно говорить о том, что в пределах правильности существуют варианты» [8, с. 57]. В настоящее время проблема функции и

сущности языковой нормы подвергается значительному переосмыслению в связи с настоятельной необходимостью более глубокого изучения языка в социальном контексте¹. Вариативность напрямую связывается с гетерогенностью языковых коллективов, где условия варьирования в значительной степени обуславливаются общественными факторами функционирования языка, условиями языковой коммуникации, «в которых в принципе каждый носитель языка является потенциальным генератором варьирования форм языковых единиц» [1, с.297]. И хотя норма, а, следовательно, и ее колебание ограничены системой, однако сама языковая система это «не то, что реально существует в языке, а все то, что может быть в нем создано» [4, с. 11]. При этом норма, в свою очередь, соответствует не тому, «что можно сказать, а тому, что уже сказано и что по традиции говорится в рассматриваемом обществе» [5, с. 175].

Отсюда и определение нормы как «гибкой стабильности» (В. Матезиус), замечания о «неодинаковой крепости нормы» (В. В. Виноградов), что в конечном итоге подводит нас к понятию множественности нормы, то есть ее вариативности в плане образования семантики и употребления грамматических форм и конструкций и обусловленной в числе прочих факторов: 1) изменение нормы в диахронии, 2) влиянием на норму различных национальных вариантов, 3) функционально-социальной дифференциацией языка [10, с. 202].

Нельзя игнорировать также наличия точки зрения, согласно которой варьирование как процесс и варианты в частности рассматриваются как языковое излишество [12, с. 221]. Здесь, кажется, имеет место неправильная трактовка известного тезиса Г. Пауля: «Языку чуждо какое бы то ни было излишество». Действительно, при детальном диахроническом анализе прослеживается «борьба форм»; победа одних и исчезновение других. Но именно в такой борьбе язык отбирает лучшее и тем самым постоянно совершенствуется, обновляется. Налицо диалектическое единство противоположностей в его развитии: с одной стороны широчайшие возможности для варьирования, с другой — жесткая тенденция к системности, без которой язык не может выполнять свою коммуникативную функцию — быть доступным для всех членов языкового коллектива средством общения.

Говоря далее о проблемах изучения вариантности применительно к глагольной системе современного немецкого языка, следует отметить необходимость семантического и формального варьирования в развитии морфологических категорий. Под семантическим варьированием словоформы мы вслед за Л. С. Ермолаевой понимаем «варьирование ее системной значимости, обусловленное контекстом и являющееся обязательным (например, различные «оттенки» словоформы настоящего времени глагола)... Формальное варьирование словоформы есть конкуренция двух морфологических образований с одинаковой системой значимости и одинаковой способностью к семантическому варьированию (напр., конкуренцию кондиционалиса и флексивного ирреалиса)» [3, с. 17].

Анализ нормативной справочной литературы [13, 14], а также учет имевших место ранне попыток определить корпус вариантов в глагольной системе современного немецкого языка [9, с. 12] позволяет предварительно определить их место в глагольной системе, которая, несмотря на довольно жесткую нормализованность литературной реализации языка, обладает гораздо большим, чем кажется на первый взгляд, количеством различного рода вариантов. Возможность их систематизации объясняется тем, что сам факт их появления и активного функционирования в языке и речи обусловлен системными явлениями на различных уровнях.

¹ Ср.: «Соссюровский тезис об изучении языка «в самом себе и для самого себя» в современном языкознании уступает место тезису о языке как неотъемлемой и органической части человеческой культуры и познания, изучение которых невозможно без соответствующих лингвистических исследований. Эта тенденция закономерно перекликается с возникшей у нас в последнее время тенденцией глубинного изучения вопросов культуры — в антропологическом смысле и в аспекте культурно-исторического прошлого народов, что явилось следствием наметившейся в нашей науке перестройки и реорганизации» [11, с. 294].

I. Первую и наиболее многочисленную группу вариантов составляют глаголы с так называемым колеблющимся типом спряжения без изменения значения (Prät.: *dang/dingte; melkte/molkt*; Part. II. *gesalzt/gesalzen*; Präs.: *melkst/milkst* etc.). В отношении этих форм существует довольно распространенная и в общем правильная точка зрения о том, что существует общая тенденция к переходу сильных глаголов в слабые. Доказательство тому можно найти: а) при анализе грамматических форм глаголов неологизмов *filmen, funken, röntgen* и т. н. слов-нонсенсов *hinnen, tiegen*, где используется лишь слабая флексия; б) при использовании данных «лингвистики ошибок», где тестируемые гораздо чаще употребляют формы **ratete/geratet; *greifte/gegreift*, нежели формы **wiet/gewaten; rüff/geriffen* вместо соответствующих нормативных форм *riet/geraten, griff/gegriffen, reifte/gereift* [15, с. 73].

Однако было бы ошибкой утверждать, что во всех случаях колеблющегося типа превозобладает слабая форма. Об этом свидетельствует приводимая выборка из справочного издания «Duden. Zweifelsfälle der deutschen Sprache» (Д) в сопоставлении с данными «Грамматики немецкого языка» Е. И. Шендельс (Г).

Г: 1) *melken* (te, t/o, o) В Präteritum спрягается по слабому типу. Причастия образуются в основном по сильному.

Д: Слабая форма спряжения более употребительна, но варианты формы причастия — II *gemelkt/gemolken* равнозначны.

Г: 2) *saugen* (te, t/o, o). слабая форма полностью превалирует в языке техники (*Staubsauger: saugte/gesaugt*).

Д: Глагол спрягается по сильному типу, но при этом не получает умлаута (ср.: *laufen*). Наряду с сильной формой сегодня уже употребима слабая. Целых три варианта демонстрируют глагол *schwören*: 1) «*ich schwur*» — наиболее старая, исторически правильная форма; 2) «*ich schwor*» — также нормативная форма, возникшая в XVIII в.; 3) «*ich schwörte*» — форма, находящаяся в становлении, но обладающая потенциальными возможностями оттеснить две предыдущие. Это сопоставление можно распространить и на целый ряд других глаголов (*schallen, sieden, triefen, spalten, dünken, gären, gleiten, hauen* etc.).

По поводу указанной группы вариантов можно утверждать, что даже в нормативных справочниках и грамматиках нет единства в их оценке, а тем более в определении тенденции их последующего развития и сосуществования. Нельзя в данном случае однозначно утверждать, что здесь рано или поздно возобладает слабая форма¹.

II. Вторая группа вариантов образована глаголами с отделяемыми/неотделяемыми приставками. Наличие вариантов в литературном языке здесь также фиксировано. Ср.: *ich beraume an/anberaume, erkenne an/erkenne, erlege auf/auferlege, verleibe ein/einverleibe*. Варьирование применительно к данному случаю обусловлено иногда и чисто функциональными причинами, например: *sandstrahlen* (vt) — Part. II: *gesandstrahlt* (normalspr)/*sandgestrahlt* (techn.).

III. Глаголы *haben* и *sein* в качестве вспомогательных. Ср.: *Nach dem Regen hat/ist es schnell abgetrocknet; er ist/hat gealtert; der Wein ist/hat gegoren; ich habe/bin auf einen Stein getreten*.

IV. Варьирование в управлении глагола. Ср.: *Ich bedeutete ihm/ihn, sein Verhalten zu ändern; es kostet ihm/ihn den Kragen; es lohnt die/der Mühe nicht; er hörte ihr/sie die Lexik ab*.

V. Варьирование в формах а) индикатива — *ich habe, sammle, wurde, du starbst, beweist/hab, sammle, wark, starbest*; б) императива — *trinke, handle, sieh. trinkt/trink, handle, siehe, trinket*; конъюнктива — *schwömmen, hülften, schwüren/schwämmen, hülffen, schwören*, форм времени модальных глаголов — *ich habe machen können/habe machen gekonnt/konnte gemacht haben/habe gemacht haben können*.

¹Предварительные наблюдения дают основание полагать, что это не грозит, например, глаголам сильного типа спряжения I класса аблаута *schweigen, weisen, gleichen, reiten*. Этот класс в силу своей стабильности обладал уже в средневерхненемецкий период и продолжает обладать сейчас большой степенью продуктивности [15, с. 169].

VI. Отдельной проблемой является вопрос о причинах, обуславливающих формальное варьирование между кондиционализмом и флексивным ирреализмом, где трудно доказать наличие оппозитивных отношений (*wenn er käme/kommen würde*) [3, с. 18].

Говоря о степени достоверности получаемых фактических данных, следует заметить, что до сих пор проблематичным остается вопрос о том, насколько «надежным» является здесь метод опроса информантов, так как «говорящие неохотно соглашаются с тем, что два различных выражения действительно «означают одно и то же», и существует «ильная тенденция приписывать таким элементам различное значение» [7, с. 166]. Об этом свидетельствуют следующие данные [1, с. 292]:

1-й вариант, %	2-й вариант, %	варианты равнозначны, %
8'übersiedeln (57)	über'siedeln (34)	9
siehe (12)	sieh (81)	7
buk (37)	backte (48)	15
geglitten (85)	gegleitet (10)	5
stande (30)	stunde (49)	21

Таким образом, актуальными проблемами изучения вариантности глагольной системы современного немецкого языка являются: 1) анализ соотношения варианта и нормы; 2) изучение интра- и экстралингвистических причин появления вариантов; 3) определение распространенности их в различных функциональных стилях и типах речи; 4) выяснение общих тенденций в развитии данного типа вариантности; 5) сопоставление вариантного ряда в лексике с вариантным рядом в морфологии; 6) привлечение для изучения рассматриваемого явления данных лингвистической комбинаторики.

Список литературы: 1. Воронов А. Л. К вопросу ареального и социального варьирования слов в национальном языке // Языковая норма и статистика. М., 1977. С. 280—299. 2. Дородных А. И. Варьирование глагольных форм в современном английском языке. Х., 1988. 3. Ермолаева Л. С. Роль семантического и функционального варьирования в развитии морфологических категорий германских языков // Тез. докл. всесоюз. конф. «Проблемы вариативности в германских языках». М., 1988. С. 14—17. 4. Ицкович В. А. Языковая норма. М., 1968. 5. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. 3. С. 143—343. 6. Кубрякова Е. С. Проблемы грамматического варьирования // Вест. Киев. ун-та. 1985. Вып. 19. Романо-герм. филология. С. 45—49. 7. Лавов У. Исследование языка в его социальном контексте // Новое в лингвистике. М., 1975. Вып. 7. С. 96—182. 8. Москальская О. И. Вариативность и дифференциация в лексике литературного немецкого языка // Норма и социальная дифференциация языка. М., 1969. С. 57—68. 9. Москальская О. И. Норма и варьирование в современном немецком литературном языке // Иностр. яз. в шк. 1969. С. 2—14. 10. Пестова Т. В. О понятии множественности нормы в современном немецком литературном языке // Сб. научн. тр. МГПИИЯ. 1984. Вып. 231. С. 200—211. 11. Филологическая наука: пути перестройки // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1987. Т. 46, № 4. С. 289—384. 12. Шетинин В. Е. О морфологических вариантах во французском языке // Тез. докл. конф. 1 МГПИИЯ. 1965. С. 219—221. 13. *Grammatik der deutschen Gegenwartssprache*. Mannheim, 1973. 14. *Haltass E. Mehr Erfolg mit gutem Deutsch*. Stuttgart, 1979. 15. *Wurzel W. U. Flexionsmorphologie und Natürlichkeit* // *Studia grammatica*. 1984. XXI. 2239.

Поступила в редколлегию 01. 10. 88

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЯСНИТЕЛЬНЫХ СТРУКТУР В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Анализ функционального аспекта языка предполагает изучение языка в действии, структурную и содержательную характеристику тех компонентов, которые обеспечивают коммуникативно-прагматическую ориентацию предметно-логического содержания высказывания, его связь с условиями коммуникации. Число компонентов, включаемых в состав функционального аспекта высказывания (предложения), колеблется от двух—четырёх (О. И. Москальская, К.-Э. Зоммерфельдт, В. Г. Адмони) до семи и более (Т. П. Ломтев, В. Г. Гак. «Академическая грамматика немецкого языка». 1981). В числе основных компонентов функционального аспекта высказывания называются прежде всего коммуникативная целеустановка (коммуникативные типы предложений), познавательная установка (коммуникативное членение высказывания), модально-оценочная характеристика, эмоциональность (эмотивность) высказывания, режиссура — категории, связанные со структурой акта речи: авторская перспектива, временная и пространственная локализация, фактор адресата и др.

Адекватность отображения объектов и отношений реальной действительности в семантической структуре высказывания и адекватность их интерпретации языковыми средствами являются необходимыми условиями всякой коммуникации как особой формы социальной деятельности. Компоненты всех уровней структуры высказывания в большей или в меньшей степени, прямо или косвенно участвуют в создании этих условий. Коммуникативные отношения связаны кроме того с социальными отношениями и рассматриваются по отношению к последним как самостоятельные или даже первичные [9, с. 88]. Поэтому ограничение функционального анализа названными компонентами может быть оправданным только с методической точки зрения. Первичная идентификация объекта или ситуации обеспечивает структурно-семантическую законченность высказывания, может обеспечивать его смысловую автосемантию, достаточную коммуникативную расчленённость, отвечать другим коммуникативно-прагматическим установкам. Однако наличие в высказывании поясняющих, дополняющих компонентов свидетельствует о его коммуникативной синсемантии [7, с. 15]. Язык располагает специальными средствами для дополнительного обеспечения адекватности отображения и понимания высказывания. Эта функция «предусмотрена» планом порождения речи и, по-видимому, включается в фазу сравнения и контроля» (А. А. Леонтьев), в которой осуществляется критический анализ речевой деятельности с точки зрения ее адекватности, воздействия на слушателя и др.

«В некотором смысле можно утверждать, что каждая ступень (порождения речи.— И. С.) имеет свой «словарь»... и свой «синтаксис»...» [3, с. 123]. В структурно-семантическом отношении пояснительные конструкции можно рассматривать как составную часть «словаря» и «синтаксиса» фазы «сравнения и контроля», а с функциональной точки зрения их можно определить как средства *дополнительной идентификации*. Идентификацию предметов, называемых в высказывании, О. И. Москальская рассматривает как уточнение референции имен [4, с. 100]. Дополнительная идентификация является, таким образом, дополнительным уточнением референции, которая тесно взаимодействует с коммуникативным членением предложения [там же].

Пояснительные конструкции дополнительной идентификации относятся к повторным номинациям в их самом широком понимании [2]. Коммуникативная синсемантика является основным структурным признаком пояснения, который, в свою очередь, можно рассматривать с реляционной и содержательной сторон. В реляционном отношении устранение коммуникативной синсемантики осуществляется как заполнение открытых мест поясняемого компонента, содержательная сторона обусловлена тем или иным видом коммуникативно-прагматической интенции. Коммуникативная синсемантика сигнализируется в устной речи интонацией, которая не только обнаруживает коммуникативную незавершённость

высказывания, но и характеризует коммуникативную функцию поясняющего компонента по отношению к поясняемому [6].

В письменной речи коммуникативная синсемантика выявляется прежде всего на основе лексико-семантических (интенциональных) значений связующих элементов, которые на этом уровне становятся структурно релевантными, или средствами структурной или смысловой синсемантики, которая является однородной и коммуникативной, но не наоборот: 1. Es mußte auch etwas darin sein, in der Pistolentasche nämlich... (H. Fallada); 2. ...und da sehen wir eine Erscheinung, die kaum begreifbar, nämlich deutsche Republikaner (H. Heine).

В приведенных примерах совмещаются все три вида синсемантики — синтаксическая, смысловая и коммуникативная. Пояснение устраняет все виды синсемантики, однако наличие союза свидетельствует о том, что восполнение информативной недостаточности высказывания должно осуществляться на коммуникативном уровне дополнительной идентификации. Восполнение информативной недостаточности на первичном уровне, то есть при элиминировании союза, разрушает смысл высказывания или изменяет его интенцию.

Пояснение может относиться к любому компоненту высказывания, ко всему высказыванию в целом и представляет собой в структурном, семантическом и функциональном отношении неоднородное явление.

Коммуникативная роль пояснения зависит от значения и формы поясняемого, или высказывания, в состав которого входит поясняемое, и также не характеризуется однозначно.

Если пояснительную конструкцию считать коммуникативно расчлененной и анализировать ее коммуникативное членение по аналогии с простым предложением, что характерно для экспериментально-фонетических исследований этих конструкций [8], то пояснение темы основного высказывания информативно более насыщенным компонентом можно рассматривать как «рематизацию» темы. Однако пояснительная конструкция не развертывается полностью в темо-рематическую структуру, а остается номинативной, темо-тематической конструкцией. Пояснение темы может нести коммуникативную нагрузку нового, основного нового или дополнительного нового [там же, с. 18].

Пояснение подтверждает рематическую функцию поясняемого, однако также не развертывается в самостоятельную темо-рематическую структуру, хотя в некоторых типах конструкций пояснение приобретает большую смысловую самостоятельность и большую коммуникативную расчлененность: 3. Aber ist zugleich das Wesen der Wesen, das alle Wesen in sich faßt, und zwar in Einheit mit diesem abstrakten Wesen (L. Feuerbach); 4. Als der letzte Zahn gezogen war, lag Hanno acht Tage lang krank, und zwar aus reiner Ermattung (Th. Mann). И в приведенных примерах пояснение остается на «доремном» уровне.

Несмотря на большую смысловую самостоятельность, информативную насыщенность (семантический вес), «новизну» информации, о которой говорится в исследованиях [там же], эти конструкции являются более номинативными, идентифицирующими, чем предикативными, эксплицирующими. Пояснение в большей степени идентифицирует действие поясняемого и основного высказывания или результат предикации основного высказывания, нежели развивает действие. Ср.: 5. Ich erteilte meinem Buche denselben Titel, unter welchem Frau von Staël ihr berühmtes Werk herausgegeben hat, und zwar tat ich es aus polemischer Absicht (H. Heine).

Дополнительная идентификация осуществляется не только с помощью дополнительной семантической информации, которую несет пояснение в отличие от поясняемого, но и с помощью коммуникативно значимой языковой, (мета-языковой), контекстуальной, фоновой информации. Характерны в этом смысле пояснительные конструкции, компонентами которых являются синонимы, переводные эквиваленты, близкие по значению слова или выражения: 6. «...der Genitiv bezeichnet das Merkmal, d. i. eine Beschaffenheit, Eigenschaft...» (W. Schmidt); 7. «...will ich dir nur eine kleine Probe geben, so eine Art Register oder Personenverzeichnis» (Th. Fontane); 8. «...— also alies bloß Zitat oder, noch richtiger, *façon de parler*» (Th. Fontane). Поясняющие компоненты этих конструкций с семантической точки зрения малoinформативны. Эти конструкции соотносятся с предложениями тождества.

Диалектика отношений тождества и различия на первичном уровне коммуникативного членения такова, что идентифицирующая семантика, служащая обычно отождествлению темы [1, с. 288], в предложениях тождества становится коммуникативно релевантной. Свое крайнее выражение это находит в широко дискутируемых тавтологических предложениях, в которых само тождество создается соотношением тавтологических по значению компонентов, а выражение этого отношения с помощью связки актуализирует его, создавая ему таким образом статус нового: *A есть A*.

Крайним способом выражения различия являются отношения противоположности. Для естественного языка характерны однако высказывания, отражающие не экстремальные ситуации абсолютных тождеств и различий, а в большей степени промежуточные случаи. Различие должно быть достаточным для того, чтобы обеспечить адекватное функционирование коммуникативной (темо-рематической) структуры. Оно создается ремой или всем ее составом *A есть A₁ (A₂, A₃ и т. д.)*. Коммуникативно релевантным в отличие от тавтологических предложений является не только и не столько отношение, сколько новая информация. Темо-рематическая прогрессия предикативных структур этого типа обеспечивается, таким образом, достаточной различительной силой ремы [ср.: 6, с. 115] в отличие от анафорических структур, пояснительных конструкций. Пояснение, в свою очередь, отличается от тавтологических структур, актуализирующих само отношение тождества, с одной стороны, и предикативных структур, основанных на актуализации различий (*A есть A₁*), с другой стороны: в большинстве пояснительных конструкций актуализируется двойное отношение *A есть и не есть A* с большим акцентом на том или другом отношении в зависимости от типа пояснительной конструкции: 9. Für den Vorabend, das heißt also für heute in acht Tagen, ist ein kleines Konzert geplant (M. Selber). 10. An den Zirkus knüpften mich teure Erinnerungen. Das heißt, teuer waren sie eigentlich mehr für andere (H. Kant). Ср. также примеры 6, 7, 8.

Следует отметить, что большее акцентирование того или другого отношения в зависимости от типа конструкции (при их общей актуализации) осуществляется до того предела, который не приводит ни к разрыву тождества при большем акцентировании предикативности (дополнительной информации) (примеры 3, 4, 5), ни к нейтрализации различий при большем акцентировании отношений тождества (идентификации) (примеры 6—9).

Применительно к коммуникативной структуре высказываний с пояснением такую роль категории тождества-различия можно рассматривать как большее стремление одних конструкций занять место темы, а других — место ремы, то есть пределов, которых они не могут достигнуть, не перейдя в новое качество, не потеряв своей сущности как пояснения. В этой диалектике отношения пояснения к основной (бинарной) коммуникативной структуре высказывания заключается одна, притом важнейшая сторона сущности пояснительных отношений вообще. Другая сторона анализа сущности пояснения состоит в характеристике пояснительной синтагмы по ее отношению к «третьему» члену коммуникативного отношения: в триаде отношений тема—поясняемое—пояснение и поясняемое—пояснение—рема важным является как отношение между компонентами пояснительной конструкции, имеющее самостоятельную коммуникативно-прагматическую значимость, так и результат реализации пояснительных отношений, их синтез [5, с. 14].

Коммуникативное членение пояснительных конструкций аналогично коммуникативной структуре предложений тождества, в которых новым не является ни один компонент, а только отношение между ними [1, с. 291; 6, с. 116]. В данном случае это характерно и для отношения пояснения. Основная коммуникативная установка пояснения — сделать высказывание понятным реципиенту, поэтому информация ремы не должна быть «новой» для реципиента. Необходимость признака «новизны» ремы противоречит, таким образом, коммуникативному требованию — сделать высказывание понятным реципиенту. В предложениях тождества это противоречие снимается тем, что «рема должна содержать указание на известные адресату признаки предмета» [1, с. 289]. Подчиненность коммуникативной задаче является решающей не только для синтаксических отношений, но и для семантических: признак «новизны» ремы, отличающей ее от ремы и репрезентирующей таким образом различие в категории тождества-

различия [6, с. 116], превращается в свою противоположность — обеспечивает тождество предмета.

В высказываниях с пояснением коммуникативная установка хотя и приходит в противоречие с его функцией «нового», однако не приводит к перестройке синтаксической структуры высказывания и полному преобразованию функций. Пояснение, имея основную коммуникативную нагрузку на уровне дополнительной идентификации — сделать поясняемое понятным реципиенту, одновременно «достраивает» структуру основного коммуникативного членения высказывания. Противоречие возникает из-за неадекватного употребления термина «новое» по отношению к пояснению.

«Новым» по отношению к реципиенту является поясняемое, а по отношению к автору и теме высказывания «новым» (и ремой) является и поясняемое и пояснение одновременно. Автор, обеспечивая адекватность функционирования высказывания, использует пояснительную структуру для расчленения ремы, смещения акцентов в ее структуре и выделения из нее через пояснение признаков, которые, по его мнению, должны быть известны реципиенту [ср.: 1, с. 289]. Этим снимается противоречие между признаком «новизны», приписываемым пояснению, и его коммуникативной установкой — быть известным реципиенту.

Анализ коммуникативного членения высказываний с пояснением иллюстрирует взаимодействие коммуникативно-синтаксической и семантической структур высказывания, подтверждает первичность коммуникативного аспекта и его детерминирующую роль по отношению к другим аспектам высказывания (текста).

Список литературы: 1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976. 2. Гак В. Г. Повторная номинация и ее стилистическое использование // *Вопр. франц. филологии*. М., 1972. С. 123—136. 3. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972. 4. Москальская О. И. Грамматика текста. М., 1981. 5. Скепская Г. И. Введение в синтагматику. М., 1979. 6. Слюсарева Н. А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. М., 1981. 7. Солодовник И. П. Союзные пояснительные конструкции в современном немецком языке. Л., 1972. 8. Толочкова Л. А. Роль просодических средств в выражении пояснительных отношений во фразовых и сверхфразовых единствах современного немецкого языка. М., 1976. 9. *Grundzüge einer deutschen Grammatik*. Berlin, 1981.

Поступила в редколлегию 28.09.88

Л. В. СОЛОЩУК

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Драматургическое произведение представляет собой разновидность художественного текста, своеобразие которого проявляется в определенных композиционно-речевых формах. В отличие от прозы, где развитие действия осуществляется чаще всего через авторское повествование, в драматургическом произведении действие развивается через диалог. Внимание к диалогу, явлению сложному и многоаспектному, проявляется везде, где есть интерес к человеческим отношениям, потому что с диалогом связывается представление о коммуникации, взаимодействии, контакте. Как отмечал Э. Бенвенист, «ситуация, неотъемлемая от использования языка, есть ситуация обмена и диалога...» [1, с. 27]. Диалог является типичной чертой разговорной речи. На наш взгляд, в драматургическом произведении наиболее ярко прояв-

ляется стремление автора приблизить диалог к реальной разговорной речи, придать ему видимость спонтанности, характерной для диалогической речи.

Текст драматургического произведения структурно состоит из реплик и ремарок, то есть из речи персонажей и речи автора. Традиционно считается, что ведущая роль в драматургическом произведении принадлежит реплике, являющейся основной построения диалога. Но для выяснения лингвистической сущности диалога необходимо изучать не только природу реплик, но и особенности структуры, значения, коммуникативной направленности ремарки, а также механизм взаимодействия реплики и ремарки. Исследования показывают, что отсутствие ремарки затрудняет адекватную интерпретацию текста драматургического произведения. В ремарке описываются условия коммуникации, место и время действия, сообщаются дополнительные сведения о персонажах данного произведения, их характерах, манерах, внешнем виде. В ремарках содержится информация фонового характера. Ремарка часто служит индикатором изменения ситуации. В ремарке автор описывает эмоциональное, психологическое состояние своих персонажей через их действия, поступки. Использование ремарки, которая обычно вмещает в себя то, что на сцене не может быть выражено языковыми средствами, помогает однозначно интерпретировать реплики, отразить роль экстралингвистических факторов в создании диалога. Ремарка является одним из способов создания семантической целостности и логической связности текста драматургического произведения.

Семантическая структура высказывания — это многоуровневая структура, компонентами которой являются пресуппозиция, а также эксплицитное и имплицитное содержание высказывания [2, с. 401]. В процессе коммуникации важное значение имеет имплицитное содержание высказывания. Имплицитный семантический компонент придает высказыванию конкретность и индивидуальность. Исследуя реплику и ремарку в драматургическом произведении, можно отметить следующую закономерность: в репликах содержание может передаваться как эксплицитно, так и имплицитно; в ремарках средства выражения авторского отношения к теме обычно эксплицитны. Автор в драматургическом произведении не имеет возможности непосредственно обращаться к зрителю. Авторское отношение к теме через реплики, то есть речь персонажей, может выражаться лишь косвенно. Следовательно, в реплике может имплицитно содержаться дополнительная информация. Ремарка эксплицирует содержание реплики:

Maxine: Working on your sermon for next Sunday, Rev'rend?

Shannon: I'm writing a very important letter, Maxine [*He means don't disturb me*] (T. Williams).

Ремарка восполняет семантическую неполноту реплик:

Alvaro: You are simpatica, molto! — It was not just the fight that made me break down. I was like *this* all day! [*He shakes his fists in the air*] (T. Williams).

В ремарке может содержаться логическое продолжение реплики:

Hannah: ...There now, let's hope it stays on. The buttonhole is so frayed I'm afraid that it won't hold the button. [*Her fear is instantly confirmed: the button pops out*] (T. Williams).

Ремарки являются связующим звеном не только между репликами различных персонажей. Реплика одного и того же персонажа может прерываться ремаркой, указывающей на изменение ситуации или адресата. Без такой ремарки содержание реплики становится логически несвязным:

Shannon [*shouting down the hill*]: Come on up, Miss Fellowes, everything's fixed. [*to Maxine*] Oh, God, here she comes chargin' up the hill like a bull elephant on a rampage (T. Williams).

Ремарки в драматургическом произведении обычно лаконичны, что ведет к усилению их семантической емкости, к использованию в них слов с более обобщенным значением.

Отличительной особенностью ремарок является и то, что диапазон их очень широк не только в плане содержания передаваемой ими информации, но и в плане объема ремарки: ремарка может представлять законченную мысль как при помощи отдельного слова, выраженного практически любой частью речи (а), так и при помощи целой группы предложений, образующих микро-текст (б).

а) Rosa: Look what I got, Mama. Serafina [*dully*]: What? (T. Williams).

б) Shannon: I'm going swimming. I'm going to swim out to China.

Hannah: No, no, not tonight, Shannon. Tomorrow... tomorrow, Shannon! [*But he divides the trumpet-flowered bushes and passes through them. Hannah rushes after him, screaming for «Mrs. Faulk». Maxine can be heard shouting for the Mexican boys*] (T. Williams).

Таким образом, ремарки тесно взаимосвязаны с репликами диалога и представляют одну из наиболее отличительных особенностей структурно-семантической организации драматургического произведения. На наш взгляд, взаимодействие реплики и ремарки в процессе создания диалога является интересной областью исследования, цель которого — изучение взаимодействия лингвистических и экстралингвистических факторов в ситуации общения и отражение такого взаимодействия в тексте, описывающем эту ситуацию.

Список литературы: 1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. 2. Хоанг Фэ. Семантика высказывания // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. С. 399—407.

Поступила в редколлегию 01.10.88

О ПЕРЕДАЧЕ РЕАЛИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
ЖАНРА «ФЭНТЕЗИ»

В настоящее время фантастическая литература в различных ее жанрах все больше завоевывает признание в нашей стране и за рубежом. Наряду с низкопробными поделками, наводняющими книжный рынок западного мира монстрами и кошмарами, появляется большое количество произведений, представляющих несомненный интерес как самобытностью формы, так и гуманистической направленностью содержания. К числу наиболее популярных в последнее время принадлежат произведения, созданные в так называемом жанре «фэнтези». Среди литературоведов не существует единой точки зрения на статус «фэнтези». Е. Брандис [2], Ст. Лем [8] считают его субжанром НФ (научной фантастики), группа авторов журнала «Детская литература» — явление, относящимся к литературной сказке [5]. Мы рассматриваем «фэнтези» как самоценный жанр, обладающий собственными, только ему присущими особенностями. Существующий на стыке НФ и сказки, этот жанр вобрал элементы обоих, специфически их переработав. Так, создавая свой волшебный мир, где действуют традиционно сказочные герои и персонажи, авторы тем не менее часто оперируют схемами, свойственными НФ, которые, накладываясь на традиционные структуры волшебной сказки, модифицируются, обретают подтекст. Произведение оказывается многоуровневым, философическим. Специфической чертой жанра «фэнтези» является и его высокая по сравнению с другими жанрами степень национально-особенного. В отличие от НФ, в которой специфически национальные элементы не так ярко выражены, в «фэнтези» они составляют саму суть.

Переводы произведений этого жанра свидетельствуют о том, что переводчики либо не разграничивают НФ и «фэнтези», либо переводят «фэнтези» как волшебную сказку, что и в том, и в другом случае вызывает ряд неоправданных потерь. Попытаемся сформулировать некоторые из основных проблем, стоящих перед переводчиками «фэнтези».

Особую трудность вызывает перевод реалий, относящихся к семантическому полю волшебного. Среди них по специфическим трудностям, возникающим в процессе перевода, можно выделить: 1) лакуны и частичные несоответствия в национальных системах фантастических образов; 2) реалии и реалии-неологизмы, основанные на аллюзиях и ассоциациях в этих системах; 3) квазисобственные имена, то есть имена значимые, выдуманные автором для обозначения несуществующих реально объектов. Данная классификация весьма относительна и строится на основании различия в методиках передачи реалий на ПЯ. Реальная картина, естественно, гораздо многообразнее, тем не менее можно сказать,

что каждая реалья несет на себе часть признаков одной из указанных подгрупп.

Анализируя возможность выбора вариантов при переводе реалии, которая использована Ф. Энгельсом для обозначения демократического государства будущего, В. И. Ленин пишет: «По-немецки есть два слова: «община», из которых Энгельс выбрал такое, которое *не* означает отдельной общины, а совокупность их, систему общин. По-русски такого слова нет, и, может быть, придется выбрать французское слово «коммуна», хотя это тоже имеет свои неудобства» [1, с. 65—66]. Таким образом, в соответствии с рассуждениями В. И. Ленина, можно вычленить три этапа перевода реалий: 1) этап анализа значений реалий; 2) этап определения авторской интенции; 3) этап передачи реалии на ПЯ с учетом широкого контекста на ПТ (текста перевода).

Рассмотрим переводы произведений жанра «фэнтези», выполненные в русле традиционной НФ. В силу своей специфики, связанной с интернациональным характером современной науки, НФ произведения в меньшей степени, чем любые другие, отражают национальные особенности.

Для каждой из ранее выделенных подгрупп характерны свои переводческие ошибки. При передаче реалий с частичным несоответствием они чаще всего обнаруживаются на этапе актуализации реалии в ПТ. Так, например, в рассказе Р. Брэдбери *Exiles* («Изгнанники») описание волшебного костра ведьм... *black tobacco smokes and fir weeds, cinnamon and bone dust* переведено: «...черный табачный дым и дым костров из траурных еловых веток, туманы, пахнущие корицей и тленом» (пер. Т. Шинкарь).

Переводчик совершенно верно определил английскую и общегерманскую коннотацию слова «ель» как воплощения Мирового дерева, древа жизни и смерти. Но при переводе из оппозиции: жизнь — смерть он взял лишь трагическую сторону образа. Жизнеутверждающие элементы образа «ели», отвечающие двойственной позиции автора, оказались отсеченными. Представляется, что здесь было бы уместно употребить вместо эпитета «траурный» слово «колдовской», отражающее эту двойственность. Действительно, «колдовской» значит волшебный: с одной стороны, несущий неприятности и смерть, с другой — исцеляющий, что связано с неизжитыми элементами язычества в русском православном мировоззрении.

При передаче построенной на аллюзии реалии переводческая ошибка часто происходит из непонимания происхождения данной аллюзии. В рассказе У. Ле Гуин *Semley's Necklace* («Ожерелье») фантастические амазонки ездят на животных, именуемых *windsteed*. Переводчик, проанализировав реалию, видимо, пришел к выводу, что из двух омонимов *wind* «ветер» и «змейтсся», «витьсся» здесь актуализируется первый, и перевел слово как «крылатый конь» (по ассоциации «ветер—крылья»). Сочетание «крылатый конь» вызывает однозначное представление о Пегасе и творческом вдохновении, что не имеет к тексту оригинала ни-

какого отношения. С другой стороны, анализ внешних признаков животного («золотистое тело, подогнул под себя толстые, ярко окрашенные лапы»), сопоставленный с текстом эпохи Возрождения: «Вцепился в гребень золотой дракон/несытыми когтями...» [6, с. 489], — дает основания искать в животном черты дракона или змея. Тогда wind — «змеиться», windsteed — «конь-змей».

При передаче квазисобственных имен ошибки часто возникают на этапе анализа значений реалии, особенно, если это значение осложнено аллюзией, что связано как с недостаточным объемом справочных пособий, так и с недостаточностью знаний самого переводчика. В том же рассказе У. Ле Гуин встречается презрительная кличка одной из рас — clayfolks. Переводчик пошел по пути буквального перевода: «земляные», создав дополнительную ассоциацию с домовыми, водяными, которой нет у автора, при этом был утерян презрительный характер слова. Реальное же значение, видимо, связано с презрительной кличкой жителей штата Южная Каролина: clayeaters. Поэтому здесь, очевидно, следует «глиноеды» [7, с. 63].

Обратимся к переводам, ориентированным на передачу жанрово-стилистических особенностей «фэнтези» средствами литературной сказки. В нашей стране существует устойчивая традиция перевода иноязычной литературной сказки, наиболее полно выраженная одним из ведущих ее переводчиков Б. Заходером в предисловии к истории о Винни Пухе: «Я сперва решил выучить Винни и его друзей объясняться по-русски, что, уверяю вас, было тоже нелегко. Конечно, по-английски они и сейчас говорят гораздо лучше, чем по-русски, но все же мне кажется, что теперь вы их поймете...» [4, с. 48]. Таким образом, на первый план совершенно сознательно выдвигается задача понятности текста в ущерб его специфической национальной окрашенности. Происходит его русификация. К жанру «фэнтези» такой подход — в силу той роли, которую играет в нем национально-специфическое — непустим. Переводчики, однако, идут этим путем.

Рассмотрим перевод 1-й книги трилогии Д. Р. Р. Толкиена «Fellowship of the Ring» («Хранители колец») (пер. А. Кистяковский, В. Муравьев).

При передаче реалий с частичным несоответствием ошибки, как и в рассмотренном выше случае перевода произведений жанра «фэнтези» средствами НФ, могут возникнуть на 3-м этапе в связи с тенденцией подгонки чужой национальной традиции под отечественную.

Так, например, с точки зрения адекватности перевода название Mirkwood совпадает с его аналогом в ПЯ — «Лихолесье». Однако при этом совершенно не учитывается, что в мифологической системе скандинавов, чьи легенды стали одним из источников произведения, Мюрквид (в английской огласовке «Мёрквуд») «ассоциировался не просто с далеким лесом где-то на юге, но с границей, отделяющей один мир от другого» [3, с. 60] и даже страной мрака, то есть царством мертвых. Лихолесье же, хотя

и предполагает нечто мрачно-волшебное, связано с целым комплексом чисто славянских, нежелательных в данном случае аллюзий с циклом былин об Илье Муромце и Соловье-Разбойнике.

Подобная русификация происходит и при передаче квазисобственных имен: в том же переводе среди обилия значимых имен встречаются названия, различные по происхождению. Собственно выдуманные среди них лишь имена маленьких человечков-хоббитов, которые легко расшифровываются и поэтому совершенно правомерно воспроизводятся на русском языке: Baggins — Торбинс, Sackville-Baggins — Лакошель-Торбинс. Однако в произведении действуют персонажи, чьи имена взяты писателем из скандинавских саг, валийского и древнеисландского эпосов. Их истинное значение не совсем понятно даже искушенному английскому читателю, для которого они превращаются в дополнительный экзотический фон волшебного мира кельтов и германцев. Переводы же типа Glorfindel — «Всеславур», Gildor Inglorion of the House of Finrod — «Геральд из колена Славуров», хотя и облегчают восприятие текста, насыщенного иноязычными реалиями, но ведут к его русификации. Учитывая то, что для читателя ПТ эти имена будут еще более экзотичны, чем для читателя ИЯ, их можно просто транслитерировать.

Даже те несколько примеров, которые были рассмотрены выше, свидетельствуют о том, что из-за отсутствия методик, позволяющих передавать реалии ИЯ на ПЯ в таком специфическом, самоценном жанре, как «фэнтези», ошибки могут возникать на любом из трех этапов: анализ значения реалии, уточнение интенций автора и передача реалий на ПЯ. Они чаще всего связаны с неумением переводчиков сохранить национально-особенный компонент в структуре волшебных образов, который нередко оказывается носителем философско-этических воззрений автора. Все это требует тщательного ознакомления не только с мифологическими представлениями Западноевропейских народов, но и знания реалий русского народного эпоса, чтобы, с одной стороны, найти в родной культуре хотя бы частичный эквивалент, а с другой не допустить неоправданной подмены реалии образом, бытующим в языке перевода.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Государство и революция // Полн. собр. соч. Т. 33. С. 1—120. 2. Брандис С. Реальність і міфи // Всесвіт. 1983. № 6. С. 79—83. 3. Гуревич А. Я. «Эдда» и Сага. М., 1979. 4. Заходер Б. Предисловие к первому изданию // Р. Киплинг, А. Линдгрэн, А. Милн. М., 1985. 5. Сергеев М. Побег от реальности или попытка сопротивления? // Дет. лит. 1984. № 6. 6. Спенсер Э. Царица Фей // Европейские поэты Возрождения. М., 1874. 7. Томахин Р. Л. Америка через американизм. М., 1982. 8. Zem St. On the Structural Analysis of SF // SF Studies. 1979.

Поступила в редколлегию 01.10.88

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СИНОНИМОВ В КОМПЛЕКСНЫХ ПАРАДИГМАХ НЕМЕЦКОЙ БИОЛОГИЧЕСКОЙ И МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМ

Под терминами-синонимами (ТС) мы понимаем слова или словосочетания, которые могут отличаться, совпадать полностью или частично семантическими дифференциальными признаками в пределах одного и того же предметно-логического содержания. Признак понятия под воздействием структуры языка превращается в сложный комплекс семантических дифференциальных признаков, представляющих значение термина [4, с. 112]. Этот признак служит средством дифференциации тождественных понятий в конкретной терминосистеме [1, с. 107]. Следовательно, по семантическим дифференциальным признакам ТС подразделяются на полные, дистинктивно-семантические и частичные. Но кроме отдельных видов ТС, которые, конечно, составляют подавляющее большинство простых синонимических парадигм, существуют и сложные. Комплексная синонимическая парадигма представляет собой лексико-семантическую группу терминов, соотносящихся с одной и той же предметно-логической основой, в которой одна единица противопоставляется другой по какому-то определенному признаку в плане содержания или выражения [3, с. 78—80]. Они наблюдаются, главным образом, в расширенных синонимических парадигмах между группой ТС, характеризующих один вид отношений и отдельными, или группой ТС, представляющих другой их вид. Обязательным условием образования комплексной синонимической парадигмы является наличие не менее чем трех терминов, два из которых представляют один вид отношений, а третий в сопоставлении с первыми двумя — отличается (полностью или частично) дифференциальными признаками. Три вида одномерных отношений, представляющие полные, дистинктивно-семантические и частичные синонимы, взаимопересекаются в расширенных синонимических парадигмах, образуя смешанные виды сложных парадигм, включающие полные и дистинктивно-семантические, полные и частичные, дистинктивно-семантические и частичные ТС. Кроме названных трех видов сложных корреляций между ТС имеются и немногочисленные парадигмы, включающие все виды синонимов.

А. Полные и дистинктивно-семантические ТС.

Эти синонимы образуют два вида корреляций в одной парадигме, характеризующиеся, с одной стороны, полным совпадением дифференциальных признаков, а с другой — отличительными по отношению к полным и между собой. Следовательно, анализируемая синонимическая парадигма должна состоять не менее чем из двух полных и одного или группы дистинктивно-семантических ТС. Ср.: Hundstollwut, Tollsucht, Lyssa, Rabies → Hydrophobie, Wasserscheu — бешенство; Somnambulismus, Schlafwandern → Noktabulismus, Nachtwandern → Mondsucht, Lunatismus — сомнамбулизм, лунатизм; Seelraube, Meertraube → Traubenbaum → Lappenbeere — кокколоба, Coccoloba L.

Б. Полные и частичные ТС.

Парадигмы, включающие полные и частичные ТС, располагают обычно двумя или несколькими полными и одним частичным синонимом. Две группы синонимов частично совпадают между собой в парадигме семантическими дифференциальными признаками (в одном ЛСВ), не нарушая при этом одного и того же предметно-логического содержания. Лексико-семантический вариант (ЛСВ) — предельная единица семасиологического уровня [2, с. 125—126]. Настоящий вид комплексных парадигм свойствен в основном медицинской терминосистеме. Ср.: Implantation, Einpflanzung, Einbettung — имплантация; Einbettung — заделка, заливка; Wirbelknochen, Wirbelbein, Wirbel — позвонок; Wirbel — макушка, темя; Pin oak (англ.), Spießbeiche, Sumpfeiche — дуб болотный; Quercus palustris Muench., Sumpfeiche — казауринна хвоцевидная, Casaurina equisetifolia L.

В. Частичные и дистинктивно-семантические ТС.

Настоящая синонимическая парадигма состоит обычно из двух или нескольких дистинктивно-семантических ТС и одного полисемантического. Частичные ТС вступают в синонимические отношения с дистинктивно-семантическими по линии одного ЛСВ. Данный вид сложных парадигм присущ в основном биологической терминосистеме. Ср.: *gemeine Tollkirsche, schwarze Tollkirsche, Tollkraut* — красавка обыкновенная; *Atropa beladonna L., Tollkraut* — дурман обыкновенный; *Datura stramonium L., Tollkraut* — скополия; *Scopolia Jacq; Hirschkle, Kunigundenkraut, Wasserhanf, Wassersenf, Wasserdost* — посконник конопляный; *Eupatorium camabium L., Wasserdost* — посконник, *Eupatorium L.*

Г. Полные, дистинктивно-семантические и частичные ТС.

Комплексные синонимические парадигмы могут включать также три вида ТС: полные, дистинктивно-семантические и частичные. Условием образования такой сложной парадигмы является наличие не менее чем двух полных, одного дистинктивно-семантического и частичного ТС. Они образуют между собой двумерные отношения, в отличие от сложных синонимических парадигм, включающих по два вида синонимов и располагающих одномерными отношениями. Так, полные и частичные, дистинктивно-семантические и частичные ТС вступают между собой в синонимические отношения по линии одного ЛСВ, полные и дистинктивно-семантические характеризуются отличительными дифференциальными признаками. Ср.: *Spitzblattern, Spitzpocken* → *Wasserpocken, Wasserblattern* → *Windpocken* → *Varizellen* → *Schafblattern, Schafpocken* — ветряная оспа; *Schafblattern, Schafpocken* — оспа овец, овина; *Röhrenzwiebel, Röhrenlauch* → *Jakobszwiebel, Jakobslauch* → *Schnittzwiebel* → *Schlottenzwiebel* → *Winterlauch* → *Winterheckenzwiebel* → *ewige Zwiebel* — лук-батун, *Allium fistulosum L., Winterlauch* — лук-порея, *Allium porrum*.

На основе приведенного материала наглядно вырисовывается одномерность и комплексность взаимоотношений между синонимами различных видов в одной парадигме. Сопоставление дифференциальных признаков в плане семантических оппозиций позволило наблюдать следующие взаимоотношения:

а) полные ТС образуют нулевые¹, а дистинктивно-семантические привативные², в редких случаях — эквиполентные оппозиции³ (градуальные не отмечены). Между собой два вида синонимов противопоставляются отличительными дифференциальными признаками. Члены оппозиций отмечаются как маркированными показателями соответствующего признака, так и его отсутствием в противоположные или располагают инвариантным признаком, но отличаются дополнительным, образуя, таким образом, привативное и эквиполентное противопоставления;

б) дифференциальные признаки двух групп синонимов, — полных и частичных, дистинктивно-семантических и частичных, — совпадают между собой⁴ в одном ЛСВ и образуют два вида оппозиций: нулевые и дизъюнктивные по отношению к нулевым, привативным или (в редких случаях) эквиполентным;

в) парадигмы, состоящие из полных, частичных, дистинктивно-семантических ТС характеризуются как противопоставлением дифференциальных признаков, образуя привативные или эквиполентные оппозиции, так и совпадением в одном ЛСВ, вследствие чего возникают нулевые и дизъюнктивные оппозиции.

Между каждым видом оппозиций возникают свойственные лишь им противопоставления: привативные оппозиции характеризуются единичностью соотношения дифференциальных признаков, эквиполентные маркируются их многомерностью, дизъюнктивные — исключением и не образуют синонимов.

Лексико-семантическая структура ТС, составляющих комплексные синонимические парадигмы, многообразна. Полные синонимы состоят в основном из

¹ Нулевые оппозиции маркируются одинаковыми показателями одного и того же семантического признака.

² Различно маркированные противочлены служат основой привативной оппозиции.

³ Эквиполентная оппозиция (разновидность привативной) характеризуется инвариантным признаком, каждый член которой располагает еще и вариантным семантическим дифференциальным признаком.

⁴ Дизъюнктивные оппозиции не образуют коррелятивных терминопар.

разноязычных терминов, дистинктивно-семантические ТС характеризуют предмет или явление с различных сторон на уровне вариантов и разнокорневых терминологических единиц. Различные виды ТС, представленные в каждом отдельном виде сложной синонимической парадигмы, соотносятся с одним и тем же предметно-логическим содержанием и не выходят за его пределы.

Список литературы: 1. Арнольд И. В. Дифференциальные семантические признаки // Тезисы докл. ЛГПИ им. А. И. Герцена. 1965. С. 107. 2. Звезинцев В. А. Семасиология. М., 1957. 3. Потапова Ж. Е., Турчин В. М. Отличительные свойства синонимии в биологической и медицинской терминосистемах // Вестн. Харьк. ун-та 1986. № 290. Лингвистические и дидактические аспекты исследования германских и романских языков. С. 78—80. 4. Фадеева Э. Н. О некоторых особенностях фаунистической лексики в современном английском языке Великобритании // Вопр. структуры германских яз. Омск, 1977. С. 112—116.

Поступила в редколлегию 01.10.88

В. С. ПОЛИНА, Л. Н. ПОНКИНА, Л. Н. ЧЕРНОВАТЫЙ, канд. пед. наук

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА НАГЛЯДНОСТИ В ОБУЧЕНИИ ФОНЕТИКЕ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Как известно, увеличение количества анализаторов, принимающих участие в процессе обучения, повышает эффективность усвоения [3]. Анализ действующего учебника [4] показывает, что рекомендуемые средства наглядности при обучении фонетике фактически сводятся к слуховой опоре на речь учителя, а также зрительной опоре на его речедвигательные органы. Кроме того, рекомендуется применять объяснение артикуляции звуков. Такой арсенал средств наглядности может ограничивать потенциальные возможности повышения эффективности усвоения. В частности, в учебнике [4] не учитываются значительные резервы, скрытые в эмоциональных аспектах, характерных для учащихся данной возрастной категории (9—10 лет).

Исходя из результатов анализа, мы предположили, что эффективность обучения фонетике в 4 классе средней школы можно существенно повысить, если более широко использовать средства наглядности, в частности, аппелирующие к эмоциональной стороне школьников. Для проверки этой гипотезы мы провели эксперимент.

Эксперимент был проведен в сентябре—октябре 1987 г. во Введенской средней школе Чугуевского района Харьковской области. Для отбора испытуемых был проведен предэкспериментальный срез (ПрЭС), во время которого учащимся 4 класса было предложено задание на дискриминацию звуков английской речи, а также на имитацию таких звуков в составе слов, предъявляемых на слух. По результатам предэкспериментального среза было отобрано 12 коррелирующих пар, приблизительно равных по исходному уровню фонематического слуха и способностям к имитации. Испытуемые были разделены на две группы (контрольную и экс-

периментальную), которые, по результатам предэкспериментального среза, были равны.

Эксперимент проводился на материале звуков английского языка, представляющих повышенную трудность. Всего таких звуков было 11: [x], [θ], [ð], [w], [h], [t], [ə:], [ou], [ɔi], [ai], [ei]. Отбор указанных звуков проводился на основе экспериментального исследования по методической типологии фонетического материала [1]. Обучение в контрольной группе проводилось в соответствии с рекомендациями учебника [4], то есть последовательность учебных действий выглядела так: а) введение нового звука; б) его демонстрация (изолированно); в) вербальное объяснение артикуляции звука с демонстрацией на речедвигательных органах учителя; г) имитация (хоровая и индивидуальная) изолированного звука учащимися; д) имитация звука в составе слова. Как следует из этой последовательности, в контрольной группе использовалась слуховая наглядность (речь учителя), зрительная наглядность (демонстрация речедвигательных органов учителя) и оперативная наглядность (объяснение правил артикуляции звука). В экспериментальной группе обучение велось по тем же этапам, что и в контрольной, но, кроме указанных видов наглядности, применялись и другие. В частности, при объяснении способа артикуляции использовались схемы расположения речедвигательных органов, зрительная опора на которые сохранялась на протяжении всего периода работы с данным звуком. Кроме того, в процессе выполнения упражнений широко использовались специально подобранные картинки для введения в упражнения игровых элементов, апеллирующих к эмоциональной сфере учащихся. Например, при тренировке звука [x] учащимся предъявлялся рисунок кошки, лакающей молоко, а учитель предлагал учащимся сыграть роль этой кошки, имитируя звуковой комплекс [Iхр, Iхр, Iхр]. При тренировке звука [θ] учащимся предлагалось играть роль шипящего гуся (и предъявлялась соответствующая картинка) — [θ—θ—θ]. При усвоении звука [ð] вводилась картинка с дразнящейся обезьянкой и предлагалось имитировать звуки, которые она издает: [ð—ð—ð], а при тренировке звука [w] предъявлялась картинка клоуна, который свистит: [w—w—w]. Для отработки звука [h] использовалась картинка кролика, который прыгает: [ʰhɪptl, hɒr], для тренировки звука [t] предлагалось играть роль работающего мотора: [putt, putt, putt], а при усвоении дифтонга [ou] желающим покататься на лошадке, которую учащиеся видели на картинке, предлагалось погонять ее возгласами: [gou, gou, gou]. Для сохранения эмоционального настроя использовались также несложные рифмовки.

При тренировке звуков, представляющих особую сложность для учащихся с русским (украинским) языком в качестве родного, то есть долгих гласных и дифтонгов, применялась также зрительная опора на жесты учителя. При произнесении короткого гласного звука учитель делал характерный рубящий жест, а при произнесении долгого — делал растягивающее движение руками.

Во избежание подмены звука [i] в дифтонгах русским [й] учитель при произнесении второго элемента в [ɔi], [ai], [ei] акцентированно улыбался и предлагал то же самое сделать испытуемым.

Наблюдения за испытуемыми в ходе эксперимента показали, что применение дополнительных средств наглядности в экспериментальной группе значительно повысило мотивацию учащихся и создало благоприятный эмоциональный фон. Испытуемые экспериментальной группы были активны, раскованы, энергичны и работоспособны на протяжении всего занятия. Кроме того, исследование новой методики обеспечило максимальную интенсивность занятий для всех испытуемых.

Экспериментальное обучение заняло 18 уроков, по 20 минут на каждом. После окончания эксперимента был проведен послеекспериментальный срез (ПостЭС). Испытуемым обеих групп индивидуально предъявлялись изолированные звуки, а также звуки в составе слов, которые предлагалось повторить максимально точно. Кроме того, испытуемые составляли вопросы по предложенной картинке, а также высказывались в связи с пройденной темой. За выполнение каждого из этих заданий выставлялась оценка в баллах (оценивалось только качество артикуляции). Каждый случай правильной артикуляции оценивался одним баллом.

По результатам всех заданий был вычислен общий коэффициент усвоения артикуляции звуков на основе отношения количества выполненных заданий к количеству предъявленных [2]. Как известно, коэффициент от 0,9 до 1,0 соответствует оценке «5», от 0,8 до 0,9 — оценке «4», от 0,7 до 0,8 — оценке «3», ниже 0,7 — оценке «2».

Результаты послеекспериментального среза представлены в таблице. Как следует из таблицы, испытуемые экспериментальной группы (Б) имеют преимущество над контрольной группой (А) по всем параметрам. Качество артикуляции звуков в экспериментальной группе устойчиво выше по сравнению с контрольной группой во всех заданиях. Общее количество баллов, набранных испытуемыми экспериментальной группы почти в 1,5 раза больше. Особенно наглядно преимущество экспериментальной группы проявляется при анализе общего коэффициента усвоения (К). Такой коэффициент равен 0,83 в экспериментальной

Группа	ПрЭС (баллы)	Количество баллов по заданиям*				ПостЭС	К
		1	2	3	4		
А	32,2	7,7	7,3	7,1	6,5	29,4	0,59
Б	31,3	11	11	9,7	10,2	41	0,83

* Примечание. Номера заданий: 1 — имитация изолированных звуков; 2 — имитация звуков в составе слов; 3 — составление вопросов к картинке; 4 — описание картинки.

группе (то есть выше уровня оценки «4») и составляет всего 0,59 (то есть ниже удовлетворительного уровня усвоения) в контрольной. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что гипотеза исследования полностью подтвердилась. Использование дополнительных средств наглядности, аппелирующих к эмоциональной сфере школьников, существенно повышает качество обучения артикуляционным навыкам иностранного языка.

Список литературы: 1. Бакуменко И. И. Методическая типология английских фонем для обучения в русско-(украинско-) язычной аудитории // Язык для специальных целей как объект исследования и обучения. Симферополь, 1987. С. 8—16. Деп. в ИНИОН АН СССР 07.12.1987. № 31983. 1983. 2. Беспалько В. П. Опыт разработки и использования критериев качества усвоения знаний // Сов. педагогика. 1968. № 4. С. 52—69. 3. Демьяненко М. Я. Основы общей методики обучения иностранным языкам. К., 1984. 4. Старков А. П., Диксон Р. Р., Рыбаков М. Д. Книга для учителя к учебнику английского языка для 4 класса. М., 1986.

Поступила в редколлегию 01.10.88

Л. Н. ЧЕРНОВАТЫЙ, канд. пед. наук, **Е. В. МАСЛЕННИКОВ**
СТРУКТУРА ИНОЯЗЫЧНОГО ГРАММАТИЧЕСКОГО
МАТЕРИАЛА В СОЗНАНИИ УЧЕБНОГО БИЛИНГВА

Одной из задач обучения иностранному языку является формирование грамматических механизмов, то есть создание в сознании учащихся системы, обеспечивающей функционирование речи на грамматическом уровне. Такая система предполагает определенную организацию грамматического материала в памяти. Для успешного обучения желательно, чтобы структура педагогической грамматики [4] максимально соответствовала структуре такого материала в сознании носителя языка, так как последняя обеспечивает эффективное осуществление коммуникации и может рассматриваться в качестве оптимальной.

В настоящее время структура педагогической грамматики в большинстве случаев повторяет структуру грамматики лингвистической, то есть в процессе обучения языковые явления вводятся и отрабатываются по грамматическим категориям. Такая организация педагогической грамматики может не соответствовать принципам хранения языкового материала в памяти носителя языка, и, следовательно, быть одной из причин недостаточной эффективности обучения.

Исследования [2, 3] показали, что лексикон человека организован в сознании по понятийному принципу. Логично предположить, что такой принцип распространяется не только на лексику, но и на грамматику, так как рассмотрение изолированных аспектов языка возможно только теоретически. С другой стороны, понятийный принцип хранения материала, вероятно, присущ, в первую очередь, родному языку, овладение которым осуществляется параллельно с формированием системы понятий, то есть усвоение родного языка протекает на понятийной, а не грамматической основе. Это не означает, что овладение иностранным языком обязательно происходит аналогичным образом. Экспериментальные результаты [6] свидетельствуют, что у поздних билингвов (наиболее типичный случай усвоения иностранного языка) лингвистические системы двух языков в сознании более дифференцированы с нейрофизиологической точки зрения.

Следовательно, теоретически две лингвистические системы могут быть организованы в сознании по-разному. Вероятность такого различия усиливается, если ему способствует структура обучения, что как раз и характерно для преподавания иностранного языка. Можно предположить, что, несмотря на жест-

кую связь между структурой традиционной грамматики и структурой обучения, мозг билингва, действуя по своим специфическим законам, реорганизует усвоенный грамматический материал по понятийному принципу. С другой стороны, этого может и не происходить и тогда структура грамматического материала в сознании может повторять структуру материала в учебнике, то есть этот материал хранится в памяти по грамматическим категориям или по какому-либо смешанному принципу.

Доказательство последнего предположения могло бы служить аргументом в пользу изменения принципов организации учебного грамматического материала. Вероятно, эффективность обучения, учитывающая структурирование языкового материала в сознании, было бы эффективнее по сравнению с традиционным обучением, основанном на структуре лингвистической (традиционной) грамматики. Формальным показателем способа хранения материала в памяти может быть скорость и правильность речевой реакции на однотипные по содержанию предложения, реализующие определенное значение с помощью различных языковых средств, входящих в данное функционально-семантическое поле¹. Если грамматический материал действительно организован в сознании по грамматическим категориям, то распознавание содержания иноязычных предложений, в которых оно выражено с помощью доминирующего грамматического средства, будет происходить быстрее и правильнее по сравнению с предложениями, в которых аналогичное содержание передается периферийными средствами.

Гипотеза. В связи с совпадением структуры педагогической и лингвистической (традиционной) грамматики, организация иноязычного материала в сознании билингва определяется категориями традиционной модели грамматики. Такой принцип хранения грамматического материала в памяти затрудняет поиск необходимых языковых явлений, так как разные формы, передающие сходное содержание, но принадлежащие к разным грамматическим категориям, хранятся в разных участках сознания и могут быть не связаны между собой понятийной общностью. В результате снижается скорость и правильность распознавания содержания иноязычных предложений, если такое содержание передается не с помощью доминирующего грамматического средства.

Контргипотеза. Несмотря на то, что учебный материал организован, а обучение ведется по грамматическим категориям, полученная информация самим сознанием (независимо от воли индивида) реорганизуется по понятийному принципу. Поэтому не существует зависимости между скоростью и правильностью распознавания содержания иноязычных предложений, с одной стороны, и способом передачи этого содержания, с другой.

Эксперимент. Для проверки гипотез в апреле—мае 1988 года в Харьковском госуниверситете был проведен эксперимент.

Испытуемые. В эксперименте принимали участие 50 испытуемых (10 учащихся десятого класса специализированной школы с углубленным изучением английского языка № 29 г. Харькова, и 40 студентов факультета иностранных языков Харьковского госуниверситета — по 10 студентов 1, 2, 3 и 4-х курсов. Таким образом, все испытуемые являлись субординативными билингвами, находящимися на разных этапах развития билингвизма. Кроме проверки гипотезы предполагалось сравнить результаты билингвов различных ступеней развития с целью определения того, происходят ли какие-либо качественные изменения в принципах хранения иноязычного грамматического материала в сознании билингвов по мере их развития.

Материал. Для проведения эксперимента были подготовлены (на базе английского языка) три специальных задания по следующим понятийным категориям: «Будущее время», «Сравнение» и «Длительность». Выбор именно этих категорий объясняется тем, что испытуемые в процессе изучения английского языка знакомились как с доминирующими, так и с периферийными языковыми средствами, входящими в состав соответствующих функционально-семантических полей. Поэтому, хотя в ходе обучения все эти средства вводились в разное

¹ Функционально-семантическое поле — совокупность всех языковых средств, выполняющих определенное коммуникативное задание. В центре поля располагается доминирующее грамматическое средство. Остальные компоненты поля располагаются по его периферии [5, 9].

время, так как они принадлежат к разным грамматическим категориям (или относятся к лексике), тем не менее все они были известны испытуемым. Задание по каждой из этих категорий включало 20 предложений, из которых 10 содержали контролируемое понятие, а 10 — не содержали. Из первых 10 предложений в 5 данное понятие было выражено с помощью доминанты, а в остальных 5 — периферийными способами. Например, при контроле способности распознавать понятие «будущее время» испытуемым предъявлялись (среди прочих) такие предложения:

«He pointed out that the letter would change nothing» (1);

«They say he is arriving soon» (2);

«He is walking with the girl you wanted to see» (3).

В примерах (1) и (2) содержится понятие «будущее время», причем в (1) оно выражено с помощью доминанты, а (3) данное понятие не содержит. В ложных предложениях использовались грамматические формы, интерферирующие с формами, применявшимися в истинных предложениях. Например, форма Present Continuous содержится в (2) (истинно) и (3) (ложно). Последовательность предложений в пределах каждого задания определялась с помощью таблицы случайных чисел [1], и поэтому никакой закономерности в порядке следования истинных и ложных предложений быть не могло.

Оборудование. При проведении эксперимента использовался прибор «Определитель скорости реакции». В этом приборе нажатием кнопки происходит запуск счетчика времени. Повторное нажатие кнопки останавливает счетчик, и на индикаторе показывается время, которое прошло с момента первого нажатия кнопки.

Процедура. Эксперимент проводился индивидуально с каждым испытуемым, которому последовательно предъявлялись на слух предложения из списка. Перед предъявлением каждого предложения экспериментатор нажимал кнопку прибора. Испытуемому предлагалось ответить «да» (если, по его мнению, в данном предложении содержалось контролируемое понятие) или «нет» (если это понятие отсутствовало) и одновременно нажать кнопку прибора. Экспериментатор в специальном протоколе фиксировал характер ответа и время, затраченное на его осуществление). Перед выполнением первого задания была измерена речевая реакция каждого испытуемого на русском языке. Для этого испытуемому предлагалось ответить на три несложных вопроса. В каждом ответе измерялась скорость речевой реакции, а затем выводилось среднее значение для каждого испытуемого. Значения, полученные в эксперименте, сравнивались затем с исходной величиной речевой реакции. Это позволило сделать выводы о степени затруднений, которые возникали у испытуемых в каждом отдельном случае.

Результаты эксперимента представлены в таблице. Условные обозначения: номера групп: 0 — десятиклассники, 1 — I курс, 2 — II курс, 3 — III курс, 4 — IV курс; серии эксперимента: А — «Будущее время», Б — «Сравнение», В — «Длительность»; $\bar{x}$ — среднее значение по трем сериям в группе; Д — процент правильных ответов на предложения, в которых контролируемое понятие выражено с помощью доминанты, П — процент правильных ответов на предложения, в которых контролируемое понятие выражено периферийными средствами, t_1 — время речевой реакции (в миллисекундах) на русском языке; t_2 — время речевой реакции (в миллисекундах) на предложения, в которых контролируемое понятие выражено с помощью доминанты; t_3 — время речевой реакции (в миллисекундах) на предложения, в которых контролируемое понятие выражено периферийными средствами.

Как следует из средних значений по всем группам, принимавшим участие в эксперименте, качество распознавания содержания предложений, в которых понятие выражается доминантой на 16,1% выше по сравнению с предложениями, в которых используются периферийные способы передачи аналогичного содержания. При этом и время речевой реакции на предложения с периферийными средствами возрастает по сравнению с реакцией на доминантный способ выражения понятия ($t_3 - t_2$) на 306,6 мс. Это свидетельствует о том, что поиск значения в сознании испытуемых осуществляется быстрее и правильнее на основе доминантных грамматических ориентиров. В свою очередь, это может рассматриваться как следствие того, что все испытуемые прошли обучение, основанное на грамматических, а не понятийных категориях. В результате часто

№ групп	Серия	Д, %	П, %	t_1	t_2	t_3	t_3-t_1	t_3-t_2
0	А							
	Б	74	34	2094,1	3365	3699,6	1270,9	334,6
	В	70	52	2094,1	3221	3784,4	1126,9	563,4
	$\bar{x}$	72	63	2094,1	3236,8	3281,5	1142,7	44,7
1	А	72	49,6	2094,1	3274,3	3588,5	1180,2	314,2
	Б	64	62	2208	3661	3686,4	1453	25,4
	В	70	50	2208	3895,6	3934	1687,6	38,4
	$\bar{x}$	82	81	2208	3417,3	3698,6	1209,3	281,3
2	А	72	64	2208	3657,9	3773	1449,9	115
	Б	80	62	2228,3	3783	3964,8	1554,7	181,8
	В	76	72	2228,3	3621,6	3754,8	1393,3	133,2
	$\bar{x}$	90	83	2228,3	3559,8	3883,2	1331,5	323,4
3	А	82	72	2228,3	3654,8	3867,6	1426,5	212,8
	Б	86	62	2419,2	3267	3448,4	847,8	181,4
	В	82	70	2419,2	3040,2	3656,2	621	616
	$\bar{x}$	87	73	2419,2	3103	3709,5	683,8	606,5
4	А	85	68	2419,2	3136,7	3604,7	717,5	468,0
	Б	84	66	2352	3267,6	3728,8	915,6	461,2
	В	90	60	2352	3179	3934,4	827	755,4
	$\bar{x}$	87	66	2352	3584	3647	1232	63
	В среднем по всем группам	79,6	63,5	2260,3	3413,4	3720	1153,1	306,6

неправильно или замедленно воспринимается содержание предложения. Различные способы передачи одного и того же содержания не распознаются как варианты, так как они вводились и усваивались в разное время без указания на их общность.

Сравнительный анализ результатов разных групп (то есть билингвов, находящихся на разных ступенях развития) показывает, что, несмотря на значительную разницу в уровне владения языком испытуемыми разных групп по отношению к другим группам, не отмечено заметных качественных отличий в организации грамматического материала в сознании билингвов при переходе на более высокую ступень обучения.

Наблюдается естественное улучшение качества распознавания предложений при движении от группы десятиклассников к группе студентов IV курса (от 72% в группе «0» до 87% в группе «4» при распознавании предложений с доминантным способом выражения понятия, и от 49,6% в группе «0» до 64% в группе «4» и даже до 72% в группе «2» — при распознавании предложений с периферийными способами выражения). Частично эта же тенденция наблюдается и в динамике изменения скорости речевой реакции. Так, если в группе «0» разница (t_3-t_2), т. е. замедление реакции при распознавании предложений с периферийным способом выражения, составляет 314,2 мс, то в группах «1» и «2» эта разница снижается до 115—212,8 мс. Однако в группах «3» и «4» разница (t_3-t_2) существенно увеличивается, достигая 426,5—468 мс. Это может быть связано с разными показателями испытуемых перед началом эксперимента. Скорость речевой реакции на русском языке (t_1) наиболее высокая в группе «0» (2094,1 мс) и несколько ниже в группах «1» и «2» (2208 и 2228 мс соответственно), а в группах «3» и «4» этот показатель существенно хуже (2419,2 и 2352 мс соответственно). С другой стороны, анализируя время реакции на предложения с доминантным способом выражения понятия (t_2), можно сделать вывод, что это значение ближе к значению реакции на родном языке (t_1) как раз

в группах более развитых билингвов (группы «3» и «4»), где разница ($t_2 - t_1$) составляет 717,5 мс и 991 мс соответственно, в то время как аналогичный показатель в остальных группах значительно хуже (особенно в группах «1» и «2» — 1449,9 и 1426,5 мс соответственно).

В целом полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что гипотеза исследования подтвердилась. Существует устойчивая связь между скоростью и правильностью распознавания содержания иноязычного предложения, с одной стороны, и способом выражения (доминантный и периферийный), с другой. Это показывает, что в сознании учебного билингва иноязычный материал хранится преимущественно по категориям традиционной грамматики. Хотя при переходе билингвов с одного этапа обучения на другой и наблюдается естественное улучшение качества функционирования речевого механизма, однако в организации грамматического материала в сознании существенных изменений не происходит. Эксперимент позволил заключить, что на всех стадиях развития учебного билингва грамматический материал иностранного языка организован в его памяти по грамматическим категориям или, во всяком случае, такой способ организации является преобладающим. Это не способствует эффективному и быстрому поиску в сознании адекватных языковых средств для распознавания содержания иноязычной речи. Одним из путей преодоления этого недостатка может быть реорганизация педагогической грамматики по понятийному принципу.

Список литературы: 1. Готтсданкер Р. Основы психологического эксперимента. М., 1982. 2. Залевская А. Л. Психолингвистическое исследование принципов организации лексикона человека (на материале межъязыкового сопоставления результатов ассоциативного эксперимента): Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1980. 3. Лурья А. Р. Язык и сознание. М., 1979. 4. Черноватый Л. Н., Свердлова И. А. Проблемы построения педагогической грамматики // Вестн. Харьк. ун-та. 1985, № 274. С. 127—130. 5. Шендельс Е. И. Некоторые принципы преподавания грамматики // Иностр. яз. в шк. 1982. № 1. С. 3—9. 6. Genesee F., Hamers J., Lambert W. E. и др. Language Processing Strategies of Bilinguals: A Neurophysiological Study // Brain and Language. 1978. № 5. P. 1—12.

Поступила в редколлегию 01.10.88

СОДЕРЖАНИЕ

Дорожных А. И. Критический анализ неопозитивистских концепций языка и мышления	3
Ейсер Г. В. Психоллингвистические особенности определения грамматичности предложения	7
Карaban В. И. Речевые шаги как сложные элементы речевого материала	13
Крык Б. О прагматических универсалиях	17
Прокончук А. А. Синтаксические конструкции и членение текстового содержания	21
Тарасова Е. В. О соотношении полевой методики и прагматики в описании языка	26
Алексеевко Л. П., Фролова И. Е. Некоторые аспекты функционирования номинативных предложений-перформативов	31
Белогуб А. Л. Роль политического фактора в процессе заимствования терминологии	34
Григорьева Л. М. Развертывание как тип семантико-синтаксических отношений между контактными предложениями текста	37
Гринь Б. М. Актуализация временных отношений в высказываниях, регулирующих речевые действия адресата (РВ)	39
Гусева П. Т. О модальности конструкций с межсобытийными причинно-следственными предикатами-связками	42
Денисов О. И. Об особенностях употребления именных фраз в различных жанрах художественной литературы	44
Дмитренко В. А. Коммуникативная релевантность сложносочиненных предложений и присоединительных конструкций в диалогическом тексте	47
Донец П. Н. Текстовая значимость имен реалий в интеркоммуникации	49
Ищенко Н. Г. Однокоренные синонимы в лексической системе современного немецкого языка	53
Кедова Л. А. Диалектальные особенности оформления отрицательных предложений в ранне-среднеанглийском языке	56
Костина Н. А. Некоторые структурно-семантические и прагматические характеристики диалогических единств с побудительным инициальным высказыванием	59
Кривенко В. П. Функционирование времен в презентном и претеритальном временном плане в современном немецком языке	61
Борковская М. Л., Левицкий В. В. Межуровневые отношения в языке: лексика и синтаксис	65
Локишина Т. Ф. Условия актуализации усилительного значения интенсификаторами семантической группы really	68
Любченко Т. Н. Речевое «отстранение» в научно-фантастическом тексте	70
Мартынюк А. П. Пол говорящего в системе социоллингвистических параметров	73
Маслова Н. И. Варьирование личных и неличных глагольных граммем в англоязычной прессе и художественной прозе Индии, Великобритании и США	76
Морозова Е. И., Прокофьева Н. В. Коррелятивные имена прилагательные и глаголы в речевых актах	80
Паповяц Э. Г. Роль модификаторов в семантико-грамматическом сдвиге моделей предложений качественной характеристики	83
Подмиогин В. А. Проблемы изучения вариантности в глагольной системе современного немецкого языка	86
Солодовник И. П. Функциональный анализ пояснительных структур в современном немецком языке	90
Солощук Л. В. Структурно-семантические особенности драматургического произведения	93
Тимошенкова Т. М., Переверзев В. Ю. О передаче реалий при переводе произведений жанра «фэнтези»	96
Потапова Ж. Е., Турчин В. М. Семантические взаимоотношения синонимов в комплексных парадигмах немецкой биологической и медицинской терминологии	100

Полина В. С., Понкина Л. Н., Черноватый Л. Н. Эмоциональные средства наглядности в обучении фонетике в средней школе	102
Черноватый Л. Н., Масленников Е. В. Структура иноязычного грамматического материала в сознании учебного билингва	105

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

**ВЕСТНИК
ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

№ 352

**Коммуникативные аспекты лингвистики
и методики преподавания иностранных
языков**

Редактор *А. Ф. Балабуха*
Художественный редактор *Т. П. Короленко*
Технический редактор *Г. П. Александрова*
Корректор *М. Ф. Христенко*

ОИБ № 13756

Сдано в набор 01.03.90. Подписано в печать 09.09.91. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 7. Усл. кр.-отт. 7,25. Уч.-изд. 10,2. Тираж 500 экз. Изд. № 1872. Зак. № 203. Цена 2 р. Заказное.

Издательство «Основа» при Харьковском государственном университете.
310005, Харьков, пл. Восстания, 17.

Отпечатано в Харьковской городской типографии № 16.
310003, Харьков, ул. Университетская № 16.
Набор изготовлен в Днепропетровской областной книжной типографии.
320091, Днепропетровск, ул. Горького, 20. Зак. 1731.

